

ИЧИЛИО
ФЕЛИЧИ

Знамение СВЫШЕ

Рассказ о Фатиме

**Знамение
свыше**

ИЧИЛИО ФЕЛИЧИ
**Знамение
свыше**

Рассказ о Фатиме

перевод
Игоря Баранова

"Книжный мир экумены" © 2013

Варшава 1992

Подлинное издание: *Icilio Felici, Fatima, Edizioni Paoline, Roma 1979 (20. изд.)*

© by Edizioni Paoline, Roma 1979

© для русского издания:
for the Russian Edition
by Wydawnictwo Księży Marianów, Warszawa 1992

С разрешения церковных властей

ISBN 83-85040-37-4

Wydawnictwo Księży Marianów
Warszawa 1992
103/K/42

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Иисус Христос, Сын Божий, спасая мир на Кресте, отдал Свою Матерь Марию под опеку любимому Своему ученику, апостолу Иоанну (Богослову), а Иоанна отдал под материнскую опеку Марии.

Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе. (Ин. 19. 26–27).

Ученики Иисуса Христа, христиане всех времен, с благодарностью в сердце приняли этот завет Иисуса на Кресте и дарили Матери Иисуса – словно своей матери – почтение и любовь. И по сей день почитание Богородицы, Пресвятой Девы Марии, объединяет католиков и православных, объединяет многие народы в единой Церкви Иисуса Христа. А Мария дарит Свою материнскую любовь и опеку всем ученикам Христа и заботится о том, чтобы они были верны своему Учителю и Господу. Мария также заботится о том, чтобы многие люди, еще не знающие Иисуса, узнали Его и уверовали в Его святое Евангелие.

В ходе истории Пресвятая Дева Мария давала множество доказательств своей духовной заботы о христианах на Востоке и Западе. Необычайные события – а именно, явления Божией Матери, – о которых рассказывает эта книга, служат еще одним доказательством этого. Произошли они в Фатиме, на западе Европы, хотя в значительной мере касались Европы восточной.

О фатимских событиях 1917 года даже в самые трудные времена знали многие верующие Восточной Европы, Балтийских Стран, Украины, Белоруссии, России и даже за Уралом, в степях Средней Азии, в Воркуте, на Колыме и в Приморском Крае. В то время фатимское послание на Востоке было источником надежды, давало людям силы для выживания, а на Западе оно служило призывом к воспоминаниям в молитвах о гонимых христианах на Востоке. В 1959 году мэ́р итальянского города Флоренции Джорджо

Ла Пира привез в Москву статуетку Фатимской Божией Матери и подарил ее ректору Духовной Академии в Загорске. Это было символично, поскольку в те годы в нашей стране было опасно говорить что-либо о Фатиме.

Теперь времена иные. Во многих католических храмах у нас совершаются богослужения в честь Фатимской Божией Матери. Началось паломничество статуи Фатимской Пресвятой Девы по приходам Белоруссии. На Украине, в Довбыше, строится церковь Фатимской Божией Матери, в которую 13 октября 1990 года торжественно поместили статую Фатимской Божией Матери. Подготовкой этого торжества руководил о.Иоанн Ольшанский (ныне – епископ каменец-подольский). К верующим в том числе обратился пастырь Сибири и Средней Азии о.Иосиф Свидницкий, который в 1984 году подвергся аресту и тюремному заключению за распространение религиозной литературы о Фатиме.

Интерес к фатимскому воззванию в Сибири и Средней Азии постоянно возрастает. „Знамение свыше“ и сегодня для многих людей доброй воли, верующих и неверующих, является призывом...

Всем читателям этой книги от всего сердца желаю плодотворного чтения и всех духовных благ.

*+ Епископ Ян Павел Ленга
Апостольский Администратор
в Караганде*

Караганда–Красноармейск, 13 октября 1991 года

Введение

В 1917 году, когда в Европе продолжалась разрушительная война, а Россия испытывала революционные потрясения, в маленьком португальском местечке Фатима явилось знамение свыше. Троице юным пастушкам было послано видение Пресвятой Девы Марии...

Знамение в большой степени касалось России и ее духовного будущего. В то время, когда эпидемия безбожия охватила Россию, Пресвятая Дева призвала трех неграмотных и ничего о России не слышавших детей к молитве за Россию, за ее обращение ко Христу.

Фатимское благовестие представляет собою как бы складень, одною своею частью обращенный к Западу, а другою – к России. И обе эти части соединены неразрывно: Божия Матерь возвестила, что Россия (как нация, как страна) обратится к Богу при условии, если западные христиане своим покаянием помешают водворившемуся в России безбожию распространиться на весь мир и будут в братской любви молиться о духовном спасении русского народа.

В этом содержится глубочайший смысл вселенского христианства. Божия Матерь явилась в Фатиме как общая Мать христиан, для Нее и русские православные, и западные католики – Ее дети. Разделение Церквей для Нее как бы не существует. Видимое разделение должно быть преодолено силой действенной любви – этому Она учит, повелевая западным христианам молиться об их русских братьях. Тут раскрывается великая истина о Мистическом Теле Христовом, в котором каждый член ответственен за всех. Но это и есть то самое, что в глубинах своей души русский народ всегда понимал и чувствовал и что выражено Достоевским: все виновны за всех (*Повесть о Фатиме*, изд. „Жизнь с Богом“, Брюссель 1962, стр. 4).

Ныне, спустя 75 лет после тех событий, когда по результатам работы специальных комиссий опубликованы тома

документов (это было сделано в 1976 году), никто – если только он заведомо не отвергает возможность духовного опыта (как это делают, исходя из догматов марксистского – якобы научного – мировоззрения) – не сможет пройти равнодушно мимо событий тех лет.

Именно об этих необычайных событиях и написана эта книга. Ее автор – итальянский священник и писатель Ичилио Феличи – присущим ему ясным тосканским голосом воспел явления в Фатиме, драму пастушков, участвовавших в чудесных событиях, смысла которых они не могли постичь. С любовью и надеждой он исследовал тайны, о которых ходили слухи по всему миру, он с волнением – шаг за шагом – следовал за событиями, которые под его пером приобретали ясные очертания, и наконец признался, что еще никогда не был так увлечен, не ощущал так сильно собственную сопричастность, как во время работы над этой книгой.

Рукопись была закончена 20 февраля 1943 года. В Европе в то время бушевала война, страшная мировая война, ужасы которой были предсказаны во время чудесных явлений в Фатиме. Германия превращалась в руины, а Италия, словно смертельно раненный зверь, дергалась в страшных конвульсиях.

Во всем мире католики, следуя примеру и призывам папы Пия XII, молились о том, чтобы наступил мир, и делали все возможное, чтобы это произошло поскорее. К Фатимской Богоматери обращаются как к Царице Покоя, как к последней надежде.

Отец Ичилио желал своим пером – впрочем, как и своей миссионерской душой и сыновьей любовью – принести благодарность Пресвятой Деве Марии. Книга была сразу же по достоинству оценена читателями и с течением времени много раз переиздавалась – каждое новое издание тщательно перерабатывалось и улучшалось автором вплоть до его кончины.

В 1976 году были опубликованы *Documentos de Fatima*, ставшие плодом долгих изучений, сопоставлений, критических размышлений над четырьмя книгами воспоминаний, в которых Луция (в настоящее время – монахиня-кармелитка в монастыре в Коимбре) рассказала миру о событиях и о послании, обо всем, в чем она сама принимала участие как посредница между Небом и Землей. Были утверждены окончательные тексты документов, касающихся чудесных явлений, и, таким образом, был положен конец

многочисленным выдумкам, неточностям, необоснованным выводам и рассеяна пыль подозрений, поднятая недоброжелателями, с которыми безуспешно пытались найти общий язык (документы эти будут цитироваться в тексте таким образом: В I, В II, В III, В IV).

Пользуясь этими ценными материалами, итальянский издатель рассмотрел и соответствующим образом осовременил текст книги Ичилио Феличи, не нарушив при этом ее оригинального, естественного стиля.

В 1917 году на двух крайних пунктах Европейского континента совершались события противоположные по смыслу и значению: с одной стороны, рождалось и выросло небывалое революционное движение, по самому существу своему направленное против самого Бога, а, с другой стороны, сквозь тьму греха и неведения, окутавшего мир, пробивался первый луч надежды, луч „звезды, являющей Солнце“, как сказано в Акафисте Преподобной Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии...

Явление Богородицы в Фатиме – это Ее ответ верующим русским людям на их молитвы и любовь к Ней; видя Русскую землю в горе и муках, Она призвала Запад к молитве об ее спасении.

Русский народ всегда глубоко почитал Пресвятую Богородицу: не было сколько-нибудь значительного города, в котором не было бы местного чудотворного образа Царицы Небесной; не было деревни, которую, хоть раз в году, не посещала бы Владычица – местно-чтимая икона Ее с крестным ходом. Недаром Кафедральный собор в Москве посвящен Ее славному Успению и недаром сама страна Российская нередко называлась в древности „Домом Пресвятой Богородицы“ (*Повесть о Фатиме*, стр. 3).

Хорошо известно о глубоком почитании Пресвятой Девы Марии украинцами, белорусами, а также литовцами, латышами, эстонцами, армянами, грузинами, немцами, поляками, живущими в пределах Советского Союза и знающими русский язык. Им и предназначается эта книга, которая несет большую духовную радость.

Издательство Отцов Марианов направляет эту книгу также и всем людям доброй воли, открытого сердца и сознания, ищущим истины и добра. Она побуждает задуматься над тем знамением, которое нам было послано Небом.

Мариане в течение многих лет несут Евангелие Иисуса Христа народам Восточной Европы, Сибири, Центральной

Азии, которые после 1917 года испытали последствия эпидемии безбожия. Мариане выполняли эту миссию в Литве, Латвии, в лагерях Сибири, на Украине и в Белоруссии, в Казахстане и на Кавказе... За это многие из них заплатили жизнью. Теперь, в условиях нового времени, передавая свидетельство о Фатиме, мы хотим побудить читателей этой книги к раздумьям, а верующих – к молитве о духовном возрождении России и других народов Восточной Европы. Поэтому в приложения включены некоторые молитвы, связанные с Фатимским Посланием.

Желаем читателям духовного обогащения от прочтения этой книги.

О. Роман Пентка

Костомлоты, 13 мая 1991 г.

История и легенда

О Фатиме узнали и заговорили шестьдесят лет назад; прежде о ней никто не слышал. Не знали о ней даже историки и географы, причем не потому, что ее не было, а потому, что селение – по-видимому, в нем было всего две с половиной тысячи жителей – не могло удостоиться чести быть обозначенным на карте, а истории более значительной, чем просто предание, оно не имело.

Да и какую историю может иметь селение, затерянное в горах, где живут люди, занятые тяжелым трудом в полях, дети, пасущие овец, и несчастные женщины, запертые в тесных домишках, проводящие дни за прялкой и ткацким станком. Вместо истории Фатима гордилась и гордится легендой, согласно которой ее романтическое название, вероятно, происходит от имени какой-то знатной придворной дамы арабской крови.

Легенда рассказывает о событиях того времени, когда вся Португалия к югу от реки Тежу была все еще под мусульманским игом. Однажды прекрасным июньским утром, а именно 24 июня 1158 года, пышный кортеж мавританских дам и рыцарей выехал из замка Алкасер-ду-Сал и направился к реке Саду, чтобы отпраздновать день святого Иоанна Крестителя.

Они быстро мчались по дороге, как вдруг из засады на них обрушился отряд португальских рыцарей под предводительством Дона Гонсало Эрмингеша, известного под именем Грозы Мавров – по этому прозвищу можно судить о том, какой это был человек.

Кортеж был застигнут врасплох, большинство рыцарей пало в ходе короткой, отчаянной схватки, а те, которые остались в живых, вместе с несколькими дамами были захвачены в плен, привезены в Сантарен и предстали перед лицом Дона Алфонсо Энрикеша, основателя португальской монархии, ведшего войны против полумесячников.

Король похвалил своих рыцарей за смелость и, как тогда было принято – во всяком случае, так рассказывают легенды – спросил Грозу Мавров, руководившего походом, какой награды он желает.

– Чести служить тебе, господин, – ответил Дон Гонсало, – но в память об этом дне я осмелюсь просить у тебя руки Фатимы.

Фатима, самая прекрасная и благородная из захваченных дам, была дочерью Вали из Алкасера. Король согласился, но – как и подобает дворянину – при условии, что дама сама захочет стать женою Дона Гонсало и обратится в истинную веру.

Фатима согласилась, изучила положения христианской веры, приняла Святое Крещение, сменив при этом свое арабское имя на имя Уреана, и обвенчалась с Грозой Мавров, которому король по случаю свадьбы даровал местечко Абдегаш, и Дон Гонсало назвал его Уреаной в честь своей супруги (современное название – Урен).

Уреана, как повествует легенда, умерла в расцвете лет, и Дон Гонсало, воин, который, судя по прозвищу, не знал жалости, был так подавлен, что утешение смог найти только в религии. Вступив в орден святого Бернарда, он оказался в аббатстве Алкобаса, возведенном королем Алфонсом в тридцати километрах от Урена в ознаменование победы над неверными.

Несколько лет спустя аббат монастыря в шести километрах от Урена воздвиг в честь Божией Матери храм и небольшую обитель, в которую были перенесены останки Уреаны. С этого времени местечко получило название Фатима.

Вся история Фатимы, с 1158 и вплоть до 1917 года не известная даже географам, – история восьми веков – целиком укладывается в этой легенде.

Но начиная с 1917 года Фатима приобретает известность (городок этот относится к лейрийской епархии, он находится в горном массиве Эштрелла, а точнее, в его отроге Аире, в 130 километрах к югу от Лиссабона и в 15 километрах от железнодорожной станции, почти в самом географическом центре Португалии).

Именно с этого времени началась ее история, история,

сотканная из чудес, а отнюдь не из легенд. Благодаря этим чудесам Фатиме открылось ее Божественное предназначение, неразрывно связанное с Именем, сравниться с Которым не может ни одно другое имя, принадлежащее смертному существу. История эта рассказывает о призыве к спасению, о явлении людям Той, Которую верующие славят и чтут как Божию Матерь из Фатимы.

Сегодня у Фатимы нет границ. И в целом свете нет губ, которые не произносили бы этого имени с любовью, нет опечаленного сердца, которое не вздыхало бы о Фатиме с грустной надеждой.

Один единственный факт прославил этот город. Тот факт, что Пресвятая Дева около семидесяти лет назад ступила на благословенную землю, чтобы через детей призвать человечество к надежде, любви и миру.

Очевидцы

Было замечено, что Божия Матерь имеет явное предрасположение к простым людям вообще, а к пастухам в особенности, поскольку где бы Она ни появлялась (а появляется Она, по-матерински милосердная, во многих местах и будет появляться до тех пор, пока люди, Божией милостью вверенные Ее попечению, и впредь будут сворачивать с прямой дороги), там пастухи – юные или взрослые – почти всегда оказываются в центре событий.

В этом нет ничего удивительного.

В святую ночь в Вифлееме первыми из тех, кто воздали почести Царю, Который только что родился и еще лежал в яслях, были именно пастухи. Среди декабрьской стужи Мария почувствовала их дыхание, наполненное любовью и искренней верой. Видимо, эта любовь, подаренная Ей тогда, чтобы Она утешилась после стольких страданий и бед, навсегда запала в Ее душу и оставила непреходящее чувство благодарности ко всем пастухам.

Конечно, говоря так, мы рассуждаем чисто по-человечески, но, вместе с тем, невозможно принизить образ Небесной Матери, живущий в каждом из нас, приписывая Ей те чувства, которые связывают творение и Творца, землю и небо.

Если бы мы захотели найти какие-то особенные дары или знаки, свидетельствующие о высоком предназначении очевидцев этой истории, то были бы разочарованы. Очевидцами были лишь трое „малышей”.

Божия Матерь искала детей, а о чудесах Она позаботилась сама...

И Она нашла этих детей в Алжуштреле, маленьком поселке, относящемся к Фатиме, но отдаленном от нее, в селении, где жизнь немногих его обитателей протекала в обстановке патриархальности и безмятежной радости.

Две девочки и один мальчик. Три детские души, соединенные воедино, словно в одном зернышке.

Десятилетняя Луция, ее девятилетний кузен Франсиско Марто и его семилетняя сестренка Гиацинта. Все трое – сильные и здоровые, со следами солнца и ветра на лицах, как и подобает детям, живущим в горах, и довольно робкие, как и все дети, не сталкивающиеся с незнакомыми людьми. Естественно, никто из них не умел ни читать, ни писать.

Луция была самой младшей из шестерых детей Антонио душ Сантуша и Марии Розы, женщины, словно выточенной из куска мрамора, энергичной и по-христиански мудрой. Девочка росла сообразительной, уравновешенной и до такой степени расторопной, что если какой-либо соседке приходилось по делу отлучаться из дома, она именно Луции доверяла своих детей. В возрасте десяти лет девочка приняла Первое Причастие – к тому времени она была соответствующим образом подготовлена и проэкзаменована настоятелем прихода в Фатиме.

Ее привычной, ежедневной обязанностью было выгонять овец на пастбище.

Франсиско – сын Эмануэля Педро Марто и Олимпии – предпоследний из одиннадцати детей, был довольно уравновешенным, как и подобает маленькому мужчине, и, несмотря на мягкий характер, отважным мальчиком. Он играл с ящерицами и ужами, поил их овечьим молоком, выслеживал зайцев, кротов, лис, ежей и других животных и совсем не боялся один входить в темные пещеры. Обладая чувствительной, поэтической душой, он разговаривал с птицами, делился с ними своей едой, а когда они, сидя на ветках, начинали щебетать, соревновался с ними в пении и свисте. Он был столь близким другом этих невинных голосистых творений Бога, что не мог спокойно смотреть, когда кто-либо разорял гнезда. Однажды, встретив мальчика, поймавшего щегла, он выкупил птицу за четыре сольдо (это было все его состояние) и выпустил ее на волю, крича ей вслед: – Смотри, больше не попадайся!..

Как правило, тот, кто не любит животных, не любит также и людей: любовь юного пастушка к птицам, делает его особенно привлекательным, так как свидетельствует о

благородном сердце. И когда мы впоследствии узнаем, что, встречая немощную старушку, с трудом пасущую своих разбредаящихся овец, Франсиско всегда проворнее белки бежал ей на помощь, а потом отказывался от благодарности, это уже не кажется нам удивительным.

У его сестренки Гиацинты, самой младшей в семье, характер был непростой. Она тоже была доброй, простодушной, послушной девочкой и любила слушать материнские рассказы о христианской истории и об учении Иисуса. Но, возможно, из-за того, что она была любимицей всей семьи, и, как правило, по вечерам все ее ласкали и осыпали поцелуями, Гиацинта росла не только живой и веселой, но также весьма капризной и упрямой девочкой. Она требовала, чтобы все было так, как ей того хочется, и даже в самом незначительном споре, какие нередко случаются между юными подругами, обижалась и уходила в себя. Именно поэтому Луция, которая по натуре была более уравновешенной, поначалу невысоко ее ценила. Гиацинта производила на нее впечатление довольно корыстной девочки. По словам Луции, однажды Гиацинта уговорила кузину сыграть с нею в пуговицы и, выиграв все подчистую – в том числе и пуговицы с одежды – не захотела вернуть ей даже часть, чтобы Луция могла избежать строгого наказания.

У нее также была – несмотря на юный возраст – явная склонность, или даже страсть, к танцам. Стоило ей услышать звуки какого-нибудь пастушеского инструмента, и она сразу начинала танцевать (пускай даже в одиночестве), а часто она танцевала и вовсе без музыки – одна либо с подругами – в такт мелодии, которую некогда услышала и запомнила.

У некоторых девочек (многие из нас могут подтвердить это по собственному или чужому опыту) склонность к танцам инстинктивна, и чтобы она проявилась, им достаточно просто увидеть, как танцуют другие.

А Гиацинта видела!.. Танец был – во всяком случае, в те времена – любимым способом времяпрепровождения, особенно у молодежи. Танцевали в кругу близких людей, дома и во дворе. И вполне естественно, что живая и очень непосредственная девочка была очарована танцем.

Можно ли ее осуждать?

Конечно, нет! ...*Omnia munda mundis**. Все хорошо для семилетней девочки с душой ясной и чистой, как ключевая вода в горах, в том числе и танец, который многих ведет ко греху.

Вот такой была Гиацинта. Она имела чуткое сердце и кроткий нрав, который, если не считать мелкие и безобидные капризы – делал ее милой и полной очарования. Она любила цветы и белых ягнят из своего стада; с радостью дарила цветы близким людям, нежно прижимала к груди ягнят, когда вечером, возвращаясь с пастбища, брала их на руки, чтобы они не слишком уставали. Наконец она была невинна, как голубка, и в своей невинности больше всего была обеспокоена тем, чтобы „понравиться Иисусу“.

Когда однажды во время праздника Евхаристии Гиацинта увидела свою кузину, наряженную „ангелом“, которая шла в процессии перед балдахином и бросала цветы незримому Иисусу, она не успокоилась, пока ей тоже не позволили „бросать Иисусу цветы“. Однако во время церемонии, когда Луция брала цветы из позолоченной корзинки, набожно целовала их и бросала на незримого Бога, Гиацинта была пассивна и выглядела смущенной.

Позже ее спросили:

– Почему ты не бросала Иисусу цветы?

Она стыдливо ответила:

– Потому что не видела Его!

Зато потом она задавала кухне очень важные для себя вопросы: Ты правда видела Младенца Иисуса? Ты правда разговаривала с Ним во время Святого Причастия... А почему Он оставался невидимым... И как это получается, что столько людей принимают Его одновременно...

И наконец, когда Луция объяснила ей все, что смогла, Гиацинта горячо воскликнула (казалось, это был крик ее невинной души):

– Я тоже хочу принять Первое Причастие! Хочу принять незримого Иисуса! Я тоже хочу с Ним разговаривать!..

Как-то ей подарили образок Доброго Пастыря. Однажды вечером Гиацинта, возвращаясь домой с пастбища,

---

* Для чистых все чисто (Тит. 1,15)

обогнала своих подруг и, держа на руках ягненка, смешалась со стадом.

Луция спросила ее:

– Гиацинта, что ты там делаешь среди овец?

А та невозмутимо ответила:

– Я делаю то же, что и Иисус на том образке, который мне подарили. Он идет среди овечек и одну из них несет на плечах!

В этом вся Гиацинта! Собственно, ничего необычайного здесь нет. Великая непосредственность, великая невинность, великая чистота сердца... все то, что необходимо, чтобы „увидеть Господа“ и заслужить Его благосклонность.

Песнь невинности

В первое время Луция, как уже говорилось, не чувствовала большой любви к кузену и кузине, особенно к обидчивой и капризной Гиацинте.

Гиацинта и Франсиско, напротив, испытывали к Луции явную симпатию, искали ее дружбы, приглашали ее поиграть, и вообще предпочитали ее другим детям.

Около дома Луции был сад, а в глубине сада среди миндалевых деревьев, олив и каштанов находился колодец, закрытый большими каменными плитами. Для двух малышей этот колодец был чем-то вроде желанного оазиса, и они страстно упрашивали Луцию пойти с ними туда поиграть, а потом по очереди рассказывали „истории“, услышанные накануне от матери (она их рассказывала по вечерам у семейного очага, и для детей это были самые счастливые часы).

Одной из любимых забав, популярной также и среди старших детей в этом заброшенном местечке, была игра в фанты. Выигравший имел право дать проигравшему любое задание, и тот обязан был его выполнить. Гиацинта в таких случаях обычно приказывала поймать бабочку или собрать цветы. Однажды, когда выиграла Луция, она приказала Гиацинте пойти в комнату, где сидел ее братишка, и поцеловать его. Девочка, указывая на висящее на стене Распятие, с нескрываемым огорчением воскликнула:

– А может, будет лучше, если я поцелую Господа Бога?

Луция охотно согласилась изменить задание.

– Хорошо, залезь на стул, сними крест, а потом, стоя на коленях, трижды его поцелуй – раз за Франсиско, второй раз за меня и третий раз за себя.

– Иисуса, – в горячем порыве воскликнула девочка, – я поцелую столько раз, сколько ты пожелаешь!

И, сняв со стены крест, принялась целовать его с большим усердием (много лет спустя Луция говорила, что никогда не забудет этой трогательной сцены¹).

Неудержимый порыв Гиацинты прошел, она стала молчаливо вглядываться в святой образ, лицо ее посерьезнело. Затем она обернулась к кухне и с горечью в голосе спросила:

– Почему Господь Бог прибит гвоздями к кресту?

– Потому что Он должен был пострадать за нас, – очень серьезно ответила Луция.

И Гиацинта решительно потребовала:

– Расскажи мне, как это было!

У Марии Розы душ Сантуш была традиция по вечерам собирать детей у очага и рассказывать им самые важные моменты Старого и Нового Заветов (одним из них, конечно же, была история страданий и смерти Спасителя). Точно так же она сама, еще будучи ребенком, узнала о них: дома – от родителей, в церкви – от священника. Чудесные религиозные истории она рассказывала с таким пылом и вдохновением, на которые способен только тот, кто глубоко почувствовал их подлинность и силу. И поскольку Луция воспринимала эти волнующие рассказы всем своим сердцем, всегда внимательно слушала их и, кроме того, имея превосходную память, запоминала практически все, ей не составляло труда выполнить желание кузины.

Гиацинта, взволнованная, затаив дыхание, слушала полный горечи рассказ, сострадала и плакала... Он произвел на нее такое большое впечатление, что потом она не раз просила повторить его, снова и снова обливалась слезами и восклицала:

– Бедный Иисус!.. Я никогда не согрешу! Не хочу, чтобы Иисус страдал!

По вечерам трое наших маленьких героев часто любовались огненным закатом, а потом наперегонки пересчитывали появляющиеся на небе звезды.

Мерцание звезд и блеск луны наполняли их души ра-

---

¹ В I, в: *Documentos de Fatima*, с. 19.

достью и восторгом. Удивительная чистота детей позволяла им восторгаться тем, мимо чего взрослые проходят, так ничего и не заметив.

– Что такое звезды? – спрашивали они друг друга и в конце концов находили ответ, как и всякий, кто ищет его с чистым сердцем. Звезды – это светильники, зажженные ангелами в небесных окнах, чтобы возвещать земным существам о большом празднике, каждую ночь справляемом там, наверху, в блаженном царстве.

Солнце, столь яркое, что на него невозможно смотреть, было светильником Господа Бога. Луна, спокойная и стыдливая – светильником Божией Матери.

Франсиско, в соответствии со своим характером, особенно любил солнце, сверкающий светильник Господа Бога. Он с восторгом смотрел на закат, когда последние золотистые лучи проникали в окна домов. На рассвете он наслаждался серебристым сверканием капелек росы, которыми, словно жемчугом, были унизаны растения.

Гиацинта, как и подобает будущей женщине, предпочитала луну, светильник Божией Матери, „потому что она не жжет и не ослепляет“. И всегда, когда на небе не было видно луны (как считала Гиацинта, из-за отсутствия масла) девочка была озабоченна и печальна.

В ту пору Луция достигла восьмилетнего возраста и, согласно местным правилам, как и все ее ровесники, должна была начать пасти овец.

Она рассказала об этом своим младшим друзьям:

– Дорогие мои, кончились наши игры. Мама хочет, чтобы я начала выгонять овец на пастбище...

Гиацинта и Франсиско были так расстроены предстоящей разлукой с Луцией, что побежали к матери с просьбой позволить им вместе с кузиной пасти овец.

Но Олимпия Марто не могла согласиться на то, чтобы такие мальши весь день ходили по горам под присмотром восьмилетней девчушки!

Но дети так упрашивали, так умоляли ее, что в конце концов, рассчитывая на рассудительность Луции, она пош-

ла им навстречу и согласилась, при условии, что они будут присматривать за несколькими овцами, которые у нее были.

До чего же дети были счастливы!

Каждый день они вставали ранним утром, вместе читали „Отче наш“ и молитву Ангелу-Хранителю так, как их научила мать, затем собирали стадо и, счастливые, отправлялись на луга, едва тронутые первыми лучами солнца.

Изменились и их развлечения.

Однажды Гиацинта, взобравшись на вершину скалы, стала громко звать Луцию и внезапно услышала, как ее же голос вторит ей из долины.

Гиацинта крикнула еще раз, и послушное эхо ответило ей откуда-то снизу, словно там спешила откликнуться другая Гиацинта.

Девочке так это понравилось, что игра „в эхо“ сделалась ее любимым развлечением, и она вовлекла в эту игру своих друзей.

Пока овцы мирно щипали траву, дети, выбрав пригорок повыше, взбирались наверх и оттуда выкрикивали имена, множество имен... папы и мамы, братьев и сестер, знакомых... все имена, какие только знали – им нравилось вслушиваться в голоса Гиацинты, Франсиско, Луции, невидимых, спрятавшихся где-то внизу, в долине, и так отчетливо повторяющих имена.

В который раз играя в эту игру, Гиацинта заметила, что имя Мария звучит лучше всего; и она стала выкрикивать (почти петь) его: „Мария!.. Марияа!.. Марияа!“ Потом она в полный голос стала читать „Радуйся, Мария“, фраза за фразой, с паузами, чтобы эхо могло повторить всю молитву, спокойно, слово за словом...

Ангельская прелюдия

Таким было детство трех пастушков, свободное, как ветер, душистое, словно цветы и трава на лугу, прозрачное, как ясное небо.

По вечерам дети под руководством матери изучали катехизис; в течение дня под небесным сводом самого величественного Божиего храма они читали розарий*.

Эта ежедневная молитва была для них разговором с собственной совестью, поэтому всегда после обеда, сидя в гроте, в тени скалы или на зеленом лугу, совсем рядом со стадом овец, отдыхающих в жаркий полдень, дети, стоя на коленях, вместе читали молитвы.

Конечно же, они были всего лишь детьми, и зачастую им не хотелось прерывать свои игры ради молитвы. Что же им было делать? И играть хочется, и помолиться нужно. Они подумали и выбрали... золотую середину: с четками в руках осеяли себя крестным знамением, потом один из них на первом зернышке четок произносил: „Радуйся, Мария“, а остальные отвечали: „Святая Мария“, – и больше ничего. Наконец, дойдя до крупного зернышка, они дружно произносили: „Отче наш“, – и шли дальше. Таким образом они быстро доходили до последнего зернышка. Их обязанность была исполнена, совесть – спокойна, и они с легким сердцем возвращались к игре.

Благословенное простодушие, видя которое, сам Господь Бог может лишь улыбнуться...

В 1915 году в Европе бушевал пожар войны.

Луции было тогда восемь лет, Франсиско – семь, а Гиацинте только что исполнилось пять.

В доме у них, конечно же, слышали о войне, однако,

---

* Устная молитва в честь Пресвятой Девы Марии, сопровождаемая размышлениями о 15 тайнах жизни Иисуса Христа и Богоматери. На каждую тайну приходится 1 „Отче наш“ и 10 „Радуйся, Мария“. Молитвы читаются на четках. (Прим. пер.)

какое впечатление могло произвести на них это страшное слово? Ведь в их залитом солнцем мире царил такой покой!

Но именно война послужила причиной того, что взгляд Божий обратился к трем детям из Фатимы, чтобы сделать их провидцами и предвозвестниками спасения.

Луция говорит, что именно в 1915 году (она не уточняет месяц и число, поскольку в то время она не знала даже дней недели), когда вместе с другими пастушками она оказалась на холме Кобесо, неподалеку от Алжуштрела, во время их ежедневной молитвы они внезапно увидели удивительную белую фигуру, летящую над лесом. Казалось, что эта фигура была из снега, а солнечные лучи (все это происходило около полудня) делали ее прозрачной.

Измученный возглас одновременно вырвался из всех уст:

– Смотрите! Что это?

Поначалу они испугались, сбившись в кучку, машинально продолжали молиться, не спуская при этом глаз с белой сияющей фигуры, следя за ее движением. Когда же их молитва закончилась, видение исчезло.

Неизвестно, кто из этих девочек, со свойственным женскому полу любопытством, вернулся вместе с Луцией на это место, чтобы посмотреть, появится ли видение опять, однако, по словам Луции, в течение нескольких недель оно появлялось еще дважды.

Луция, вероятно подчиняясь голосу своей души, остерегалась кому-либо рассказывать об этом. Можно ли представить себе, чтобы кто-то другой в этой ситуации стал бы хранить молчание?.. Итак, слух о чудесном видении распространился и достиг ушей Марии Розы, которая привыкла знать все, что касается ее детей. Она позвала свою дочь и спросила ее напрямик:

– Говорят, что вы видите непонятно что. Расскажи, о чем идет речь? Рассказывай!

– Мапочка, я не знаю, – невозмутимо ответила Луция. – Мы читали молитвы, когда над лесом вдруг появилось что-то белое, которое... которое... которое было похоже на человека, закутанного в белое полотно. А потом, когда мы закончили молитву, оно исчезло.

Мать покачала головой, словно хотела сказать: „Глупышка“.

Она решила, что не стоит придавать этой истории слишком большое значение.

Прошли месяцы, уже перестали говорить о чудесном явлении, лишь иногда кто-то, желая поддразнить Луцию, напоминал о „человеке в полотне“.

Наступила весна 1916 года. Война бушевала повсюду. В Португалии ее трагические последствия были особенно ощутимы и разрушительны из-за беспощадных религиозных преследований, имевших место в течение многих лет, направленных на дехристианизацию страны, на превращение Народа Святого Розария в прибежище Антихриста. Таким образом, тучи на горизонте все больше сгущались и мрачнели.

Луция вместе с Франсиско и Гиацинтой (которые к тому времени получили у матери разрешение пасти небольшое стадо и стали лучшими друзьями Луции) оказались на склоне горы Кобесо.

Пошел дождь, дети были вынуждены искать укрытие и нашли его в небольшом гроте, спрятанном за деревьями, под самым обрывом. Там было настолько хорошо, что даже когда распогодилось, дети еще долго не выходили оттуда. Они скромно пообедали, прочитали розарий и стали играть „в шатер“

Во время игры сильный порыв ветра заставил их поднять головы... В тот же миг над лесом, расположенным у подножия холма, они увидели белую фигуру. Словно несомая ветром, она летела, приближаясь к детям. Когда она оказалась на достаточно близком расстоянии, дети различили в ней необыкновенного юношу лет пятнадцати.

Луция эту встречу описывает так:

Приблизившись к нам, он сказал: „Не бойтесь! Я – Ангел Мира. Помолитесь вместе со мной“. Он встал на колени и склонил лицо к самой земле.

Движимые каким-то сверхъестественным порывом, мы последовали его примеру и стали повторять слова, которые слышали из его уст:

„О Всемогущий Боже, верую в Тебя, поклоняюсь Тебе, уповаю на Тебя и люблю Тебя. Прощу у Тебя

прощения за всех людей, которые не веруют в Тебя, не поклоняются Тебе, не уповают на Тебя и не любят Тебя”.

Троекратно повторив эти слова, он встал и сказал: „Вот так и молитесь. Сердца Иисуса и Божией Матери услышат ваши мольбы”, – после чего исчез.

Сверхъестественная ситуация, в которой мы находились, настолько сильно подействовала на нас, что мы почти утратили чувство реальности происходящего и в течение долгого времени оставались неподвижны, повторяя услышанную молитву. Мы ощущали присутствие Бога, и у нас не хватало смелости даже на то, чтобы обменяться между собой парой слов. И на следующий день мы все еще чувствовали, что наши мысли находятся под влиянием этой необычайной силы.²

Летом, в конце июля – начале августа, когда дети вместе играли в саду у Луции, около колодца, внезапно рядом с ними появилась та же фигура и, как рассказывает Луция, произнесла:

– Что вы делаете? Молитесь! Вы должны много молиться! Сердца Иисуса и Марии готовят вам миссию милосердия. Неустанно посвящайте Всевышнему ваши молитвы и жертвы.

– Какие жертвы мы можем принести? – спросила я.

– Пожертвуйте все, что у вас есть во искупление грехов, оскорбляющих Бога, для обращения грешников. На этом пути вы обретете мир для вашей родины. Я – ее Ангел-Хранитель, Ангел Португалии. Но прежде всего покорно принимайте и переносите все страдания, которые вам пошлет Господь Бог.³

Это было самое настоящее благовещение – не могло быть никаких сомнений в его Божественном происхождении.

Несмотря на то, что дети были еще совсем маленькие и несмышленные и, говоря по правде, в первый момент не

---

² IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 321

³ Там же, с. 323

смогли полностью понять и осознать сущности требуемой от них жертвы, тем не менее они поняли ее ценность и стали жертвовать Богу то, что им было дорого.

Как правило, милость нисходит постепенно. Ангел поднял их над остальным миром лишь на одну ступень, но на этой ступени они стояли твердо, послушно и безотчетно готовясь к значительно более высокой миссии...

Два или три месяца спустя, когда они опять взобрались со своими овцами на Кобесо и вновь укрылись в том самом гроте, чтобы произнести свои ежедневные молитвы и молитву Ангела, Ангел появился снова.

Он был необыкновенно светлым. На этот раз казалось, что он облачен в сияющие одежды. В руке он держал чашу, а над нею – Облатку, с которой в чашу стекали капли крови...

Кубок и Облатка чудесным образом остались висеть в воздухе посреди сверкающего ореола, в то время как Ангел встал около них на колени и пожелал, чтобы дети троекратно повторили молитву:

Пресвятая Троица, Отец, Сын и Святой Дух, всем сердцем поклоняюсь Тебе и приношу Тебе в жертву драгоценное Тело, Кровь, Душу и Божественную Сущность Иисуса Христа, присутствующего во всех святилищах нашей земли как искупление за обиды, святотатство и равнодушие, которые Его оскорбляют.

Во имя бесконечных заслуг Его Пресвятого Сердца, а также Непорочного Сердца Марии прошу Тебя об обращении несчастных грешников.

Потом – как рассказывает Луция – Ангел встал, взял чашу в руки, дал Облатку мне, то, что было в чаше, дал выпить Гиацинте и Франсиско, говоря при этом: „Примите Тело и Кровь Иисуса Христа, замученного неблагодарными людьми. Искупите их злодеяния и утешьте Бога”.

Он вновь встал на колени и вместе с нами троекратно повторил ту же молитву. Потом он исчез.⁴

---

⁴ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 325

Он уже не вернется!

Не вернется, поскольку его миссия выполнена.

Он должен был возвестить и он возвестил.

Должен был подготовить души к неземным видениям и подготовил.

Должен был довести до сознания детей, какая милосердная миссия им выпала, и с чрезвычайной ясностью сделал это.

Должен был сделать их достойными свидетелями того, как „открывается небо“, достойными разговора с Царицей Небес и сделал это через Святое Причастие, после которого все их существо – и душа, и разум – трепетали при воспоминании о Боге Живом.

Он ушел... чтобы сказать Тому, Кто его послал: „Они готовы.“

А в этот момент счастливые избранники стояли на коленях, изумленные, потрясенные. Они повторяли молитву, которую Ангел слово за словом запечатлел в их умах и сердцах.

Солнце скрылось за горами, а они все молились, не помня ни о ком и ни о чем. Наконец Франсиско поднял голову, увидел вечерние тени, позвал сестру и кузину, и они быстро направились домой, воодушевленные тем, что увидели, взволнованные чудом Тела и Крови Христа...

Кова-да-Ирия

По дороге Луция, сама не зная почему, как будто подчиняясь велению свыше, стала горячо убеждать своих друзей как и прежде ничего не рассказывать. Добравшись до дома и более или менее правдоподобно объяснив свое позднее возвращение, они спокойно поужинали и легли спать даже раньше обычного. Необычность их поведения легко можно было объяснить сильной усталостью.

Но уже в последующие дни близкие не могли не заметить странного изменения в их настроении.

Действительно (как подтверждает сама Луция), в результате чудесных явлений Ангела они стали словно пленниками ангельского сияния и в течение нескольких дней пребывали в таком оцепенении, в такой прострации, что наивная Гиацинта говорила:

– Не знаю, что со мной происходит. Не могу больше ни разговаривать, ни петь, ни играть. Ни на что нет сил.

А Франсиско подтверждал:

– И со мной то же самое.

Но над этим бесцветным оцепенением витал образ Ангела, восхитительный, светящийся, и это побудило маленького Франсиско сказать:

– Какое это имеет значение? Ведь мы видели Ангела.

Постепенно дети вернулись в нормальное состояние и, несмотря на то, что сохраняли в сердцах свой большой секрет, с удовольствием пели, играли и веселились – как всегда. Так и должно было быть, потому что Ангел пришел, чтобы их укрепить, а не подавить.

В течение всей зимы не произошло ничего нового; трое наших героев стали более послушными и более молчаливыми, однако, самоотверженные молитвы и поступки, посвященные Богу, сохранились в тайне, и никто не мог догадаться, что происходит в их душах.

Так было до весны 1917 года, четвертого года войны. Казалось, борьба вступает в решающую фазу, но в России победил большевизм, и Португалия, попавшая во власть разрушительных сил, пала жертвой страшных потрясений, поставивших под сомнение ее духовное единство.

Если бы кто-то сказал, что в безлюдном районе Фатимы готовится победное наступление небесных сил против адского войска, и главными героями являются трое пастушков в возрасте от семи до десяти лет, его бы сочли сумасшедшим.

Но именно так все и было.

Среди мест, где наши герои любили пасти овец, была Кова-да-Ирия, небольшая плодородная долина, метров 500 в ширину, расположенная в трех километрах от Фатимы. У родителей Луции была там маленькая ферма с несколькими дубами и оливковыми деревьями.

Было тринадцатое мая, воскресенье, канун Вознесения. Луция, Франсиско и Гиацинта рано утром отправились в Фатиму, чтобы вместе с родителями принять участие в Святой Мессе – этот обычай строго соблюдался во всех набожных семьях. Около десяти часов утра дети согнали своих овец в единое стадо и решили направиться в долину Кова, где все луга были в цветах, а для овец в изобилии росла сочная майская трава. Солнце светило вовсю, в воздухе витали тысячи ароматов.

Они пришли на место около полудня и стали присматривать за стадом, а потом наступил полдень, который каждый пастух умеет распознавать по солнцу – естественным часам. Дети приступили к своим ежедневным молитвам. Потом – съели свой скромный обед. Наконец, они перешли к привычным развлечениям... В тот день игра была особенно притягательна, поскольку дело касалось (ни больше, ни меньше) строительства дома из камней, которые Франсиско с трудом выкапывал из земли между изгородями.

Но едва они приступили, энергично, с энтузиазмом, к своей работе, как вдруг их ослепило сияние, которое, как им показалось, преобразило горизонт. Они с ужасом смотрели на небо. На нем, как и прежде, не было ни одной туч-

ки (хотя бы размером с клочок ваты), и все так же ярко светило солнце.

Дети переглянулись и пожали плечами:

– Что это было?.. Откуда это?

Луция подумала и попыталась объяснить. Иногда бывает так, что гроза собирается за горами, чтобы потом внезапно перевалить через них и тогда уже разразиться со всей силой.

– Будет лучше, если мы вернемся домой.

Ее спутники, напуганные еще больше, чем она, тотчас же согласились. Они оставили свое строительство, согнали овец в стадо и бегом отправились вниз по склону. Когда они были уже на середине склона и проходили около огромного дуба (существующего и по сей день), их опять ослепило сияние, еще более яркое, чем прежде.

На этот раз детей охватила дрожь, и они изо всех сил стали подгонять овец, чтобы не опоздать.

Однако, уже достигнув дна котловины, они остановились и застыли от изумления. В двух шагах от них над маленьким, в метр высотой, зеленеющим дубком стояла юная Дева неземной красоты, которая полным изящества жестом и ласковым голосом успокоила детей.

Эту первую встречу с Пресвятой Девой Луция описывает так:

На дубке мы увидели Деву, одетую в белое – Она была светлее солнца, сверкала сильнее и ярче, чем хрустальная чаша, полная кристальной воды, сквозь которую проникают солнечные лучи. Мы застыли от изумления. Мы были так близко, что нас пронизал свет, которым Она была окружена или же который излучала. Мы находились всего в полутора метрах от Нее.

И тогда Божия Матерь произнесла:

- Не бойтесь. Я не сделаю вам ничего плохого.
- Откуда Ты появилась, Госпожа? – спросила я.
- Я пришла с неба.
- Чего Ты хочешь от нас?
- Я пришла попросить вас, чтобы в течение шести

месяцев, тринадцатого числа каждого месяца, в это же время вы приходили сюда. А потом Я скажу вам, кто Я и чего хочу от вас. Через шесть месяцев Я снова приду сюда – в седьмой раз.

- А я тоже смогу попасть на небо?
- Да.
- И Гиацинта?
- И она тоже.
- И Франсиско?
- И он. При условии, что он будет много молиться.

Тут я вспомнила о двух недавно умерших девочках. Они были моими подругами и приходили к нам в дом учиться ткать у моей сестры.

- А Мария душ Невеш уже на небе?
(Мне кажется, ей было лет 16).
- Да, она на небе.
- А Амелия?
(А ей, по-моему, было лет 18–20).
- Она останется в чистилище до конца света⁵. Хотите ли вы отдать себя Богу и претерпеть все страдания, которые Он вам пошлет для искупления грехов, и смиренно молиться за обращение грешников к Богу?
- Да, хотим.
- Тогда вы должны многое перенести, но милость Бога даст вам надежду.

Произнеся эти последние слова, она впервые открыла ладони, и сильный свет, непонятное сияние, которое они излучали, проникло в каждого из нас, в самую глубь души, и тогда мы увидели самих себя в Боге, воплотившемся в этом свете, яснее, чем можем увидеть себя в самом лучшем зеркале. И какая-то властная сила заставила нас пасть на колени и произнести слова, идущие из самого сердца: „Пресвятая Троица, Поклоняюсь Тебе. Боже мой, люблю Тебя в Пресвятой Евхаристии“.

---

⁵ То, что сказала Божия Матерь должно приниматься условно.

И после паузы Божия Матерь добавила:

– Ежедневно читайте розарий, чтобы закончилась война и мир обрел покой.

Потом Она медленно вознеслась, полетела в сторону восхода солнца и наконец исчезла где-то вдалеке. Свет, окружавший Ее, словно открывал Ей дорогу в небесах – поэтому мы говорили, что видели, как открывается небо⁶.

---

⁶ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 331–333. По тому, как учат нас Книга Исхода (32,10), Книги Ионы и Иеремии (28,7), Амелия останется в чистилище до конца света в том случае, если никто не будет за нее молиться, т.к. „многие души находятся в аду, потому что нет никого, кто бы молился за них“

Пробуждение

Вопреки логике после чудесного явления у детей не было никаких признаков душевного потрясения. Очнувшись после увиденного, они переглянулись, словно захотели заново увидеть друг друга. Они излучали свет.

Все трое отлично видели прекрасную Деву, но Франсиско слышал только голос Луции, Гиацинта слышала все, но сама не открывала рта, зато Луция разговаривала с Девой почти десять минут.

Так или иначе для всех них это было незабываемым видением. Но – где же овцы? Первым их увидел Франсиско – они паслись в глубине долины на поле бараньего гороха.

Какие бы им грозили неприятности (возможно, даже побои), если бы строгий владелец поля заметил ущерб!..

Дети побежали выгонять овец, и можно представить их радость, когда они удостоверились, что поле в безопасности...

Они пригнали овец на луг, а потом... Как бы им следовало провести время, оставшееся до вечера?

Никто из них не хотел ни играть, ни разговаривать.

Их души все еще ощущали присутствие Божественной силы. То, что они увидели и услышали, по-прежнему владело ими, и в глубине своих душ они чувствовали огромное блаженство. Для них это было то счастливое мгновение, про которое говорят, что оно, увы, должно пролететь, исчезнуть... Как прекрасный сон.

Лишь Гиацинта время от времени нарушала это молчание, потому что счастье переполняло ее. Она восклицала: „Ах, какая прекрасная Дева! Ах, какая прекрасная Дева!"

Луция поняла, что, вернувшись домой, ее кухня не сможет противостоять взрывам радости, а ведь (как считала Луция) им следует все сохранять в глубочайшей тайне, чтобы избежать дотошных, недоверчивых расспросов и,

возможно, наказаний. Поэтому она настойчиво попросила Гиацинту и Франсиско никому ни о чем не говорить, ни слова, и получила от них многократные и самые искренние обещания. С наступлением сумерек они вернулись в Алжуштрел. На прощание прозвучало последнее напоминание: „Все поняли?“ и ответное заверение: „Поняли! Все в порядке!“

Однако когда Гиацинта пришла домой, она почувствовала, что тайна переполняет ее душу, как поток, который становится все полноводней, все сильнее напирает на дамбу, и вот-вот хлынет через нее. У девочки было самое твердое намерение молчать, но ее силы убывали с каждой минутой. Наконец она подбежала к матери и, бросившись ей на шею, на одном дыхании выпалила:

– Мапочка, сегодня в Кова-да-Ирии я видела Божию Матерь.

Олимпия на это известие ответила взрывом смеха.

– Послучай, я Ее видела, – твердила девочка, опустив глаза, а потом добавила, – Мама, я с Франсиско пошла читать молитвы. И Божия Матерь нам велела... нужно каждый день молиться, потому что Она этого хочет!..

В действительности, именно это поручение относительно молитвы и та тщательность, с которой дети сразу же начали выполнять свое обязательство, заставили Олимпию заподозрить, что дело не в обычном ребячестве. Поэтому позднее, во время ужина, она стала расспрашивать Гиацинту, и та в присутствии всей семьи подробно пересказала все, что случилось в Кова-да-Ирии, в то время, как ее брат, твердо решивший сдержать обещание ничего не рассказывать, но будучи не в силах опровергнуть слова сестры, лишь утвердительно кивал головой и жестами подтверждал рассказываемые события.

Этим рассказом и закончился вечер.

Однако не трудно догадаться, что на следующее же утро, едва проснувшись, Олимпия побежала к Марии Розе, чтобы узнать, рассказывала ли Луция о чем-нибудь после возвращения с пастбища.

Нет, Луция, верная уговору, не обмолвилась ни единым словом, и лишь теперь, не имея иного выхода и видя, что

отрицание невозможно, подтвердила и даже дополнила рассказ своей кузины.

Мария Роза, будучи по натуре более решительной и вспыльчивой, уже готова была наказать девочку за ее глупые фантазии, но вовремя сдержалась и лишь сказала:

– Ладно, еще посмотрим...

В тот день, как и обычно, дети погнали овец на пастбище.

Когда они дошли до условленного места, Гиацинта, которая всегда была готова первой начать игру, забралась на скалу и, ни слова не говоря, уселась там.

Удивленный Франсиско спросил:

– Гиацинта, ты что, не будешь играть?

– Сегодня не хочу, – ответила Гиацинта.

– Почему?

– Я думаю о том, что Дева велела нам молиться и жертвовать ради спасения грешников. Когда мы прочитаем весь розарий, нам нужно будет прочесть еще „Радуйся, Мария” и „Отче наш”. Ну а как быть с жертвами?

Эту серьезную проблему не мог решить ни один из них.

И лишь после долгих раздумий Франсиско удалось это сделать, причем своеобразно, в соответствии со своими семью годами.

– Хорошо! – сказал он. – Отдадим нашу еду овцам, и это будет нашей жертвой.

Предложение было дружно принято. Для них это был первый день поста.

Таковым было первое очевидное и ощутимое следствие откровения: осознание ценности жертвы. До этого дня они понимали важность и обязательность молитвы, поскольку были хорошо воспитанными, чистыми и набожными детьми, однако не могли понять более глубоких вещей – ведь они были обыкновенными детьми, которым таинственное существо решило поведать, что „Святейшие Сердца Иисуса и Марии готовят им миссию милосердия”. Но теперь они были уже не просто обычными детьми, их души напоминали уже не просто материал, выбранный скульптором, а носили следы резца, с помощью которого творец осуществляет свой замысел.

Когда наступил вечер, дети вернулись домой с пустыми желудками, но с полными счастья сердцами, даже не подозревая, что в Алжуштреле о них заговорили.

Случилось это так. Поразительная новость, которая неизвестно как вышла за пределы семейного круга, быстрее молнии облетела весь поселок, и нельзя было с уверенностью сказать, не достигла ли она самой Фатимы...

„Какая история!.. Что придумали маленькие лгуны!.. Как можно позволять себе такие негодные шутки?.. Это святотатство... Издеваться над Божией Матерью!.. Разве у них нет родителей? Некому их образумить?!..“

Примерно такими были комментарии – то насмешливые, то возмущенные – людей, главным образом, женщин, которые всегда первыми откликаются на подобные истории. И, вероятно, их слова были услышаны возвращающимися детьми – безобидное предвестье того, что им пришлось претерпеть в дальнейшем.

По счастью в доме Гиацинты и Франсиско все было спокойно. Зато в доме у Луции давно собиралась гроза, и разразиться ей было суждено через день-два, когда Мария Роза, раздраженная сплетнями соседей, их резкими и неприятными репликами и вообще ситуацией, в которой вроде как она оказалась виноватой, вначале поссорилась с настоятелем прихода, а потом выместила свой гнев на Луции. Она накричала на дочь, будучи, мягко говоря, „не совсем права“.

Луция должна была обязательно признаться, что солгала и публично попросить прощение.

Но как же бедная Луция могла такое сказать?

Ведь она действительно видела – почему же от нее требовали признаться во лжи?.. Ей и в голову никогда не приходило кого-то обманывать.

– Ладно, – отрезала Мария Роза, уже совсем выходя из себя, – даю тебе один день! Когда будешь пасти овец, подумай о своем поведении. Или ты сегодня же вечером, когда вернешься, признаешься всем, кого ты обманывала, в своей лжи и попросишь у них прощение, или...

Она не закончила фразы, но увенчала ее красноречивым жестом, который мог означать: „Или я оторву тебе голову“.

Луция медленно отворила овчарню, выгнала овец, которые, если б только умели говорить, обязательно защитили бы ее, и направилась в сторону гор.

Ее друзья уже поджидали свою кузину. Увидев ее измученный вид и глаза, полные слез, они тут же начали спрашивать о том, что случилось.

– Моя мама, – ответила Луция, – хочет, чтобы я призналась, что солгала. Но как я могу это сделать?

Видимо, эта грустная новость очень сильно огорчила Франсиско, поскольку он, повернувшись к Гиацинте, стал упрекать ее:

– Вот видишь, это все из-за тебя. Если бы ты молчала...

Гиацинта заплакала, упала на колени, умоляла простить ее и обещала, что больше никому ничего не скажет.

В этот день Луция неохотно возвращалась домой с пастбища и все время обдумывала тот нелегкий выбор, перед которым ее поставила мать: „Или ты признаешься во лжи, или...”

...Или что?

Как было бы хорошо, если бы Гиацинта придержала язык. Все обошлось бы без неприятностей, но уж если ей нужно выбирать, то лгать она ни за что не будет.

Ее мать гордилась тем, что никогда не лгала своим детям. Зачем же теперь она хочет, чтобы Луция обманывала других?

Нет, она не солжет, и все, что ее ожидает – насмешки, клевета, побои – будет жертвой Богу, искуплением за грехи, ведь именно этого хотела Дева, и именно это Луция Ей пообещала...

Незримый творец продолжал работать над своим замыслом...

Однако ни в тот вечер, ни в последующие дни не случилось ничего плохого. Пока все ограничивалось угрозой.

Возможно, кто-то, наделенный рассудительным умом (кто знает, может быть, сам настоятель прихода в Фатиме), посоветовал Марии Розе вести себя осторожно... Или дети действительно лгали – в этом случае история затихнет сама собой, или же они и в самом деле что-то видели, и тогда...

Так или иначе, наказать никогда не будет поздно...

Сердце, окруженное терниями

„Я пришла попросить вас, чтобы в течение шести месяцев, тринадцатого числа каждого месяца...” – сказала лучезарная Дева.

Прошло много дней, закончился май, назначенная дата была уже совсем близко. Пастушки чувствовали, как ими овладевает сладкое волнение и радостная тревога.

„Пойдем или не пойдем... разрешат нам или запретят... Придет Дева или нет...”

Что касается их самих, они решили пойти во что бы то ни стало и не сомневались, что Дева придет на встречу с ними, и в ежедневных разговорах лишь укрепляли свою уверенность в этом. Они считали оставшиеся дни и заранее предвкушали блаженный миг встречи, несмотря на весь шум, поднятый вокруг них окружающими, несмотря на все обвинения, упреки, издевательства, укоры и так далее.

Наступило 12 июня, канун назначенной встречи. Вечером взволнованная Гиацинта подошла к матери и нежно произнесла:

– Мамочка, пойдем завтра с нами на Кова-да-Ирию, чтобы увидеть Божию Матерь.

Надо заметить, что 13 июня – день святого Антония Падуанского. Этот великий святой, хотя он жил и умер в Падуе, родился в Португалии, где его день очень популярен, и многие приходы (в том числе и в Фатиме) выбрали его своим покровителем.

Поэтому для прихожан это был праздничный день, и Олимпия вместе с детьми намеревалась принять участие в торжествах.

Однако Гиацинта уговаривала:

– Не ходи на праздник, пойдем с нами на Кова-да-Ирию.

– Ты считаешь, что не нужно почитать святого Антония?
– спросила ее мать, несколько недовольная настойчивостью дочери.

Гиацинта без тени сомнения ответила:

– Святой Антоний не такой уж и хороший.

– Почему?

– Потому что Божия Матьерь намного, намного лучше... Я пойду с Франсиско и Луцией на Кова-да-Ирию, и если потом Божия Матьерь скажет, чтобы мы шли к святому Антонию, то мы пойдем.

– Ладно, хватит выдумывать, глупышка. Все это чепуха. Никакая Божия Матьерь не появится.

Однако Гиацинта с еще большей убежденностью произнесла:

– Нет, я знаю наверняка. Божия Матьерь сказала, что вернется, и, значит, она обязательно вернется.

Впрочем, эта уверенность дочери не убедила Олимпию, которая на следующее утро вместе с мужем отправилась в Фатиму, а оттуда – в Педрейраш, где проходила ярмарка. Но детям она разрешила делать все, что им хочется. Ее поступок также дает основания подумать, что кто-то ей посоветовал: „Веди себя, как ни в чем не бывало, и пусть время все разрешит. Если это розы, то пусть они расцветут.“

И те, кто в этой истории был больше всех заинтересован, были вполне удовлетворены: им оставили свободу.

Около одиннадцати часов утра дети шли по дороге к Кова-да-Ирии, а перед ними и за ними, как повествует хроника, шло пятьдесят человек, среди которых (как это легко себе представить) было много недоверчивых, любопытных, благожелателей и скептиков, поскольку, как известно, в подобных случаях верующие и неверующие, сомневающиеся и те, кто не верит ничему, уступают своему любопытству и даже готовы пренебречь (как в нашем случае) празднованием дня почитаемого святого.

По словам одного из очевидцев, Луция, Франсиско и Гиацинта, придя на условленное место, подошли к большому дубу (около которого месяц назад их ослепила вторая молния) и, встав на колени, стали читать третью часть ежедневной молитвы.

После молитвы первой встала Луция. Ее плечи были

укрыты шалью, на голову (согласно местному обычаю) надет белый платок. Луция поправила платок и шаль, ее лицо приобрело то выражение, какое обычно появляется у простых женщин при входе в церковь. Потом она повернулась лицом на восток и стала ждать.

Присутствующие замерли. Кто-то с усмешкой спросил:

– Долго еще ждать?

Луция отрицательно покачала головой, а Франсиско и Гиацинта предположили, что можно прочесть еще одну молитву. Внезапно Луция воскликнула:

– Я вижу молнию – сейчас появится Дева, – и побежала в сторону маленького дубка. За нею двинулись ее брат и сестра.

Белая Дева стояла на дереве совершенно такая же, как и месяц назад. И так же, как тогда, дети оказались в положении людей, ошеломленных неземным видением. Таким был рассказ Луции:

Мы вновь увидели отблеск приближающегося света (мы называли его молнией), и вскоре после этого на дубе появилась Божия Матерь, точно так же, как и в мае.

– Чего Ты ждешь от меня? – спросила я.

– Я хочу, чтобы ты пришла сюда тринадцатого числа следующего месяца, чтобы ты ежедневно читала розарий и чтобы ты научилась читать. А потом Я скажу тебе, чего Я хочу.

Я попросила Ее об исцелении одного больного.

– Если ты прийдешь сюда, то не пройдет и года, как он выздоровеет.

– Я хочу попросить Тебя, чтобы Ты взяла нас на небо.

– Хорошо. Франсиско и Гиацинту я скоро заберу, но ты еще некоторое время останешься здесь. Иисус хочет, чтобы благодаря тебе люди узнали и возлюбили Меня. Он хочет, чтобы люди почитали мое Непорочное Сердце.

– И я останусь тут одна? – с грустью спросила я.

– Нет, доченька. А ты очень переживаешь? Не теряй надежды. Я никогда тебя не оставлю. Мое Не-

порочное Сердце будет твоим убежищем и дорогой, которая приведет тебя к Богу.

Произнося эти последние слова, Она открыла ладони и вторично осветила нас тем всепроникающим светом, в лучах которого мы чувствовали близость Бога. Казалось, что Гиацинта и Франсиско находятся в лучах, направленных к небу, а я – в лучах, падавших на землю. В правой руке Божией Матери мы увидели сердце, увенчанное терновым венцом. Мы поняли, что это – Непорочное Сердце Марии, терзаемое людскими грехами, и что оно желает искупления.⁷

Луция не сказала, что Божия Мать в какой-то степени, при условии сохранения тайны, открыла им будущее, о котором Франсиско, как и в предыдущий раз, ничего не слышал. А Луция и Гиацинта, хотя им предоставлялись тысячи возможностей, ни за что не хотели открывать свою тайну и ограничивались словами о том, что „Она желала добра нам троим, но не богатства или счастья на этом свете“.

Поэтому впоследствии появлялось много домыслов на этот счет, в том числе, касающихся будущего троих детей. И речь здесь шла не об их вечном спасении, поскольку Божия Мать посулила его детям еще в предыдущий раз, а о побуждении Луции оставить мир и уйти в монастырь и о ранней смерти Франсиско и Гиацинты.

Все это подтвердилось в 1927 году, когда сестра Луция, вдохновившись словами духовника и получив благословение от самого Иисуса во время общения с Ним в Евхаристии, возможного лишь для избранных душ и возникающего во имя высоких целей, решила обо всем написать.

Тайна, поверенная фатимским детям, на этом не кончилась. „Но и в том, что касается всего остального, – сказал Луции Иисус в Евхаристии 17 декабря 1927 года, – ты должна хранить молчание“⁸. И лишь много позднее стал известен дальнейший ход событий.

Произнося последние слова – опять-таки согласно рассказу Луции (к ней можно отнести слова святого Евангелис-

---

⁷ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 336–337.

⁸ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 529

та Иоанна: „Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его”) – Божия Мать открыла ладони, и вторично пастушки увидели тот сильный свет, в котором они ощущали себя озаренными Богом.

От сияющих ладоней пучок лучей возносился к небу; другой пучок рассыпался по земле. Франсиско и Гиацинта были освещены первым, а Луция – вторым. У правой руки Божией Матери находилось Сердце, окруженное терном и со всех сторон терзаемое шипами.

Дети поняли, что это – Непорочное Сердце Марии, „опечаленное многочисленными грехами человечества и жаждающее покаяния и искупления.”

Они поняли это благодаря необычайному свету, вдохновлявшему их.

В этот момент видение исчезло...

„Когда видение пропало, – с краткостью, напоминающей стиль евангелистов⁹, рассказывает историк, – дети вернулись домой, а те, кто наблюдал за этой сценой, очень быстро всем рассказали о том, что увидели и услышали.”

Но что они видели и слышали?

Они слышали вопросы Луции и все ее реплики во время разговора с Видением, однако больше ничего и не видели. Впрочем, кое-что, показавшееся им весьма необычным, они заметили.

Стоял июнь, и дуб со всех сторон порос длинными молодыми побегами. Когда Луция объявила, что Дева удалется по направлению к востоку, все веточки наклонились в ту сторону, словно по ним заскользил край невидимого плаща и пригнул их.

Все это хорошо заметили. Но не могли они также не заметить и отблеска на лицах детей, происходившего от проникшего в них и преобразившего их света.

И именно это они в первую очередь рассказывали, когда спешили в сторону Фатимы, чтобы поучаствовать хотя бы в конце праздничной Мессы в честь святого покровителя.

---

⁹ Автор цитирует о.Л. Гонзага да Фонсека как историка фатимских событий. Действительно, благодаря книге *Le Meraviglie di Fatima*, Рим 1979, изд. 24, ред. Г. Алонсо, о. Гонзага оказался в числе самых важных и наиболее серьезных исследователей Фатимы.

Поле брани

Стоит представить себе, скольким людям мог рассказать о событии каждый из тех, кто 13 июня был в Кова-да-Ирии, чтобы понять, за какое время распространилась новость об еще одном явлении Божией Матери пастушкам из Алжуштрела.

Действительно, через несколько дней это событие стало излюбленной темой для разговоров не только в Фатиме, но и во всей округе. Одни говорили о фантазии, другие – о внушении, третьи – об иллюзии, четвертые – об обмане... И лишь немногие, хорошо знавшие ребятишек и их неспособность солгать, предполагали, что все это может быть правдой. Священники оказались самыми убежденными скептиками. К тем, кого убедить было труднее всего, относился и настоятель прихода в Фатиме. И хотя он на всякий случай собирал подробную информацию об этой истории, тем не менее не скрывал своего недоверия и честно всем говорил: „Это фантазии экзальтированных натур. Не обращайтесь внимания, не слушайте.“

Не было недостатка и в людях, которые день за днем приходили на место события или из любопытства, или из желания поспорить, или чтобы поразмышлять на тему маленького и большого дубов, или же чтобы просто помолиться.

Семьи Марот и душ Сантуш, конечно, не могли оставаться равнодушными ни к самому событию, ни к тому, что о нем говорили – все это непосредственно их затрагивало и вынуждало, хотя бы из соображений чести, занять ясную и решительную позицию.

Олимпия позвала детей и, приняв торжественный вид, строго сказала:

– Вы обманываете людей. После вас целые толпы ходят в Кова-да-Ирию. Мне бы не хотелось вас упрямить...

Однако дети защищались необычайно решительно и энергично.

– Но мы ведь никого не заставляем туда ходить. Кто хочет, тот и идет, кто не хочет – не идет. Мы ходим туда сами по себе. Но того, кто не поверит, может постичь Божия кара. Также и тебя, мамочка, Бог покарает, если ты не поверишь.

Эти последние слова, так серьезно сказанные послушными и любящими родителей детьми, лишили Олимпию дара речи, поскольку такие слова дети не часто произносят и наедине с собой, а тем более – бросают их в лицо матери.

В это время Мария Роза, уставшая от всей этой шумихи вокруг своей семьи, пришла к заключению, что настало время устроить Луции взбучку, и, поскольку была к тому же убеждена, что именно на Луции лежит основная ответственность за обман, она дала себе слово наказывать Луцию по малейшему поводу при каждом удобном случае.

В конце июня настоятель прихода прислал уведомление, что хочет встретиться с нею и с ее дочерью.

Мария Роза облегченно вздохнула.

– Благодарю Тебя, Боже, за то, что Ты в последний момент хочешь вынуть эти каштаны из огня.

И она особенно строгим тоном сообщила об этом дочери:

– Завтра утром мы пойдем к Мессе, а потом – к настоятелю. Пусть он тебя наказывает... пусть сделает с тобой все, что захочет. Я буду очень довольна. Лишь бы он заставил тебя признаться, что ты солгала...

Присутствовавшие при этом сестры приговаривали:

– С настоятелем не пошутить. Он тебе покажет. Наверное, розгами будет пороть...

Луция молчала и, как только ее отпустили, побежала обо всем рассказать Франсиско и Гиацинте.

– Мы тоже туда идем, – сказали они. – Настоятель хочет, чтобы мы пришли к нему, но мама не говорила, что он собирается сделать нам что-то плохое. – И добавили:

– Если нас будут бить, мы должны терпеть. Будем страдать за нашу любовь к Господу и за грешников.

Наутро Мария Роза отправилась с дочерью в Фатиму. За всю дорогу она не сказала ни слова. Обычно она вела себя так, когда была раздражена.

После Мессы, во время которой Луция, по ее словам, „жертвовала Богу свои страдания“, они пошли в дом к настоятелю. Когда они поднимались по лестнице, Мария Роза, наконец, нарушила молчание:

– Перестань же, в конце концов, меня мучить, – произнесла она. – Скажи настоятелю, что лгала, чтобы он уже в ближайшее воскресенье смог все объяснить людям и покончить с этой историей. Или все теперь должны бежать в Кова-да-Ирию и молиться перед дубом?!

Произнеся эти слова, она постучала в дверь.

В добродушном настоятеле не было ничего от того грозного образа, который мать и сестры часто рисовали Луции. Он вел себя ласково, по-отечески.

– Иди сюда, дочка. Вот так... Расскажи мне подробно, без стеснения или страха, не смешивая правду с неправдой, что ты собственно видела и слышала в Кова-да-Ирии.

Луция рассказала. Настоятель задавал вопросы, что-то просил разъяснить, и она говорила со всей откровенностью, не открывая, однако, доверенную ей тайну. Наконец настоятель очень серьезно заявил:

– Не похоже, чтобы это было небесное явление. К тому же, когда Господь разговаривает с чьей-либо душой, он велит ей покаяться перед духовником или настоятелем. А эта девочка скрывается в своем молчании. Видимо, это – проделки дьявола. Ладно, будущее откроет нам истину.

Таким было его мнение, честно высказанное, а потому – достойное уважения.

Но Луцию сильно взволновали и огорчили его слова: „Видимо, это проделки дьявола.“

А что, если это действительно так?.. Если дьявол хочет таким образом завлечь и погубить ее?..

Своими сомнениями она поделилась с друзьями.

– Нет, – со свойственной ей энергией отвечала маленькая кузина, – это не дьявол. Нет. Говорят, дьявол уродливый и живет под землей, в аду. А эта Дева очень красивая, и мы видели, как Она возносилась на небо.

Это было разумно. И хотя слова эти были произнесены девочкой младше ее самой, Луция успокоилась. Однако со временем, в обстановке глухой неприязни близких и знакомых, страх вернулся к ней с такой силой, что она подумывала, не перестать ли ей ходить в Кова-да-Ирию. Тогда бы все закончилось, и она смогла обрести покой. Для нее было бы большой жертвой лишиться встреч с небесным существом, но если и оно – даже оно! – может быть проделкой дьявола...

Вечером 12 июля всегда спокойное селение выглядело необычайно оживленным. Даже издалека приехали люди, желающие поучаствовать в событиях следующего дня. В домах и на улицах только об этом и говорили. Луция приняла решение. Она пошла к своим друзьям и со слезами на глазах сказала:

– Вы идите, а я не пойду. Если Дева спросит обо мне, скажите, что я не пришла, так как боюсь, что Она – дьявол.

Белое облако

Свыше двух тысяч человек (по иным сведениям – даже больше четырех тысяч) утром 13 июля собралось с разных сторон в Кова-да-Ирии, чтобы увидеть Божию Матерь.

Луция, оставшаяся дома и решившая никуда не ходить, к назначенному часу внезапно почувствовала, что какая-то непреодолимая сила заставляет ее выйти из дома. Словно ведомая незримой рукой, она пошла в дом к своим друзьям.

Гиацинта и Франсиско стояли на коленях, молились и плакали.

- Почему вы не идете? Ведь уже пора.
- Без тебя боимся.
- А я уже иду.

Ее вела незримая рука. И все трое без колебаний отправились в путь вместе с Эмануэлем Марто, который, видя большую толпу, решил, что не следует детей отпускать одних.

Когда они пришли в долину, их встретил шум толпы, расступившейся, чтобы пропустить детей к дубу.

Ровно в полдень появилась Дева. На этот раз ей предшествовала только одна молния.

Луция, не в силах избавиться от мысли, что все это может оказаться проделкой дьявола, молча смотрела на Деву. Гиацинта тронула Луцию за плечо:

– Говори, Луция!.. Не видишь разве, что Она уже здесь и ждет твоих слов?

Луция собралась с духом и задала тот же самый вопрос:

– Чего Ты желаешь от меня?

– Я хочу, – ответило Видение, – чтобы вы пришли сюда тринадцатого числа следующего месяца и чтобы вы по-прежнему каждый день читали молитвы Божией Матери

Розария для обретения спокойствия в мире и окончания войны. Только Божия Матерь Розария может вас спасти.

Пастушка, все еще обуреваемая страшными сомнениями и подавленная присутствием взволнованной, по большей части недоверчивой и недоброжелательной толпы, произнесла:

– Я хочу попросить, чтобы Ты сказала, кто Ты такая, и чтобы Ты совершила чудо – тогда бы все поверили, что Ты являешься нам.

Луция продемонстрировала немалое присутствие духа и, может быть, даже дерзость...

Дева ответила:

– Приходите сюда каждый месяц. В октябре Я скажу, кто Я, чего хочу, и совершу чудо, которое все смогут увидеть и благодаря этому уверовать.

Но Луция этим ответом не удовлетворилась. Ее убеждали попросить об исцелении несчастного калеки, об обращении одной из семей в Фатиме, о блаженной смерти для неизлечимого больного из Атогуя, и у Луции хватило смелости обо всем этом попросить.

Божия Матерь ответила, что Она не исцелит калеку, однако посоветовала, чтобы он ежедневно вместе с семьей читал розарий; что больному не следует торопиться, поскольку Она лучше знает, когда Ей следует прийти и забрать его; что все, кто хотят и просят милости, в течение ближайшего года должны неустанно молиться.

Этот краткий ответ, проникнутый идеей спасения и прекрасным евангельским духом, можно выразить так: Поступать следует в соответствии с принципом „лучше без ног войти в рай, чем со здоровым телом – в ад“

Бог – Хозяин жизни и смерти. А значит, пусть Он Сам решает, что должно произойти, а вы целиком доверьтесь Ему.

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам.

Подобных слов дьявол не мог бы сказать даже в шутку. Дева продолжала:

– Смирять свою плоть ради грешников и постоянно повторяйте, особенно когда приносите жертву: „О Иисус, я делаю это из любви к Тебе, ради спасения грешников и во

искупление грехов, совершенных против Непорочного Сердца Марии”.¹⁰

На этом разговор не закончился, он продолжался в присутствии внимательно наблюдающей толпы, которая в какой-то момент увидела, что все трое детей внезапно побледнели и задрожали, а из уст Луции вырвался приглушенный возглас.

После небольшой паузы все услышали, как Луция, глядя на верхушку дуба как зачарованная, сказала:

– Ты больше ничего не хочешь от меня?

Ответ, который толпа не слышала, был таков:

– Нет, теперь Я больше ничего не хочу.

– И я! – воскликнула Луция голосом человека, нашедшего то, что он искал.

В действительности, как она сама позднее утверждала, после соприкосновения с этим небесным светом все сомнения и беспокойства в ее душе исчезли.

Легкая, словно пух, плывущий в утреннем воздухе, Дева удалась в направлении солнца.

Люди, окружавшие детей, ничего не видели и не слышали после слов, сказанных Луцией, но все впервые заметили белое облачко, спустившееся на дуб, и то, что вслед за этим померк солнечный свет. Потом облачко растворилось, и солнце засияло, как прежде.

В общем, они увидели знамение свыше и были этим взволнованы.

Поэтому, когда прошло очарование от увиденного, многие бросились к пастушкам и так сгрудились вокруг них, что Эмануэль Марто, боясь, как бы не задушили маленькую Гиацинту, поднял ее к себе на плечи и, локтями прокладывая себе дорогу, понес девочку домой.

Франсиско с Луцией остались в толпе. Луция, в которой видели главную героиню произошедшего события, должна была отвечать на вопросы присутствующих.

– Почему ты была такой опечаленной?.. Почему ты внезапно застонала, словно кто-то причинил тебе боль?

– Это тайна.

---

¹⁰ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 339

- Хорошая или плохая?
- Для нас троих – хорошая.
- А для остальных людей?
- Для одних – хорошая, а для других – плохая.

Несмотря на все расспросы, больше ничего из нее выудить не удалось. И на протяжении двадцати лет тайна, доверенная Божией Матерью детям, для всех людей оставалась неведомой.

И лишь в 1941 году, уступив просьбам и получив разрешение свыше уже описанным способом, Луция решила открыть тайну, изложив ее на бумаге. И поэтому теперь ее знает весь мир, впрочем, не полностью, а лишь две части, наиболее его затрагивающие (речь идет о спасении душ и о почитании Непорочного Сердца Марии), в то время как третья ее часть – по крайней мере, на некоторое время – должна быть сохранена в Божественном ведении.

Прочитаем рассказ, собственноручно записанный Луцией:

Произнеся последние слова, Она вновь раскрыла ладони, как и во время двух предыдущих встреч. Казалось, что свет проникает сквозь землю, и мы увидели как бы море огня. Погруженные в этот огонь бесы и души, похожие на раскаленные угли с человеческим обликом,плыли сквозь пламя; влекомые через огонь, лишённые веса и опоры, они падали со всех сторон, словно искры во время страшного пожара, среди воплей и отчаянных стонов, которые заставляли замирать и трепетать от страха (именно при этом зрелище я не могла сдержатъ возгласа, который, как говорят, слышали все присутствующие). Бесы выделялись отвратительными, ужасающими обликами. Они были похожи на мерзких, неизвестных животных и напоминали раскаленные угли.

Испуганные, словно обращаясь за помощью, мы взглянули на Божию Матерь, которая ласково и печально сказала нам:

– Вы увидели ад, куда попадают души бедных грешников.

Чтобы их спасти, Бог хочет утвердить на земле

почитание Моего Непорочного Сердца. Если вы сделаете то, что Я вам скажу, множество душ будет спасено и обретет покой. И закончится война. Но если они не перестанут оскорблять Бога, то во время понтификата Пия XI начнется следующая, еще более страшная война. Когда вы увидите, что ночь озарилась непонятным светом, знайте, что это великий знак, посылаемый вам Богом, означающий, что за безумную войну мир будет наказан голодом и преследованиями Церкви и Святого Отца.

Чтобы это предотвратить, Я потребую посвящения России Моему Непорочному Сердцу и искупительного причастия в первую субботу каждого месяца. Если Мои пожелания будут услышаны, Россия обратится и воцарится мир. Если же нет, она распространит свои заблуждения по всему миру, начнутся войны и преследования Церкви. Хорошие люди будут замучены; Святейшему Отцу придется много страдать; будут уничтожены многие народы. Но в конце концов восторжествует Мое Непорочное Сердце. Святой Отец посвятит мне Россию, которая обратится, и на земле восстановится мир. А в Португалии будет навсегда сохранен догмат веры.¹¹

Вкратце проанализируем этот рассказ, записанный Луцией в 1941 году по просьбе епископа.

Когда Божия Матерь напомнила своим избранникам, что они должны идти на жертвы ради грешников, Она открыла ладони, как и в предыдущие разы. Пучок света, исходящий от них, казалось, проникал сквозь землю, и дети увидели „как бы море огня”

Страшное зрелище продолжалось всего несколько мгновений (дольше бы дети его не выдержали), и именно оно вызвало у Луции приглушенный испуганный возглас. Это было ужасающее зрелище ада. Дети инстинктивно поднимали глаза на Божию Матерь, словно желая найти в Ней защиту и попросить Ее о спасении. И Она ответила печальным и мягким голосом:

---

¹¹ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 242-243.

– Вы увидели ад, куда попадают души несчастных грешников. Чтобы их спасти, Бог хочет утвердить на земле почитание Моего Непорочного Сердца.

После предостережения, чтобы они никому, кроме Франсиско, об этом не говорили, Она сказала:

– Когда читаете розарий, в конце каждой тайны говорите следующее:

Господь Иисус Христос, прости нам наши грехи, избавь нас от адского огня и приведи в рай все души, особенно те, которые больше всего нуждаются в Твоем Милосердии.

С этого дня трое невинных детей произносили взволнованную, пылкую апострофу, где просили о милосердии к грешникам, о том, чтобы как можно скорее восторжествовало Непорочное Сердце Приснодевы Марии, являющееся защитой и убежищем людей.

К вершинам

С тех пор, как вначале Ангел, а потом Божия Матерь, наказали нашим пастушкам молиться за несчастных грешников, наполняющих горечью Божие Сердце и навлекающих на себя страшную кару, дети стали задумчивыми и не находили себе места.

Гиацинта думала: „Попадают в ад!“ – и спрашивала Луцию:

– А что такое ад?

Луция, достаточно осведомленная в вопросах веры, объясняла:

– Ад – это очень глубокая яма, полная диких зверей, где горит большой огонь и куда бросают всех, кто грешит и не кается в своих грехах. Они будут вечно там гореть.

Это „вечно“ ужаснуло Гиацинту.

– Как это?!.. Они уже оттуда не выйдут, даже через много лет?

– Нет, – отвечала Луция. – Никогда не выйдут, потому что будут осуждены навечно.

„Вечность“, – повторяла Гиацинта, словно хотела по-лучше запомнить это, превышающее любую величину, слово. Наконец она закрывала лицо руками, чтобы „не видеть“ этой самой вечности, а может, наоборот, чтобы „лучше увидеть“ ее.

Еще некоторое время она ни о чем не спрашивала, но потом при первой же возможности возвращалась к этому разговору, как обычно делают люди, преследуемые одной мыслью:

– Этот ад не закончится даже через много-много лет?

Луция отвечала:

– Нет, никогда не закончится.

Но Гиацинта не успокаивалась:

– А если мы будем очень много молиться за грешников,

если посвятим себя им?.. Ведь тогда Бог не станет их посылать в ад, правда?

Наконец она заключала:

– Какая добрая Дева, ведь Она обещала взять нас в рай.

И она начинала без всякой охоты играть, причем лишь для того, чтобы через минуту с огорченным видом воскликнуть:

– Несчастные! Мы должны молиться за них и приносить ради них большие жертвы.

Франсиско с виду был спокойнее своей сестренки. Но с момента появления таинственного света, исходящего от ладоней Божией Матери, фантазия мальчика была полностью поглощена образом Бога, оскорбленного и потому опечаленного. Грешники его занимали постольку, поскольку они вызывали печаль у Господа. И эта мысль его постоянно мучила.

Когда однажды они пришли на пастбище, Франсиско почувствовал внезапную потребность в одиночестве и не захотел его нарушить даже ради еды.

Когда его спросили, почему он так долго отсутствовал, Франсиско ответил:

– Я думал о Господе Боге, который опечален многочисленными грехами... Ах, если бы я мог сделать так, чтобы Он стал довольным!

Желая утешить Бога, он весь день провел в посте и молитве.

Часто, разговаривая с Луцией и Гиацинтой, он повторял:

– Мне так нравилось смотреть на Ангела, и еще больше мне нравилось смотреть на Божию Матерь, но больше всего мне понравился Бог в образе того яркого света. О, как я люблю Господа! Но Он так опечален многочисленными грехами... Мы никогда не совершим ни единого греха.

А на вопрос, что для него важнее – утешение Господа или спасение грешников (т.е. чтобы их души никогда не попадали в ад), Франсиско ответил:

– Вначале я хочу утешить Господа, а потом уже – спасти грешников.

Можно сказать, что Божия Матерь желала разделить между тремя своими избранниками понимание серьезности греха, наполнив девочек ощущением непоправимого вреда, причиняемого грехом тому, кто его совершает, а мальчика – познанием той боли, которую грех причиняет Господу Богу. Видимо, делала Она это для того, чтобы из этих двух духовных источников возникла более сильная жажда Бога и укрепились идея искупления.

Именно Франсиско, как мы помним, придумал и предложил принести первую жертву – отдать обед... овцам. Впрочем, довольно скоро дети нашли более достойные объекты для добрых дел. Они часто встречали детей из двух бедных семей, живущих подаяннием. „Отдадим нашу еду этим беднякам“ Так они делали каждый раз, когда встречали этих детей, и совершали это ради „спасения грешников“

Но они все еще не были довольны собой. Они утоляли голод кореньями, горькими травами и желудями, отказывались от вкусных фруктов и напитков, которыми их угощали, они состязались в выдумывании все новых и новых жертв.

Однажды, когда мать Луции пригласила их попробовать приготовленный ею прекрасный медовый напиток, Франсиско внезапно отказался, и когда позднее Луция спросила его, почему он это сделал, мальчик искренне ответил:

– Я хотел принести небольшую жертву, чтобы порадовать Господа.

„Спасти грешников“ и „утешить опечаленного Господа“ стало тем, что безбожник назвал бы „заклинаниями“. С тех пор, как Божия Матерь показала предназначенный для нераскаившихся грешников ад, жажда спасти от страшной муки как можно больше душ просто сжигала сердца детей.

Казалось, что Гиацинта перестала быть просто ребенком. Она часто сидела в задумчивости и повторяла про себя: „Ад... ад... Какую боль мне причиняют души, идущие в ад!..“ Трепеща, она опускалась на колени и, сложив руки, молилась: „Господь Иисус Христос, прости нам наши грехи...“

Однажды она закричала так, словно перед нею вновь предстало ужасающее зрелище:

– Луция, Франсиско, молитесь, молитесь вместе со мной. Нужно много молиться, чтобы спасти души от ада. Сколько их туда попадает!.. Почему Божия Мать не показывает грешникам ада? Если б они увидели его, они бы перестали грешить и не попадали бы туда. Луция, ты должна сказать Деве, чтобы Она показала ад всем тем людям, которые соберутся в Кова-да-Ирии, и ты увидишь, они обратятся к Богу...

И в задумчивости повторила:

– Столько людей попадает в ад! Столько людей!..

Луция утешала ее:

– Не бойся, ты попадешь на небо.

А Гиацинта ответила:

– Я знаю, но я хочу, чтобы туда попадали все люди.

Франсиско был обуреваем тем же страхом и тем же желанием. Луция, рассказывая обо всем этом, ничего не говорит о себе. Но мы легко можем представить ее чувства.

Был разгар лета, когда ранним утром дети отправились вместе со своим стадом по направлению к довольно отдаленному месту, где они собирались пробыть до вечера.

По дороге они встретили своих „маленьких друзей“, в чьих руках вскоре оказалась вся еда. Около полудня солнце стало так нещадно палить, что, казалось, бесплодное и каменистое место, в котором они оказались, превратилось в печь. Они были голодны, однако, сильнее всего их мучила жажда, что вполне естественно. Некоторое время они держались, жертвуя свои страдания Богу для обращения грешников, но около двух часов пополудни их терпение кончилось. Луция – самая старшая и сама смелая из них – решила пойти в соседнее селение и попросить немного воды. Скоро она вернулась с кувшином, полным воды, и куском хлеба, отданным ей какой-то доброй старушкой, сжалившейся при виде ее измученного, осунувшегося лица.

Они разделили и съели кусок хлеба, которого бы едва хватило, чтобы накормить и одного из них, а когда речь зашла о воде, Франсиско задумчиво произнес:

– Я не хочу пить.

– Почему? – спросила Луция.

– Я хочу пострадать для обращения грешников и утешить опечаленного Иисуса.

Гиацинта, которая от жажды практически не могла говорить, воодушевленная этим примером, воскликнула:

– Я тоже хочу принести жертву ради грешников.

Луция, которой пить хотелось еще сильнее, чем ее друзьям, не сказала „и я не буду пить“. Она взяла кувшин и всю воду вылила в углубление в камне, чтобы ее выпили овцы, после чего пошла возвратить кувшин старушке...

Жара не спадала, сверчки и цикады грелись на солнце и пели, с болота им вторили лягушки, создавая монотонную и оглушающую музыку.

Истощенная Гиацинта плохо себя почувствовала. С той детской простотой, которую она сохранила до самой смерти, она сказала Луции:

– У меня так болит голова. Я больше не могу. Скажи этим лягушкам и цикадам, чтобы они немного поутихли...

Франсиско спросил ее:

– Ты что, не хочешь пострадать за грешников?

Слабеньким голосом, но с огромной решимостью все вытерпеть, Гиацинта ответила:

– Нет... хочу... Хорошо, пусть они поют.

Можно сказать, что бесформенный материал, к которому притронулась рука незримого творца, начал превращаться в шедевр.

Ад идет в наступление

Таким образом, в посте и умервщлении плоти, дети готовились к четвертой встрече, которую с волнением и нетерпением, все более напоминающим эпидемию, ожидало еще большее количество людей.

Пресса также стала заниматься событиями в Фатиме. Католическая пресса – чтобы призвать к разуму и осторожности, а либерально-масонская – чтобы облить грязью не только наших героев и их сторонников, но и все самое святое.

Три или четыре тысячи человек – а именно столько их собралось в Кова-да-Ирии 13 июля по случаю предполагаемого сверхъестественного явления – не могли не вызвать переполоха. Были распущены бесстыдные слухи о якобы придуманном духовенством способе настроить фанатичную толпу против республиканских институтов. Дошло даже до предположений, что, поскольку в этих местах недавно открыли минеральный источник, теперь при помощи подобной уловки его пытаются разрекламировать в целях получения хорошего барыша. „Как в Лурде“, – без зазрения совести говорили некоторые.

И вообще, многие старались представить всю эту историю в смешном виде, потому что с мирно настроенной толпой молящихся и с белым облаком трудно поспорить.

В Вила-Нове, в Урене, к счастью для португальских антиклерикалов и масонов, за общественным порядком и республиканскими институтами, столь нуждающимися в охране, наблюдал полный энергии бургомистр Артуро д'Оливейра Сантуш. Этот ревностный блюститель закона и преданнейший слуга клики антиклерикалов, наделенный правом запрета религиозных манифестаций вне пределов церкви и уверенный, что вся эта история является спектаклем, разыгрываемым священниками, со своей стороны вме-

шался в ход событий с желанием обессмертить свое имя благодаря радикальным действиям.

А радикальные действия, по его мнению, заключались в том, чтобы заставить наших маленьких героев замолчать.

С этой целью 11 августа – почти накануне назначенной встречи – он отдал распоряжение, чтобы Луция, Франсиско и Гиацинта появились в его резиденции, потому что у него есть для них важное сообщение.

Эмануэль Марто понял, с какой целью бургомистр вызывает его детей, но решил сам пойти к нему, чтобы узнать, в чем дело, а детей оставил дома. В конце-то концов за двух малолетних детей может ответить и их законный отец! Отец же Луции решил, что будет лучше пойти вместе с дочерью, хотя в Алжуштреле (неизвестно, из каких соображений) многие говорили, что бургомистр способен на все, и никто не знает, что он готов сделать ради достижения своей цели.

Перед уходом Луция пошла проститься со своими друзьями, ведь если то, что говорят люди, правда, то они уже могут не встретиться. Однако Гиацинта, грустная как никогда, обняв ее за плечи, произнесла:

– Если тебя захотят убить, знай, что я и Франсиско хотим умереть вместе с тобой... А теперь пойдем в твой сад и помолимся за тебя.

Слова, достойные Христа, из тех, которые не раз заставляли тиранов ронять оружие и опускать руки, и которые Церковь написала золотыми буквами, чтобы восславить их.

Когда Эмануэль Марто явился к бургомистру, его ожидал строгий выговор за то, что он не выполнил распоряжения, то есть не привел детей, а Луция подверглась строгому и дотошному допросу.

Похоже, что больше всего блюстителя закона волновала тайна, о которой он узнал по слухам, однако Луция осталась непреклонной, ведь ей запрещено было открывать тайну. Поэтому бургомистру оставалось только оформить протокол допроса, причем он не преминул пригрозить, что добьется полной ясности во всей этой истории, даже если для этого ему придется выбить истину из всех троих.

Вечером „маленькая бунтовщица“, вернувшись домой, сразу же побежала к друзьям. Она обнаружила их в глубине сада, около колодца. Коленопреклоненные, закрыв лицо руками, они горько плакали! Изумленные ее появлением, они засмеялись сквозь слезы и закричали:

– Это ты?.. Твоя сестра пришла сюда за водой и сказала нам, что тебя убили. Мы за тебя молились и плакали...

Они были настолько уверены, что ее возвращение – результат их слез и молитв, что еще долго были готовы оставаться около колодца, словно у алтаря, восхваляя Господа Бога и благодаря Его и Божию Матерь. Но вскоре стемнело, и волей-неволей они вынуждены были вернуться домой.

На следующий день – 12 августа – в Алжуштрел с каждым часом прибывало все больше народа – любопытных и набожных людей – а в домах семей Марто и душ Сантуш пропорционально размерам толпы росла тревога.

– Ты только посмотри, какая суматоха из-за троих детей... Разве это может хорошо кончиться? Из Вила-Новы уже доносятся раскаты грома, и надо считаться с тем, что рано или поздно гроза разразится над головами тех, кто во всем этом не повинен.

Мать Луции была встревожена больше всех. Она была готова любой ценой завершить эту историю, как она сама говорила – пойти на любые драконовские меры, но не могла их придумать. А если и пришло ей в голову, что можно посадить девочку под замок, то вокруг было достаточно людей, которые убедили ее не делать этого, ведь она имела дело с девочкой, наделенной буйной фантазией, и неизвестно, чего от нее можно было бы ожидать. В общем, она решила ничего не предпринимать, чтобы все шло своим чередом и „что будет – то будет“

Дети же, напротив, были очень спокойны. Не тревожило их ни большое стечение народа, ни волнение близких. Неземные силы настолько овладели ими, дети были настолько сосредоточены на своем внутреннем мире, что проблемы мира внешнего перестали их затрагивать.

Наконец наступило 13 августа!

Никому и в голову не могло прийти, что за такое корот-

кое время эхо явлений в Фатиме долетит так далеко и вызовет такой резонанс.

Со всех сторон, как пишет свидетель, стекалось бесчисленное множество людей. Все дороги были забиты людьми, пешими, конными, на телегах и двуколках. Оглушительно ревели то и дело проезжавшие автомобили. Около полудня вся долина Кова-да-Ирия была заполнена народом, превращена в людской муравейник, так как собралось там от пятнадцати до двадцати тысяч человек. Неумолчный шум был вызван не только любопытством и ожиданием, но также и тем, что не обычайно большое число верующих и набожных людей собралось вокруг благословенного дуба, на котором теперь поубавилось листьев и веточек, так как многие срывали и отрезали их из религиозных побуждений. Несмотря на палящее солнце, верующие читали молитвы и пели песни, посвященные Деве Марии, чтобы скоротать время.

Однако пастушков не было! Приближался полдень, а они все еще не показывались.

Легко представить себе волнение, нетерпение, разочарование, а также самые противоречивые реплики в толпе. Говорилось даже о ловкой проделке, о злой шутке, о первом апреле в середине августа.

Часы показали полдень. Толпа разволновалась, зашумела, в какой-то момент в ней пронесся слух: „Их арестовали“. Раздражение сменилось возмущением. Стали раздаваться крики протеста, со всех сторон говорили, что нужно идти к бургомистру. И вдруг над долиной пронесся долгий раскат грома. Толпа утихла, словно зачарованная. Вся долина погрузилась в тишину, будто в ней никого не было. Море голов поднялось, все глаза устремились к маленькому поредевшему дубку. И там, около дуба, внезапно промелькнула молния, а вслед за нею появилось чистое, светлое облачко.

Раздался неудержимый радостный возглас: „Божия Мать... Божия Мать!“ Потом вновь воцарилась тишина, и на тысячах изумленных глаз появились слезы... Через некоторое время облачко исчезло. Никакого другого знака не было, но все присутствующие были убеждены, что Божия Мать явилась на встречу.

В тюрьме

Насколько правдивы были слухи, что дети арестованы?

Они полностью соответствовали действительности.

Среди автомобилей, ехавших в то утро в сторону Фатимы, была машина бургомистра, который после того, как добрался до города, пошел к настоятелю прихода и отдал распоряжение, чтобы детей привели к нему. Настоятель, оказавшийся в стороне от истории, в которой не смог разобраться, беспокоясь за то, чтобы самому не выглядеть соучастником, и не желая противоборствовать представителю власти, чей нрав он хорошо знал, послал за детьми, и вскоре их привели.

Они были в хорошем настроении, и бургомистр ничем не нарушил их душевного покоя. Он даже оказал им честь, побеседовав с ними на балконе, выходящем на площадь, а потом пригласил в свой автомобиль, чтобы лично отвезти их в Кова-да-Ирию.

Пастушки еще никогда не ездили на машине, и, кто знает, сколько раз они мечтали о том, чтобы хоть разок проехаться на одном из этих блестящих чудовищ... Поэтому они с радостью согласились.

Однако когда они оказались на перекрестке, от которого одна дорога вела в Кова-да-Ирию, а другая – прямо в Вила-Нову, машина решительно свернула на вторую дорогу.

Дети дружно закричали:

– Нет, не туда!

Бургомистр быстро ответил:

– Знаю, знаю. Но вначале мы должны заехать к настоятелю Урена, который хотел с нами встретиться, а потом мы вернемся в Кова. На машине мигом доберемся, не опоздаем.

Трудно сопротивляться такому авторитетному и к тому же любезному человеку.

Приехав в Урен, они пошли не к настоятелю, а в ратушу под предлогом того, что нужно немного подкрепиться. А настоятель их примет несколько позже.

Им подали еду, но они ничего не съели, поскольку к тому времени привыкли к посту, а в таких необычных условиях, вероятнее всего, с еще большей решимостью отказались от еды.

Божия Матерь – они были уверены – ждет их и уже появилась специально ради них над маленьким дубком... А их там нет. Наверное, они ничего не ели не только из-за стремления понравиться Господу Богу, но также от мучительного сознания того, что Божия Матерь напрасно сошла ради них с небес.

Однако единственное, что им оставалось – это ждать.

После полудня, когда они подумали, что уже смогут вернуться домой, вновь появился бургомистр. Только на этот раз совершенно в другой маске – строгим голосом он потребовал, чтобы дети открыли ему тайну, доверенную им так называемым Видением. Он пытался выудить из Луции, из Франсиско, из Гиацинты, из всех одновременно... и, наконец, когда все его попытки ни к чему не привели (поскольку детей легче было задушить, чем заставить открыть тайну), он приказал запереть их в одной из комнат, пригрозив:

– От вас самих зависит, выйдете вы отсюда или нет. Если все не расскажете, вам же хуже.

Дети, „не видевшие себя в Боге, словно в прекрасном зеркале“ и не предупрежденные, что они должны быть готовы к большим страданиям, вероятнее всего, впали бы в отчаянье, стали бы кричать и плакать. С тремя нашими пастушками такого не произошло, они не впали в отчаянье, однако страх, или даже ужас перед запертыми дверьми и враждебными стенами, перед томительным ожиданием и первыми ночными тенями, перед неизвестностью и предстоящей разлукой с родными, конечно же, овладел ими.

И кажется, что они стоят перед глазами, тесно прижавшиеся друг к другу в углу комнаты, слившиеся воедино, с

отрешенным видом произносящие льющуюся прямо из сердца молитву, которой научила их Небесная Мать:

О Иисус, прими это ради нашей любви к Тебе, для обращения грешников и искупления боли, причиненной Непорочному Сердцу Марии.

Они почувствовали всю возвышенную, утешающую силу этой молитвы! В какой-то момент двери отворились, и вошла женщина... весьма злобная с виду старуха, которая стала все делать так, чтобы казаться доброй...

Дети, думая, что она пришла их освободить, поднялись. Нет, она пришла совсем не за этим. Она пришла, чтобы с помощью лести, обещаний и угроз выведать у них тайну.

Перспектива провести там, в темноте, в этом подобии тюрьмы, всю ночь, должна была заставить их позабыть свой долг и пренебречь всякими обещаниями.

Однако старуха заблуждалась точно так же, как и те, кто ее прислал. В этих трех маленьких существах таилась огромная, потрясающая сила.

Ничего не добившись, старуха ушла, хлопнув дверью, и заперла их на засов.

Наступила ночь. Дети уже не видели друг друга, но они чувствовали взаимное присутствие, они были неразделимы, словно единое тело, единая душа, и в этой темноте они все сильнее погружались в золотой молитвенный круг. Они молились неторопливо, взволнованно, пока их не одолел сон, и Ангел не распростер над их маленькими телами свои незримые крылья.

Проснулись они, когда солнце уже было высоко, и вновь стали молиться. Все трое, не сговариваясь, пришли к одной мысли, что успокоиться и выразить свои чувства они могут лишь с помощью молитвы. Около десяти часов утра их привели к бургомистру, который решил продолжить свое следствие, рассчитывая выведать у детей какую-нибудь информацию (он намеревался устроить громкий скандал и этим прославиться). Он засыпал их каверзными вопросами, он прибегал ко все более страшным угрозам и, наконец – считая это самым сильным аргументом – вынул несколько золотых монет, приговаривая:

– Если вы мне все расскажете, деньги будут вашими.

Рассказала Луция. Рассказал Франсиско, рассказала Гиа-

цинта... Каждый из них со всей откровенностью, в деталях, пересказал ему все, что произошло, без малейшей неправды... Но ничего нового он не услышал.

– Ну, а что все-таки за пресловутая тайна, о которой столько говорят?

– Эту тайну мы не можем открыть, потому что Божия Мать запретила нам кому-либо ее рассказывать, а Божия Мать важнее всех бургомистров на свете.

Д'Оливейра вышел из себя. Для такого энергичного человека, как он, было бы слишком обидно остаться побежденным упрямством троих пастушков, поэтому он не собирался сдаваться. Но был уже полдень, а дети еще ничего не ели, и, конечно же, он не мог допустить, чтобы они умерли с голоду.

Поэтому он приказал проводить их в свой собственный дом, чтобы они немного отдохнули, отложив свои расспросы на потом. Его жена, которая испытывала жалость к троем детям, на чьих лицах, вероятно, было написано страдание, встретила их ласково и предложила поесть.

Неизвестно, уговаривала ли она (подобно жене Пилата) своего мужа, чтобы тот не терзал бедных, невинных детей слишком долго, но можно с уверенностью сказать, что это ничего бы не изменило, поскольку после полудня по распоряжению бургомистра полицейские забрали детей, отвели их – ни больше, ни меньше – в тюрьму, а на прощанье многообещающе сказали: „Позже мы придем за вами, чтобы сжечь вас живьем“

В городской тюрьме Вила-Новы не содержались особо опасные преступники. Как правило, среди заключенных были заурядные воришки, бродяги, люди, нарушившие городские законы или затеявшие драку, пьяницы, оказавшие сопротивление представителям правопорядка. Одним словом, всякий сброд, никогда не совершающий серьезных преступлений, но в девяноста случаях из ста пренебрегающий порядочностью и всегда с насмешкой смотрящий на правила поведения в обществе.

Именно к этому сброду бургомистр бросил пастушков из Алжуштрела.

Заключенные, еще до того, как узнали у детей, кто они такие и почему оказались в тюрьме, отнеслись к ним с

большим вниманием. Те, кто разговаривал – замолчали, кто лежал на грязных нарах – встали. Всем им показалось, что в камеру проник луч солнца. У кого-то из них даже нашлись соответствующие слова утешения.

Но Гиацинта – самая маленькая из всех троих – отстранилась от группы людей, бритоголовых, со свирепыми лицами, одетых в странные полосатые костюмы, и, головой уткнувшись в стену под высоко расположенным и снабженным толстой решеткой окном, разразилась рыданиями.

Плач ребенка никого не оставил равнодушным.

– Бедняжка, – восклицали все, – бедняжка... – И не знали, что можно еще сказать.

Луция попыталась ее успокоить.

– Гиацинта, подойди ко мне. Зачем ты плачешь?!

– Я плачу, – упавшим голосом отвечала Гиацинта, – потому что мы должны умереть, не обняв наших близких. Ни твои, ни мои родители не пришли, чтобы увидеться с нами. Мы им не нужны. Мне бы только увидеть мамочку...

Это был период испытаний, период горькой чаши, и дети чувствовали всю тяжесть этого сурового часа. К Гиацинте подошел Франсиско и с потрясающим хладнокровием сказал:

– Если у нас нет возможности увидеть маму, что ж – наберемся терпения. Мы пожертвуем наше страдание ради обращения грешников. Было бы хуже, если б нам больше не явилась Божия Матерь. Для меня это было бы горше всего, но и этим я бы пожертвовал ради грешников.

При этих словах он сложил руки и, встав на колени, словно в церкви, воскликнул:

– О мой Иисус, прими это ради моей любви к Тебе и для обращения грешников.

Во время своего последнего появления Божия Матерь вспомнила о Святом Отце, которому суждено было многое перенести. Несколькоми днями позже два добрых священника посоветовали детям молиться также и за Святого Отца, и когда Гиацинта узнала, „кто такой Римский Папа” и зачем ему нужны их молитвы, она сразу же почувствовала крепкую привязанность к седовласому старцу, которого никогда не видела, который находился очень далеко, за

горами и морями, высоко, у руля лодки, носящей название Церкви Христовой и подвергающейся многим бурям.

Теперь, в минуту невзгоды, Гиацинта как раз и вспомнила о Папе и, наделяя его в своем сердце самой сверхъестественной любовью к людям, продолжила молитву брата:

– ...И за Святого Отца, и для искупления боли, причиненной Непорочному Сердцу Марии.¹²

Заключенные, люди, привыкшие издеваться над всем и над вся, не проронили ни слова. Некоторые не могли сдерживать слез. Какой-то неопрятно одетый человек (возможно, вор или дебошир), взволнованный этими невинными слезами и той искренней апострофой, которая столь сильно затронула его, несправимого грешника, решил посоветовать им нечто, по его мнению, способное сократить их незаслуженные страдания, и произнес:

– Лучше расскажите все, как есть. Какая разница, тайна – не тайна, главное, чтобы вас отпустили домой. И не переживайте из-за того, что вам сказала Дева. Дорогие мои, ведь речь идет о том, чтобы выбраться из тюрьмы! Мы-то уже привыкли, но вы, несчастные, разве сможете выдерживать?

Гиацинта посмотрела на него так, словно он желал их оскорбить, а не поддержать.

– Ну и пусть, – воскликнула она, – мы лучше погибнем.

Заклученный был изумлен. По сравнению с девочкой он выглядел Геркулесом, а Гиацинта рядом с ним – тростинкой, но насколько ничтожным он почувствовал себя перед ее духовным величием, насколько низменным – перед ее смелостью.

Стемнело. Тусклый свет проникал через высокое окно камеры. А дети еще не прочитали розарий. Гиацинта, несмотря на тяжкие испытания, все время помнила об этом и ни на минуту не сомневалась, что обстоятельства и окружение не освобождают от молитвы.

Она заметила железный крюк, вбитый посреди голой стены. Девочка сняла с себя медальончик, с которым ни-

---

¹² В I, в: *Documentos de Fatima*, с. 53

когда не расставалась – ни днем, ни ночью – и, подав его одному из узников, с той детской доверчивостью, которой ничего нельзя противопоставить, произнесла:

– Ты можешь его повесить? Я не дотянусь...

Заключенный без единого слова выполнил ее просьбу, и трое детей так же, как они привыкли это делать на пастбище, около колодца или в своих домах, встали на колени и начали молиться. Через минуту все заключенные встали на колени рядом с детьми перед этим маленьким медальончиком, который был едва заметен, и присоединили свои угрюмые голоса к светлыми голосам невинных детей, читающих „Радуйся, Мария“.

Ах, если бы антиклерикальному бургомистру Вилановы пришла в голову счастливая мысль заглянуть в тот момент в замочную скважину...

Вскоре после этого пришел тюремщик и вызвал маленьких обвиняемых. Заключенным показалось, что вместе с ними исчез лучик света, который столь чудесно проник в камеру, и почувствовали печаль, но одновременно они обрадовались освобождению детей и сердечно простились с ними. Дети решили, что теперь их выпустят из тюрьмы, но оказалось, что впереди – ещё более суровое испытание.

Бургомистр вновь начал допрос, еще более строгий, нежели раньше, но вскоре увидел, что этим он ничего не добьется, и решил прибегнуть к устрашению.

Он стукнул кулаком на столу, в бешенстве вскочил со стула и приказал одному из стоявших рядом стражников:

– Отведи их в соседнюю комнату и приготовь котел с кипящим маслом. Мы их изжарим.

Взрослый человек, вероятнее всего, рассмеялся бы при этих словах, поскольку, конечно, бургомистр может быть жестоким, но чтобы изжарить троих детей...

Но если представить себя на месте пастушков в возрасте от семи до десяти лет, проводящих все время в доме и на пастбище, вдали от мира, не имеющих ни малейшего представления о том, какими правами располагает власть и на что она способна, то без труда поймем, что в тюрьме от этих угроз им пришлось пережить минуты подлинного

ужаса. Темная комната и тюрьма, конечно, тоже вызывали страх, но все же кипящее масло было намного страшнее.

Они дрожали, плакали, старались утешить друг друга, как могли, когда двери отворились, и сам бургомистр вызвал Гиацинту:

– Иди сюда. Если ты не расскажешь, тебя изжарят первой.

Гиацинта послушно встала и, прощаясь с друзьями, набралась смелости и шепнула им:

– Ничего не скажу!

Поскольку бургомистр лгал, он был вынужден запретить ее в другой комнате с угрозой, что она будет ждать, пока не закипит масло.

В это же время совершенно спокойный Франсиско сказал:

– Если нас действительно убьют, мы вскоре окажемся на небе, и нам будет хорошо! Я совершенно не боюсь смерти... Лишь бы только Бог сделал так, чтобы Гиацинта тоже не боялась. Я хочу прочитать за нее „Радуйся, Мария”

И он начал молиться. В это время двери опять отворились. Это снова был бургомистр, который грозно кричал:

– С нею уже покончено, теперь твоя очередь. А ну, говори, что за тайна!

– Я не могу никому открыть ее, – ответил Франсиско.

– Не можешь? Сейчас увидим. Иди сюда.

Схватив мальчика за плечи, он вытащил его из комнаты. И на этот раз последовали увещевания, обещания и самые страшные угрозы... Но бургомистру вновь не удалось ничего добиться, и он также запер мальчика в комнате, где тот с изумлением и невыразимой радостью увидел сестренку, взволнованную, но живую.

Наступил черед Луции. Она также была уверена, что бургомистр говорил серьезно и что спасения нет, но (как она сама позже призналась) совсем не боялась. Она доверилась Божией Матери...

Если не испугались даже Франсиско и Гиацинта, то можно представить, как вела себя Луция. Ее бросили в ту же комнату, что и ее друзей...

Какое счастье было для них после такого ужаса снова

оказаться вместе, живым и здоровым... И как же не подумать о том, что именно Божия Матерь спасла их, наградив за верность данному обещанию. Как же не радоваться, что они остались послушны небу, а не человеку? Дети не ощущали ни голода, ни сонливости, ничего, кроме великого душевного покоя и великой радостной силы, которая еще больше укрепилась в перенесенном испытании. Страх утонул в этом море радости, и уже никто не мог заставить их трепетать от ужаса.

На следующий день – а это был праздник Успения Пресвятой Богородицы – праздник, являющийся торжеством или, если так можно выразиться, суммой всех добродетелей Пресвятой Девы – д’Оливейра предпринял последнюю, и вновь неудачную, попытку.

Наконец он был вынужден признать себя побежденным и, чтобы сделать хорошую мину при плохой игре, отвез детей туда же, откуда с помощью обмана забрал их, а именно, к настоятелю Фатимы. Там, на балконе, он и вернул им свободу.

Странно то, что д’Оливейра, недоверчиво относившийся к явлениям в Кова-да-Ирии, увидев собственными глазами несокрушимую твердость маленьких пастушков, не задал себе вопрос, кажущийся естественным: „Откуда в троих детях взялась такая огромная сила, такая неодолимая смелость, такая достойная удивления невозмутимость, когда, согласно логике, они должны были бы бояться каждой белки, прошелестевшей в кустах?“

Если бы бургомистр задал себе этот вопрос, он, вопреки собственной воле, изменил бы свой взгляд на так называемую „клерикальную махинацию“, но он не послушался голоса разума. Это хороший пример того, как человек на горе себе сознательно идет против Бога, и Бог отнимает у него разум.

Аромат, оставленный Божией Матерью

После освобождения детей из тюрьмы родные встретили их с распростертыми объятьями, поцелуями и слезами радости. Конечно же, они думали о них...

Олимпия накануне посылала в Вила-Нову одного из своих старших сыновей, чтобы узнать о судьбе детей. Однако он вернулся и повторил то, что сказали ему в ратуше: „Будьте спокойны, дети под хорошим присмотром, они ни в чем не нуждаются,“ – и если Олимпию это известие немного утешило, нельзя сказать, что она успокоилась совсем. Мать, вынужденная ложиться спать, когда двое ее детей – семи и восьми лет – находятся вне дома и во власти фанатика, не может спокойно заснуть.

Мать Луции казалась, по крайней мере, внешне, более невозмутимой, что соответствовало ее характеру и взглядам. „Если то, что она утверждает, – говорила Мария Роза, – ложь, то ее постигла заслуженная кара, а если все это правда, то Божия Матерь возьмет ее под свою защиту.“

Так она рассуждала, однако, вряд ли ее душа была спокойна.

Впрочем, теперь, когда дети вернулись целыми и невредимыми, без каких-либо следов истязаний и даже с видом победителей, все были очень довольны и с изумлением и волнением слушали то, что с трогательной простотой рассказывали дети...

„Все хорошо, что хорошо кончается“ – как сказано в старой поговорке.

И все-таки у детей не было легко на сердце, ведь они не смогли встретиться с Божией Матерью и теперь вынуждены были ждать целый месяц, прежде чем предстать перед Ее прекрасным ликом.

Они осмотрительно никому не говорили о своих переживаниях, но между собой то и дело обсуждали эту тему.

– Месяц... Как это долго – целый месяц! Хорошо бы заснуть и проснуться накануне того благословенного дня...

Однако все произошло иначе! Их стойкость заслуживала награды, и они получили ее.

В воскресенье, 19 августа, Луция, Франсиско и Жуан, его старший брат, пасли овец в долине Валиньош близ Алжуштрела. Внезапно они заметили, что яркий солнечный свет поблек, как это произошло в Кова-да-Ирии во время явления, и Луция увидела одну единственную вспышку, предваряющую приход небесной Девы. Будучи уверенной, что Дева придет, она сказала Жуану:

– Быстрее беги и позови Гиацинту!

Жуан побежал и вскоре возвратился вместе с сестрой. Луция, которая в это время увидела вторую вспышку, закричала:

– Смотрите! Смотрите!

Действительно, мгновением позже (как рассказывает Луция) мы увидели над дубом Божию Матерь.

– Чего Ты желаешь от меня?

– Я хочу, чтобы вы по-прежнему ходили в Кова-да-Ирию тринадцатого числа каждого месяца и чтобы вы по-прежнему ежедневно читали розарий. В последний месяц Я совершу чудо, чтобы все уверовали.

– А что делать с теми деньгами, которые люди оставляют в Кова-да-Ирии?

– Сделайте двое носилок. Одни отнеси ты с Гиацинтой и двумя другими девочками, а другие пусть отнесет Франсиско с тремя мальчиками. Эти деньги пойдут на праздник Пресвятой Девы Марии Розария, а оставшиеся – на часовню, которая будет здесь построена.

– Я хочу попросить Тебя об исцелении нескольких больных.

– Хорошо, до конца года Я исцелю их.

И с печальным видом сказала:

– Молитесь, много молитесь и жертвуйте ради

грешников, ибо множество душ идет в ад, а никто не хочет заступаться и страдать за них.

И, как обычно, Она вознеслась, удаляясь в сторону востока.¹³

Как потом рассказали сами очевидцы, Божия Мать вначале посетовала на тех, кто помешал им появиться в Кова-да-Ирии в установленный Ею день, добавив при этом, что чудо намеченное Ею на октябрь, из-за этого будет менее значительным. Она вновь напомнила, чтобы они читали розарий и появлялись в Кова-да-Ирии в назначенный день и час в ближайшие два месяца. Наконец, Она ответила на несколько вопросов, заданных Луцией...

Видение длилось столько же, сколько и обычно, и было также доступно лишь троем детям. Жуан видел, как дети встали на колени, слышал, что говорила Луция, а когда она закричала: „Она исчезает. Посмотри, Гиацинта!“ – он ощутил прилив радости.

Обычно дети не рвали листья и ветви с дубка в Кова-да-Ирии в отличие от людей, делавших это без всякой меры. Но в этот раз они без колебания отломали веточку, на которой, как им казалось, Божия Мать оставила свои чистые следы, чтобы отнести ее домой.

Когда они вернулись домой, то увидели Марию Розу, которая разговаривала с соседями.

Тетя, – закричала Гиацинта, радостно размахивая веткой, – мы вновь видели Божию Мать!

– Ох уж мне эта история! Вы только и видите, что Божию Мать. Болтуны, да и только. Видно не пошел вам на пользу урок, преподанный бургомистром.

– Но мы действительно Ее видели, – настаивала Гиацинта. – Тетя, ты только посмотри, одна Ее ступня была здесь, а другая – тут, и она показала веточку, на которой листья были загнуты почти под прямым углом, словно на нее кто-то легко, но долго опирался.

– Ну и врунишки!.. Дайте-ка я взгляну.

Едва Мария Роза взяла в руки ветку, все присутствую-

---

¹³ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 344-345.

щие сразу же ощутили исходящий от нее необыкновенно приятный запах.

Это чудо произвело на Мария Росу, столь твердую до этого момента в своем недоверии, большое впечатление и заставило ее задуматься.

С тех пор она перестала терзать Луцию и не позволяла это делать другим.

Она говорила:

– Мы не знаем, какая доля правды во всем этом, но ведь нет и доказательств, что это – ложь. Иногда лучше сохранять осторожность. В особенности не следует смеяться, поскольку... речь идет о святых, а возможно, о чем-то еще более значительном...

В общем, к тому, что говорили дети, она стала относиться серьезно благодаря этому удивительному явлению.

Но как же в таком случае понять слова Божией Матери о том, что чудо, которое Она собиралась совершить в октябре, будет менее значительным, если теперь ясно проявилась необходимость в том, чтобы это чудо стало для всех очевидным и разрушило все попытки преуменьшить происходившие явления.

Следует задуматься над тем, что сказано в Евангелии: „Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет”

Речь здесь идет о тех людях, которые не имеют по собственной вине.

Мария Роза не верила в чудесное явление, однако, она была доброй христианкой, и поэтому на нее (как и на других набожных людей) чудо произвело впечатление, и, хотя оно не было таким уж необычайным, его было достаточно, чтобы прояснить душевное зрение у присутствующих.

Бургомистр Вила-Новы не был истинным христианином, потому что не хотел им быть. Поэтому ему и всем ему подобным отказано в лицезрении чуда, которое, возможно, и изменило бы их, но которого они не заслужили, поскольку оскорбляли и отталкивали Божественную правду и доброту высокомерной глупостью и духовным убожеством.

Бог никогда не дает святыни псам.

Тем хуже для того, кто желает быть псом.

Веревка, затянутая на поясе

„Посвящайте себя грешникам“ – таким был „девиз“ Небесной Девы. И в течение нескольких месяцев дети делали все, что могли, чтобы выполнить Ее заповедь со все большим рвением, ни на минуту не успокаивая себя мыслью о том, что „сделанного ими уже вполне достаточно“

Они постились, часто воздерживались не только от еды, но также целыми днями ничего не пили, и все же не были собою довольны.

Однажды Гиацинта, собирая цветы, случайно коснулась росшей рядом крапивы и, конечно, обожглась.

– У нас есть еще кое-что, чем мы можем испытывать себя, – не задумываясь закричала она.

Гиацинта предложила своим друзьям делать то же, что и она, а именно, сильно сжимать крапиву в ладонях. Через несколько дней после четвертого явления Божией Матери, т.е. в конце августа, ребята нашли на тропинке обрывок веревки. Луция подняла его, от нечего делать обвязала вокруг руки и сильно стянула. Почувствовав боль, она сказала:

– Знаете, как причинить себе боль?... Нужно затянуть на поясе веревку и страдать во имя Господа Бога!¹⁴

Франсиско и Гиацинта не имели ничего против. При помощи острого камня они разрезали веревку на три части, и каждый из них как можно сильнее затянул ее на голом теле.

То ли потому, что она была очень грубая и шершавая, – писала Луция, – то ли потому, что мы слишком сильно ее затягивали, но эта епитимья причиняла такую ужасную боль, что Гиацинта часто была не в силах сдержать слез. Но когда ее убеждали эту веревку снять, она отвечала:

---

¹⁴ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 41

– Нет! Хочу приносить жертву Господу Богу для искупления наносимых Ему обид и ради обращения грешников.

Есть чему удивиться! Отшельники, кающиеся, священники, живущие в воздержании, одним словом, верующие люди всех эпох прибегали и поныне прибегают к такому или похожему способу покаяния, но в большинстве случаев затем, чтобы лучше бороться с искушениями, чтобы укротить в себе огонь вожделения.

У троих детей не могло быть этого плотского огня, их тела были так же невинны, как и души, пронизанные сверхъестественным светом. И все же они страдали за других людей, ставших орудиями греха. Поэтому их поведение можно назвать чудом милосердия.

И это при их более чем скромном религиозном образовании. Но ведь их направляла сила Святого Духа.

Дети были очень измучены своей епитимьей, когда Гиацинте явилось видение Папы Римского, великомученика, страдающего и стонущего, подобно Христу, за неверность и прегрешения людей.

Она увидела его в очень большом доме. Стоя на коленях и закрыв ладонями лицо, он плакал. Снаружи было множество людей, одни поднимали с земли камни, другие выкрикивали проклятия и угрозы.

Увидела она его также и в церкви перед Непорочным Сердцем Марии, молящегося, в то время как улицы, поля и тропинки вокруг церкви были полны людьми, плачущими от голода и нищеты...

Увидела его таким, каким он в самом деле был, есть и будет до тех пор, пока упрямое рассеявшееся стадо покорно не возвратится в овчарню.

„Бедный Святой Отец!..“ Он носит на теле колючую власяницу.

Добровольная жертва радовала Гиацинту, так как ей, еще маленькой девочке, приходилось делить страдание с самым великим из живущих на земле людей ради общей цели.

Визиты, расспросы, начавшиеся сразу же после первого

явления, в дальнейшем все учащались, с каждым разом становясь настойчивей и надоедливей. В Алжуштрел постоянно приезжали автомобили и упряжки с самыми разными людьми, которые хотели во что бы то ни стало поговорить с очевидцами удивительных явлений.

Среди них были любопытные, желающие увидеть трех необычных детей и услышать из их уст невероятную историю; были недоброжелатели, желающие увидеть или услышать нечто, способное представить детей обманщиками, были „специальные корреспонденты“, журналисты, приезжавшие, чтобы немного „подкрасить“ события дня; были священники, стремившиеся разузнать все подробности случившегося и получить правдоподобную картину чудесных событий от лиц, принимавших участие в них; были безоговорочно верившие в явление Божией Матери – они испытывали потребность в том, чтобы поведать избранныкам Девы Марии о своих пожеланиях, нуждах, тревогах и надеждах; были представители гражданских властей или их посланники, обеспокоенные тем оборотом, который принимала вся эта история и заинтересованные в том, чтобы соответствующими мерами предупредить возможные потрясения...

Дети были подавлены всей этой суетой. Как могли, они уклонялись от долгих, настойчивых расспросов, убегали, прятались, шли на различные уловки, демонстрируя изрядную хитрость. Но чаще всего они были вынуждены подчиняться обстоятельствам, не имея возможности даже пасти овец, такой был наплыв посетителей и такова была их настойчивость.

Однажды приехали трое людей, которые произвели самое настоящее расследование. Особенно они интересовались тайной и, похоже, хотели ее выпытать любой ценой. Но дети были непреклонны. Какое значение могло иметь для этих чужаков то, что Божия Мать открывала детям – и только им? К тому же, если все в этих людях – голос, взгляд, плохо скрытый цинизм – указывало на то, что они вовсе не относятся к числу набожных, почему их интересует то, во что они не верят?

Во всяком случае они были вынуждены уехать ни с чем.

– Но вы подумайте хорошенько, – скрежеща зубами от злости, на прощанье сказал один из них. – Хорошенько подумайте обо всем этом. Бургомистр готов пойти на крайние меры!

Это говорили трое мужчин, трое сильных мужчин! И Гиацинта – семилетний ребенок – бросила им в лицо слова, после которых они должны были либо упасть на колени, либо сгореть от стыда, слова, заставившие их побледнеть:

– Вот и хорошо! Мы любим Иисуса и Божию Матерь! А так мы быстрее окажемся рядом с Ними!

Это был достойный ответ всем бургомистрам в мире, то и дело убеждающим, что против „силы Божией“ ничего не удастся сделать, даже если она скрывается в слабых детских телах. А может быть, в них она приумножается, чтобы стать укором для „сильных мира сего“

Однако посланцы бургомистра Вила-Новы кое-чего достигли, а именно, пробудили страх у родственников наших героев.

Кто может поручиться за то, что лишенный всякой совести человек не пойдет на крайние меры?

Многие этого боялись, а были и такие, кто не сомневался, что именно так и произойдет, поскольку хорошо знали бургомистра. А значит... лучше поостеречься и не ждать, когда будет поздно.

Обе семьи, и Марто и душ Сантуш, собрались вместе, чтобы посоветоваться, и решили на некоторое время отправить троих детей к родным, живущим в другом округе, где бургомистр Вила-Новы не имел власти.

Однако дети, вопреки ожиданиям, решительно отказались от этого плана.

– Неужели вы не понимаете, что вас могут убить? – вскричали рассерженные и сбитые с толку родители.

– Если нас убьют, – дружно ответили дети, – тем лучше. Мы скорее окажемся в раю.

Спрятанная веревка, терзающая их невинную плоть, была той броней, которая позволяла им чувствовать себя в безопасности.

Дождь из цветов

Проходя мимо слепорожденного, ученики спросили Божественного Учителя: „Кто согрешил, он или его родители, что родился слепым?“ Иисус ответил: „...Это для того, чтобы на нем явились дела Божии“

Если бы кто-нибудь сказал бургомистру Вила-Новы, что некоторые слепцы – в том числе добровольные – только возвышают славу Божию, способствуя тому, чтобы еще ярче проявились Его дела, он вряд ли бы этому поверил. Его упорная слепота послужила тому, что стали лучше видеть другие.

Действительно, люди, которые еще сомневались или испытывали недоверие, образумились. „Как бы дети смогли сохранять такую героическую выдержку и смелость, если бы им не помогали сверхъестественные силы?... Как бы они сумели найти в себе силы без страха смотреть в глаза смерти?“ С этого момента уже никто не сомневался в их искренности, а д’Оливейра снискал славу жестокого и деспотичного человека.

К пятому явлению, назначенному на 13 сентября 1917 года детям стали больше верить. В то же время возрос религиозный энтузиазм, пропорциональный ореолу героизма вокруг них, в результате чего они оказались окружены своими единомышленниками.

Можно себе представить, какая толпа должна была появиться в Кова-да-Ирии!

Действительно, в тот день дороги и тропинки представляли собой очень живописное и внушительное зрелище, и если месяц назад оно выглядело каким-то безмятежным, совершенно несоответствующим значительности события, то теперь это было самое настоящее паломничество, способное вызвать слезы умиления.

Отовсюду слышались религиозные песни и молитвы. В

Кова-да-Ирию прибывали все новые группы. К самому месту явлений люди приближались... В общем, это была действительно торжественная манифестация веры.

Дети добрались до места около полудня, преодолев путь, в какой-то степени напоминавший дорогу Иисуса в Палестине.

Их окружала наседавшая со всех сторон толпа. Все хотели поговорить с ними, многие подходили, чтобы, несмотря на все обстоятельства, упасть на колени и просить о передаче Божией Матери своих пожеланий. Те, кто не могли прорваться сквозь толпу, кричали издали (некоторые – даже с деревьев и изгородей, откуда их было лучше видно).

„С Божией милостью молитесь нашей Деве, чтобы Она исцелила моего увечного сына... Чтобы исцелила и моего – он слепой!.. И моего – он калека.“ А другие кричали: „Пусть сделает так, чтобы мой сын вернулся!.. И мой муж, который на войне!.. Пусть наставит на путь истинный моего, который очень грешен!..“

Дети обещали, кивали направо и налево, с трудом продвигаясь вперед с помощью двух мужчин, вызвавшихся прокладывать им дорогу.

Когда они наконец добрались до дуба, Луция приказала всем молиться.

Ее голос услышали лишь стоящие рядом, и они тотчас же выполнили ее пожелание. Их примеру последовали и те, кто находился дальше. Вскоре более двадцати тысяч человек, которые, как считают, собрались в тот день в Кова, упали на колени, одни – плача и молясь, другие – возглашая свои просьбы. Все были взволнованны и полны веры в материнскую заботу Царицы Небес.

Молитва такой огромной толпы заставляла воздух дрожать, и эта дрожь пронизывала всю долину, полную людских сердец, вдохновенных шелестом могущественных, но невидимых крыльев. Внезапно Луция радостно воскликнула:

- Смотрите, смотрите, приближается!
  - Приближается! – повторили рядом стоящие.
  - Приближается! – вторили те, кто стоял дальше.
- Шелест невидимых крыльев затих.

По долине пронесся сдержанный вздох, и все стихло, толпа окаменела.

Странная пелена покрыла солнце. Светящийся шар перемещается с востока на запад величественно и свободно. Небо прозрачно, на нем нет ни единого облачка.

Толпа стоит, затаив дыхание. Дети уже во власти чудесного явления. Дева говорит, и Ее слышат только они:

– Как и прежде читайте розарий, чтобы окончилась война. В октябре вместе со Мной сюда придут Господь, Кармелитская Скорбящая Божия Матерь и святой Иосиф с Младенцем, чтобы благословить мир. Бог радуется вашим жертвам, но не хочет, чтобы вы были опоясаны веревкой и во время сна. Носите ее только днем.

– Многие хотели, чтобы я попросила Тебя, – осмелилась сказать Луция, – об исцелении больных и одного глухонемого.

– Хорошо, некоторых из них Я исцелю, но не всех. А в октябре Я совершу чудо, чтобы уверовали все.¹⁵

Конечно, толпа не слышала таинственного голоса, и только стоящие рядом с детьми могли подтвердить, что Луция разговаривала с незримым существом, но во время таинственного разговора все были очарованы, заметив, что воздух приобрел бледно-желтый оттенок и какое-то белое облако покрыло дуб, распространив свое свечение на детей.

Когда потом Луция, приходя в себя, произнесла: „Исчезает!“, многие снова увидели, как светящийся шар оторвался и полетел прямо к солнцу, оставляя за собой дождь, радовавший всех – дождь из белых лепестков, которые были легче снежинок, и, долетая до земли, исчезали.

Божия Матерь возносилась в свой мир, и Ангелы райскими цветами посыпали путь, ведущий к вышним.

Вскоре после этого Кова-да-Ирия начала пустеть, зато дороги и тропинки заполнились людьми, то и дело повторявшими:

– Это была Божия Матерь!.. Это была Божия Матерь!

---

¹⁵ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 349.

По одной из тропинок – вероятно, наименее многолюдной (памятуя об утренней толчее) – возвращались домой и маленькие герои, сопровождаемые обеспокоенными и напуганными родителями.

На лицах детей все еще был заметен отсвет сверкающего нимба, который их окружал, но сами они выглядели бледными и уставшими.

С той поры их лица частично утратили свой прекрасный румянец. Возможно, все эти волнения, посещения, все эти трудности не пошли на пользу их здоровью...

Поэтому мать попросила, чтобы они раньше, чем обычно, пошли спать, и дети послушались.

Каждый из них, оказавшись один в своей пустой, словно келья, и тихой, как святилище, комнате, погрузился в молитву; потом разделся; наконец, движимый набожным чувством, начал снимать веревку, чтобы положить ее на простой, сплетенный из соломы, стул.

По собственной воле они препоясались веревкой и впервые все трое теперь ее сняли.

Почему?

Потому что Божия Матерь именно в этот день с особым беспокойством произнесла: „Бог радуется вашим жертвам, но не хочет, чтобы вы были опоясаны веревкой и во время сна. Носите ее только днем”.

И дети с той прекрасной покорностью, которая отличает невинные души, послушались Ее.

Виконт из Монтелло

Среди множества известных и неизвестных лиц, верующих и просто любопытных, сочувствующих и недоброжелателей, среди желающих увидеть и расспросить детей (их было столько, что дети уже не могли пасти овец, и мать Луции вынуждена была их продать) 14 сентября 1917 года в Алжуштреле появился человек, заслуживающий особого внимания.

Это был ученый и священник, профессор теологии в семинарии, специально приехавший по поручению церковных властей, чтобы узнать и исследовать факты, и ставший впоследствии под псевдонимом „виконт из Монтелло“ историком Фатимы.

Виконт пришел в дом Луции, представился Марии Розе и вежливо попросил разрешения поговорить с детьми.

Луция в этот момент работала в винограднике, расположенном в двадцати минутах ходьбы от дома, и нужно было кого-то послать за ней.

Гиацинта и Франсиско вернулись домой и, узнав, что у тети их кто-то ждет, сразу же пошли туда.

Гиацинта пришла первой. Вот как обрисовал ее виконт посредством нескольких выразительных мазков: „Хорошо сложенная девочка, с правильными чертами лица, смуглая, одетая в скромное платье, достигающее до самых щиколоток. И, без сомнения, совершенно здоровая как телом, так и душой”

В присутствии незнакомого человека девочка сильно смутилась – так часто случается с детьми, живущими вдали от мира. На вопросы она отвечала односложно, еле слышным голосом, неохотно.

К счастью, вскоре появился Франсиско, который ее выручил.

Мальчик вошел и остановился, готовый отвечать на вопросы священника. Он отвечал по существу.

– Я видел Божию Матерь в кроне маленького дуба, куда Она прилетела со стороны восхода солнца, но я ничего не слышал из того, что Божия Матерь говорила, потому что Она всегда разговаривала только с Луцией. Я только смотрел...

– Как Она была одета?..

– В белое длинное платье и в белый плащ, который покрывал Ее голову и спускался до самых ступней. Руки у Нее были сложены, и в них Она держала четки... Была ли прекрасной?.. Она прекраснее всех на свете. Только все время Она была немного печальной.

В это время Гиацинта пошла на улицу поиграть с детьми, а когда ее позвали, она прибежала. На этот раз она выглядела более уверенной в себе и на все вопросы отвечала спокойно и обстоятельно, полностью подтверждая то, что рассказывал ее брат. Лишь немножко запуталась, когда потребовалось вспомнить, в какой руке Божия Матерь держала четки, так как не могла примерить их к своим рукам – такое часто случается с детьми.

Когда ей был задан вопрос, что было самым важным из того, что Божия Матерь пожелала от Луции, Гиацинта ответила:

– Ежедневно читать розарий. – И добавила, что она читает розарий каждый день вместе с братом и кузиной.

Через полчаса пришла Луция. Высокая, сильная, пышущая здоровьем, девочка непринужденно представилась гостю. В ее поведении не было ничего заученного или отрепетированного, и, хотя ежедневные расспросы утомляли ее, она охотно ответила на вопросы виконта.

Все, что рассказывали ее кузен и кузина, она подтвердила почти слово в слово. Но как главная героиня событий, она могла разъяснить некоторые важные моменты. И по мере того, как ей задавали вопросы, она все очень старательно описывала.

Молния, о которой столько говорилось, по ее мнению, не была собственно молнией, а скорее напоминала сияние приближающегося светила. Пресвятая Дева появлялась, а не нисходила, и исчезала, возносясь к небу, а ту сторону, где восходит солнце... Страшно ей было только в первый раз, но Дева сказала, чтобы они не боялись... Потом Луция

спросила Ее, откуда Она появилась, и Дева ответила, что с неба. Да, именно так.

– А почему во время этого явления ты иногда опускала глаза?

– Потому что яркий свет ослеплял меня!

– А что Дева повелела?

– Ежедневно читать розарий за мир на земле и за грешников и подсказала мне особенную молитву для чтения после каждого таинства, молитву, в которой говорится: „Господь Иисус Христос, прости нам наши грехи...” И сказала еще, чтобы часть пожертвований паломников отдать на строительство часовни... и пообещала совершить большое чудо 13 октября. А еще сказала, что в тот день Она явится со святым Иосифом и Младенцем Иисусом...

– Какая доля правды была в сплетнях?

Луция отвечала без колебания:

– Вот что говорила Божия Матерь: что нужно построить часовню, что Она совершит большое чудо, что в последний раз Она появится вместе со своим Святым Обручником и Божественным Сыном. И все это вовсе не слухи, а чистая правда.

Но виконту было также необходимо докопаться до истины в знаменитой тайне. Поэтому он спросил без обиняков:

– Правда ли то, что Она открыла тебе какую-то тайну и запретила ее кому-либо передавать?

– Да, это так, – ответила Луция.

– Она доверила ее только тебе, или также и твоим друзьям?

– Всем троим.

– Ну а на исповеди ты смогла бы ее открыть?

На этот вопрос ответа не последовало, девочка растерялась и разволновалась, поскольку (как она сама говорила несколькими годами позже) с самого начала ей казалось, что она должна многое держать в тайне, в том числе и то, что ей не запрещалось рассказывать.

К счастью, виконт не настаивал и перешел к другому вопросу:

– Говорят, что желая избежать докучных расспросов бургомистра об этой тайне, ты сказала ему что-то, не соот-

ветствующее истине, и таким образом провела его и при-
том хвалилась этим. Это так?

– Нет, неправда. Я не открыла ему тайну, потому что не могла этого сделать. Но я рассказывала лишь то, что мне говорила Божия Матерь, и вовсе не обманывала его.

– Правда ли то, что Божия Матерь повелела тебе научиться читать?

– Да, Она так сказала, когда появилась во второй раз.

– Но если Она сказала, что заберет тебя на небо, зачем ты должна учиться чтению?

– Это неправда. Божия Матерь не говорила мне ничего похожего. Я никогда такого не рассказывала.

В действительности, как уже говорилось, первая часть тайны, касающаяся будущего детей (Божия Матерь предсказала его во время своего второго явления) и с Божиего соизволения открытая Луцией 17 декабря 1927 года, звучала так:

За Гиацинтой и Франсиско Я скоро приду, а ты пока останешься на земле. Иисус хочет, чтобы ты помогла людям познать и полюбить Меня.

Поэтому Луция прекрасно знала, что ей нужно говорить.

У виконта больше не было вопросов, и он, вполне удовлетворенный, удалился. Но, само собой разумеется, что все свои результаты он должен был доложить тому, кто его послал, и что все это должно было рассматриваться на более высоком уровне, поскольку церковные власти хотели убедиться, стоит ли серьезно заниматься этой историей. 11 октября ученый и священник вновь прибыл в Алжуштрел, предварительно задержавшись в Вила-Нове у семьи Гонсалеш, одной из самых почитаемых в городе, с надеждой получить достоверную и беспристрастную информацию о событиях, а также о семьях детей, что могло иметь немалое значение при оценке фактов.

Сведения, полученные из этого источника, оказались весьма интересными.

Он узнал, что родители Франсиско и Гиацинты – люди очень добрые, глубоко религиозные, всеми уважаемые. Отец (как его уверяли) – наичестнейший человек, неспособный солгать. Отец Луции, хотя и не был слишком пра-

вильным, но его также не в чем было упрекнуть, а ее мать слыла женщиной энергичной, решительной, честной, религиозной и необычайно работающей. Обе семьи жили, в общем-то, не плохо.

Мнение о самих маленьких очевидцах было не менее благосклонным.

– Конечно, существует опасность, что они разыгрывают комедию, – говорили в семье Гонсалеш. – Однако это трудно себе представить. Кажется невозможным, чтобы трое простых детей... Этот обман не просуществовал бы и полдня. Поначалу, естественно, никто во все это не верил, мы – тоже. Да и как можно сразу поверить в такое чудо? А теперь верят почти все, все глубоко убеждены, что дети говорят чистую правду. Достаточно увидеть толпы, чуть ли не ежедневно собирающиеся в Кова-да-Ирии. И эти люди приходят вовсе не из любопытства, а потому что верят, потому что хотят молиться... А мы? Что мы об этом думаем?.. Мы верим, возможно, больше, чем другие!

Имея в своем распоряжении столь важную информацию, виконт прибыл в Алжуштрел и сразу направился к дому Луции. Мария Роза узнала его и с большим почтением приветствовала, а когда он пожелал задать несколько вопросов ей самой, охотно согласилась.

Но что она могла сказать, если все еще сомневалась и колебалась между надеждой на то, что Пресвятая Дева действительно является ее дочери, и страхом, что все это может оказаться обманом...

Она была обеспокоена многочисленными визитами, лишавшими ее полной свободы в собственном доме. О явлениях она вначале узнала (это было чистой правдой) от чужих детей и только потом – от собственной дочери, ведь Луция решила ни о чем не рассказывать, и если бы не другие дети, она и до сих пор молчала бы. И вообще, нелегко было разговорить ее.

Однако чудесные явления ее мало изменили. Она осталась вежливой, спокойной и тихой девочкой... В ней не появилось чего-либо особенного.

Священник спросил, всегда ли Мария Роза, позволяла дочери ходить в Кова-да-Ирию.

По правде говоря, если б она прислушалась к голосу разума, то запретила бы Луции туда ходить, однако, боясь поступить вопреки Божией воле, решила не делать этого. А потом Гиацинта принесла ей ветку, на которой, по словам детей, Божия Матерь оставила свои следы... У этой ветки был удивительно сладкий запах...

Этот аромат она ощутила и сама, так что потом она просто не могла запретить дочери ходить в Кова-да-Ирию.

Больше она ничего не смогла рассказать. И только, тяжело вздохнув, добавила:

– Мы надеемся, что история эта наконец прояснится. А я среди всех этих событий, страхов, споров, расспросов уже не знаю, на каком свете нахожусь. Мне даже пришлось продать ту пару овец, которые у нас были, потому что Луцию теперь не пошлешь их пасти. Ведь ей не дают ни минуты покоя. Вот все, что я получила в результате этой истории.

Виконт, посоветовав ей не проявлять нетерпения и недовольства, а полагаться на Провидение, попросил разрешения поговорить с ее дочерью.

Пришла Луция.

Он стал расспрашивать ее о чуде, которое должно было произойти через два дня.

– Ты не боишься, что тебя могут осмеять, если ничего особенного не произойдет?

– Я ничего не боюсь, потому что получила обещание от Божией Матери.

– В каком месте должна быть построена часовня в честь Божией Матери?

– Я не знаю этого точно, но думаю, что в Кова-да-Ирии, ведь Она является там.

– Ты умеешь читать?

– Нет, отче.

– И не учишься?

– Нет.

– Значит ты не исполняешь желания Божией Матери?

Луция ничего не ответила. Ей не хотелось сваливать вину на свою мать, которая до сих пор не разрешила ей ходить в школу.

Священник задал следующий вопрос:

– Тобою руководило Видение, когда ты приказала толпе встать на колени?

– Нет, я сама этого захотела.

– А сколько примерно лет этой Пресвятой Деве?

– Наверное, лет пятнадцать.

– Как выглядит сияние, окружающее Ее?

– Оно прекрасней и ясней, чем солнечный свет.

– Она не улыбалась тебе?

– Нет, ни разу.

– Тебе мешают шум и крики толпы, когда ты встречаешься с Девой?

– Нет, я ничего этого не слышу.

Перекрестный огонь вопросов и ответов – уверенных и решительных.

После Луции виконт захотел еще раз поговорить с Гиацинтой.

– Дева открыла тайну только Луции или тебе тоже?

– Мне тоже.

– Когда это произошло?

– Во второй раз, это был день святого Антония.

– Эта тайна касается того, что вы станете богатыми?

– Нет.

– Того, что вы попадете на небо?

– Нет.

– Ты не можешь мне ее открыть?

– Нет, не могу, ведь Дева просила никому не говорить о ней.

– Как ты думаешь, люди огорчились бы, узнав ее?

– Да.

– А ты всегда хорошо понимаешь то, что говорит Дева?

– В последний раз не совсем все, потому что было слишком шумно.

В отличие от Луции, Гиацинта слышала шум толпы, и он ей мешал.

Наконец священник расспросил и Франсиско, который только подтвердил сказанное им ранее.

Покидая Алжуштрел, виконт из Монтело находился под большим впечатлением от уверенности в себе, кото-

рую продемонстрировали дети, и, вероятно, подумал: „Нет, такое вряд ли придумаешь. Обманом здесь и не пахнет”

А впоследствии он написал историю Фатимы¹⁶, и вместе с превосходными и не оставляющими сомнения документами наперекор всем ученым скептикам опубликовал дословный пересказ своих разговоров с детьми, где истина светится столь же ярко и чисто, как и души троих героев, проникнутые сиянием Святого Духа.

---

¹⁶ М. N. Formigão, *As Grandes Maravilhas de Fatima*, Лиссабон 1927.

Танец солнца

Приближалось 13 октября, то есть день, когда, по утверждению маленьких очевидцев, Божия Матерь должна была в последний раз появиться в Кова-да-Ирии и – как Она сказала Сама – совершить большое чудо, чтобы все смогли уверовать.

Необычность предсказанного события, энтузиазм и ожидание паломников, участвовавших в предыдущих явлениях и клявшихся в том, что они видели чудесные вещи, а также шумная реклама в либеральной и масонской прессе (несмотря на ее попытки преуменьшить значение происходившего в Кова-да-Ирии либо вовсе дискредитировать и осмеять события и лиц, принимавших в них участие) привели к тому, что во всей Португалии пробудился неслыханный интерес к этой истории.

Кова-да-Ирия, пастухи, само чудо – все это стало предметом разговоров, причем повсюду: в поле, в домах, учреждениях, в кабаках, на улицах... об этом говорили в политических кругах и в общественных институтах. Ходили даже тревожные слухи, неизвестно кем распространявшиеся, однако со злорадным чувством подхватываемые теми, кто с нескрываемой неприязнью наблюдал за огромным подъемом религиозности во всем народе.

„Возле пастушков в момент пресловутого явления взорвется бомба“.

„Если чуда не произойдет, пастухи и их сторонники дорого заплатят за это“.

Весь этот шум вызывал беспокойство и растерянность прежде всего у родителей наших героев. Они с тревогой задавали себе вопрос: „А если в самом деле чуда не произойдет?“

Супруги Марто решили отпустить детей одних, надеясь на то, что толпа им ничего плохого не сделает, в то время как взрослым в случае чего не уйти от линчевания.

Мать Лудии боялась за девочку, и, поскольку ей не казалось осмотнительным ни, последовав совету родственников, отпустить ее одну, ни спрятаться вместе с нею в каком-нибудь укромном уголке, решила вначале исповедаться, а потом довериться Провидению...

Среди непрерывной суеты дети – и только они – ни на минуту не теряли присутствия духа, словно все это их совершенно не касалось.

Как чудо может не произойти, если его обещала Божия Матерь?

Бомба?... Если бы кто-то ее бросил, он больше всего навредил бы самому себе! А что касается детей: „Какое счастье – вместе с Божией Матерью попасть в рай!..“

Перед таким аргументом бессильна любая бомба.

12 октября со всех сторон стали собираться люди. Ко второй половине дня дороги были запружены верующими. Паломники шли босиком, распевая гимны. Тысячи людей готовились провести ночь под открытым небом, хотя время года было не слишком подходящим. Всем хотелось занять перед завтрашним днем „хорошие места“

Утро 13 октября выдалось дождливым, серым и тяжелым. Всю ночь лил дождь, дороги размыло, и Ковада-Ирия превратилась в огромную лужу. Все, кто прибыл сюда накануне, вымокли до нитки.

Тем не менее, несмотря на свинцовое небо, толпы людей продолжали стекаться сюда – на автомобилях, повозках, телегах, велосипедах и пешком, держа над головами зонты, с которых текла вода... Среди них были жители Порту, Коимбры, Лиссабона. Были здесь и специальные корреспонденты самых популярных газет. К половине двенадцатого в долине собралось свыше шестидесяти тысяч человек. Свидетельство троих пастушков нашло более широкий отклик, нежели королевские эдикты.

Без четверти двенадцать в сопровождении обеспокоенных матерей прибыли юные герои, на этот раз празднично одетые.

– Вон, вон они! – со всех сторон раздались возгласы.

Толпа почтительно расступилась, давая им проход, и тут же вновь сомкнулась, подалась вперед, пытаясь при-

близиться как можно ближе к священному дереву, которое к тому времени почти полностью лишилось листьев и ветвей.

Гиацинта, которую со всех сторон толкали, заплакала, и ее старшие друзья, как могли, оградили ее от толпы. Луция повернулась в сторону окружавшего их людского моря, волнующегося и нетерпеливого, и произнесла:

– Закройте зонты.

Шел дождь, и как-то нужно было защищаться от него. Распоряжение отдала десятилетняя девочка, всю жизнь занимавшаяся выпасом овец, и все-таки все послушались ее! Раздался чей-то голос:

– Поспеши, Боже, избавить меня.

И шестьдесят тысяч голосов ответило:

– Поспеши, Господи, на помощь мне.

После этого все начали читать розарий.

Ровно в полдень Луция, на которую были направлены все взоры, сделала жест удивления и, прерывая молитву, воскликнула:

– Промелькнула молния! – и, посмотрев вверх, добавила, – Вон там!

– Ради Бога, доченька, смотри хорошенько. Смотри не ошибись! – дрожа от волнения, заклинала ее мать, когда приближался момент явления.

Но Луция уже ничего не слышала. Ее лицо изменилось, губы побледнели, на них заиграла таинственная улыбка. Ее охватил восторг!

Начался разговор с Незримой, разговор, который мы, как обычно, начинаем с записок Луции.

– Чего Ты хочешь от меня?

– Хочу сказать тебе, что нужно построить здесь часовню в мою честь, потому что Я – Божия Матерь Розария. А вы должны, как и раньше, ежедневно читать розарий. Война закончится, и вскоре солдаты вернутся домой.

– Я хотела Тебя спросить, исцелишь ли Ты больных и наставишь ли грешников на путь истинный...

– Некоторых – да, но не всех. Они должны исправиться и просить о прощении своих грехов.

С опечаленным видом Она добавила:

– Пусть они больше не огорчают Господа Бога, ведь Он уже столько страдал.

Она раскрыла свои ладони, и они засияли, а когда Она возносила, лучи от Ее ладоней устремились к солнцу.

Такова причина того, что я призвала смотреть всех в сторону солнца. Я не собиралась обратить на него внимание толпы, поскольку не ощущала их присутствия, а сделала это, движимая каким-то внутренним порывом.

Когда Божия Матерь исчезла в небесной вышине, мы увидели возле солнца святого Иосифа с Младенцем и Божию Матерь, одетую в белое платье и голубой плащ. Казалось, святой Иосиф с Младенцем благословляют мир крестным знамением. А потом, когда это видение исчезло, я увидела Господа и Божию Матерь, показавшуюся мне Скорбящей Божией Матерью. И Господь благословил мир так же, как и святой Иосиф. Потом мне показалось, что я снова увидела Божию Матерь, но на этот раз Она была похожа на Кармелитскую Божию Матерь.¹⁷

При анализе этого рассказа становится ясно, что это последнее видение означало прощание с Пресвятой Девой. В последний раз повторив свой призыв, названный впоследствии „фатимским“. Пресвятая Дева раскрыла ладони, от которых разлилось чудесное сияние, и – как почудилось Франсиско и Гиацинте – указала на солнце.

Луция автоматически перевела этот жест в слова и закричала:

– Смотрите на солнце!

И тогда люди, собравшиеся в Кова-да-Ирии, и те, кто взобрались на окрестные холмы, расположенные в четырех-пяти километрах от дуба, глядя ввѣрх, своими глазами увидели обещанное чудо!

Дождь внезапно перестал, тучи расступились, и появился солнечный диск, напоминавший серебристую луну. Он начал быстро вращаться вокруг своей оси, словно огненное колесо, разбрасывая по сторонам красочные снопы

---

¹⁷ В IV, в: *Documentos de Fatima*.

света, которые причудливо расцветивали деревья, скалы, землю, падали на огромную толпу и ослепляли ее.

На какое-то время диск замер, а потом вновь начался великолепный, искрящийся танец солнца.

Вновь на минуту затишье, и в третий раз посыпались разноцветные огни, еще более яркие и красочные, чем до этого.

Людям в толпе казалось, что солнце сорвалось с небосвода и вот-вот рухнет на них. Раздался общий возглас изумления:

– Чудо! Чудо!

Все, как один, упали на колени прямо в грязь и взмолились:

– Смилуйся, о Боже... Верую в Бога... Радуйся, Мария...

И к сказочно пламенеющему небу вознеслось смиренное и горячее раскаянье:

– От всей души сожалею о своих грехах!..

Верующие и неверующие, горожане и сельские жители, неграмотные и образованные люди, журналисты и вольнодумцы – все видели, все были восхищены, все вынуждены были признать это явление небесным знамением.

И теперь, когда небо приняло свой обычный облик, и бледное солнце замерло на своем месте, не угрожая свалиться на землю, ошеломленные люди поднялись с колен, огляделись вокруг, обменялись первыми несмелыми фразами. Дотрагиваясь до своих одежд, еще недавно сильно намокшие, они неожиданно обнаруживали, что многоцветное солнце полностью их высушило.

„Танец солнца“ был предназначен для толпы, чтобы все увидели, а увидев, уверовали и понесли дальше (в том числе в будущее) вместе со свидетельством о чуде также и другое известие, еще более важное, заключавшееся в том, что Божия Матерь действительно спустилась на землю из своего звездного царства, чтобы принести человечеству послание милосердия и спасения.

В то время как ошеломленная толпа дивилась увиденному, дети были во власти видения, предназначенного лишь для них.

Пресвятая Дева легко возносилась в направлении солн-

ца, и они с восторгом смотрели на Нее. Когда Она исчезла в поднебесье, возле солнца показалось, словно изображенное на картине, Святое Семейство.

С правой стороны находилась одетая в белое платье Божья Матерь в светло-голубом плаще, Ее ясный облик был еще прекраснее, чем когда-либо; слева от Нее стоял святой Иосиф с Младенцем и благословлял мир крестным знамением.

Когда видение исчезло, Луция увидела Господа, благословляющего людей, и еще раз лицезрела Божию Матерь, поначалу – Скорбящую, а потом – Кармелитскую Божию Матерь.

Дева Мария – образец всех добродетелей в лоне Святого Семейства, Божия Матерь, участвовавшая в страданиях Божественного Искупителя, вызванных людскими грехами, кладущая свою сильную материнскую ладонь на души умирающих, чтобы вырвать их из вечного мучения. Одним словом – Царица, которую мы прославляем с помощью святого розария, помогающего нам размышлять о Ней как о Матери Божией и Покровительнице человеческого рода.

Когда солнце в последний раз озарило чудесным светом небо, землю и все вокруг, образ Девы исчез.

Луция заканчивает свой рассказ такими словами:

Такова история явлений Божией Матери в 1917 году в Кова-да-Ирии. Каждый раз, когда мне по какой-либо причине приходилось говорить о них, я старалась произносить как можно меньше слов, так как желала сохранить при себе те личные моменты, которые были мне особенно дороги. Но поскольку все это дела Божии, а не мои, и Он потребовал, чтобы я их открыла, мне оставалось только выполнить мой долг. Я возвращаю то, что мне не принадлежит. Я ничего умышленно не скрывает. Вероятно, здесь не хватает отдельных деталей, касающихся задававшихся мною вопросов. Поскольку они затрагивали земные проблемы, я не придавала им большого значения, и, возможно, поэтому они не запечатлелись в моем сознании. Кроме того, мне ведь о многом хотелось у Нее спросить. И, может быть, если бы я поме-

ныше беспокоилась о тех просьбах, которые мне нужно было передать Божией Матери, война могла бы закончиться в тот же день, 13 октября.

Многие дивились памяти, которой Господь меня наделил. Благодаря Его бесконечной доброте моя память никогда мне не изменяет, а когда дело касается сверхъестественных явлений, то не удивительно, что они так запечатляются в моем сознании, что впоследствии не удастся о них забыть. По крайней мере, никогда не забывается суть самих явлений, разве что сам Господь захочет, чтобы о них перестали вспоминать.¹⁸

Стоит заметить, что когда Лудия описывает видение, появившееся вблизи солнца, она не говорит о большом чуде, о знаке Божиим, подтверждающем неземное происхождение явлений в Кова-да-Ирии. Об этом много говорит пресса того времени. Корреспондент одного из крупнейших информационных агентств Америки 14 октября 1917 года послал длинную телеграмму, описывающую случившееся событие. В Риме известный ученый иезуит Пио Скаттицци рассмотрел явление с точки зрения науки.. Кроме того многие ученые, ставшие свидетелями необычного явления, подтвердили версию, напечатанную в газетах и книгах.

---

¹⁸ В IV, в: *Documentos de Fatima*, с. 352-353

Конец и начало

Растерянность вскоре сменилась горячим энтузиазмом, выплеснувшимся прежде всего на юных героев, чьи предсказания в точности исполнились.

Все хотели еще раз увидеть и расспросить детей, но шестьдесят тысяч человек не могли не создать толчеи.

Когда Франсиско увидел, что дело принимает серьезный оборот, он поспешил выбраться из толпы. Гиацинта, напротив, ощутив свое бессилие, заплакала, но, на счастье, рядом оказался крепкий парень, который взял ее на руки и благополучно перенес на дорогу, где передал ожидавшим ее родителям. Луция – центр всеобщего внимания – осталась на поле брани одна, и, когда она, наконец, выбралась из толпы, ее одежда была разорвана и не хватало плаща и ленты, которые сорвали наиболее яростные фанатики. Да и выбралась она лишь благодаря тому, что какой-то сильный мужчина посадил ее к себе на плечи и так держал над морем голов до тех пор, пока его самого не затолкали, и он, не видя, куда идет, споткнулся о грудку камней. Мужчина упал, уронив девочку, и Луцию тут же подхватили другие люди.

Во второй половине дня Кова-да-Ирия несколько опустела, однако некоторые все еще молились неподалеку от дуба. В то же время несколько сот человек, не насытивших свое любопытство, отправились вслед за детьми в Алжуштрел и, расположившись около их дома в надежде еще раз встретиться с юными героями и задать им вопросы, не уходили оттуда вплоть до наступления темноты.

Среди них – однако совсем с другими намерениями – находился также виконт из Монтело, который сумел приблизиться к детям, расспросить их и, таким образом, дополнить свою информацию.

Луция рассказала все в точности так, как это было описано выше. Все, что она видела и слышала, было еще так

свежо в ее памяти! Ничто не ускользнуло от ее внимания: ни светло-голубой плащ Божией Матери, когда Она появилась около солнца вместе со всем Святым Семейством, ни красный цвет одежд святого Иосифа и Младенца Иисуса, ни другие детали этого видения... Ничто! Но не менее подробно Луция изложила то, что Божия Матерь ей говорила.

А говорила Она, как мы знаем, о том, что является Божией Матерью Розария, что хочет воздвижения в Кова-да-Ирии посвященной Ей часовни... более всего желает, чтобы люди не оскорбляли Божие Имя, ибо слишком часто Им пренебрегают. Чтобы люди читали розарий, чтобы просили об отпущении грехов!

Слова эти шли из самого сердца Божией Матери.

– Ты думаешь, Она появится еще? – спросил виконт.

– Она ничего об этом не говорила, – ответила Луция, – но я не думаю, что еще раз увижу Ее.

– Она не собирается вернуться в Кова-да-Ирию 13 ноября?

– Нет.

Пречистая Дева сказала все, что собиралась сказать. Она совершила обещанное чудо, объявила, кто Она такая... За чем Ей было возвращаться?

Гиацинта полностью подтвердила рассказ кузины.

Она тоже видела рядом с солнцем Божию Матерь и святого Иосифа, держащего на руках Младенца Иисуса.

– Маленькое дитя – добавила она, желая дать более точное описание, – просто вылитая Долинда даш Невеш (двухлетняя соседская девочка).

Еще Гиацинта видела разноцветное солнце, вращающееся вокруг своей оси.

Также она поняла, чего желала Божия Матерь.

– И чего же Она желала?

– Чтобы в Кова-да-Ирии построили часовню, чтобы люди ежедневно читали розарий и не оскорбляли Господа, Которым слишком часто пренебрегают.

Франсиско, как и в предыдущие разы, не слышал слов Девы, но видел все то же самое, что и его сестра и кузина. Он подтвердил, что, отдалившись от дуба, Божия Матерь вскоре оказалась рядом с солнцем и что Ее лик сиял ярче солнца...

У детей еще не было возможности обмениваться впечатлениями, и потому они не смогли бы фантазировать на эту тему (даже если бы имели такое намерение) и подготовить совместно продуманную версию. Каждый из них говорил то, что видел и слышал, и если их пересказы были одинаковы, если все они видели одни и те же чудеса... разве они виноваты в этом?

День чудес завершился другим событием, подтвердившим и увенчавшим все предыдущие.

Сорокасемилетняя Мария ду Кармо с пяти лет страдала тяжелым увечьем и имела все признаки туберкулеза, а в 1916 году ее болезнь усугубилась постоянными болями во всем теле, вызванными, по предположению врачей, язвами в кишечнике.

В 1917 году ее жизнь висела на волоске. Однако, услышав об удивительных явлениях, происходивших в Кова-да-Ирии, она поверила всей душой и пообещала, что если Божия Матерь даст ей силы, она четырежды босиком преодолет расстояние до Фатимы, находящейся в 35 километрах от ее дома.

И действительно, 13 августа вопреки протестам мужа, боявшегося, что она умрет в дороге, она впервые направилась в Фатиму. Когда Мария ду Кармо добралась до Кова-да-Ирии, ее силы были на исходе, но спустя какое-то время она почувствовала себя лучше.

13 сентября она вновь была здесь и почувствовала себя еще лучше.

Третье паломничество она совершила 13 октября. В пути ее застиг ливень, и она пришла в долину совершенно вымокшей, однако, чувствовала себя превосходно. Боли, кашель, отеки ног и все другие признаки болезни бесследно исчезли. Она чувствовала себя хорошо, а вскоре и вовсе выздоровела.

Это была первая милость, первое из множества произошедших вскоре после этого исцеления чудес.

Так закончилась история чудесных явлений и началась история Фатимской Пресвятой Девы, предвещающая – мы верим в это – триумф Непорочного Сердца Марии в каждой душе и во всем измученном, заблудившемся во тьме человечестве.

Зажженные светильники

С той поры дети, прославившиеся по всей Португалии, уже принадлежали не самим себе, не родителям, а всем набожным и интересующимся людям, жаждущим увидеться с ними, представителям властей и знати, желающим их расспросить, страдающим и несчастным, считающим детей своими заступниками перед Непорочным Сердцем Марии.

А юные герои, неохотно соглашаясь удовлетворять всеобщее любопытство и прибегая ко всяческим уловкам (как мы уже говорили), чтобы их избежать, терпеливо отвечали на те вопросы, которые, как им самим казалось, могли бы послужить делу прославления Господа и Божией Матери.

И никогда они не отвергали горячих и доверчивых просьб тех, кто приходил просить о молитве за себя и за близких. Каждый день дети усердно молились, заступались за этих людей, и Божия Мать внимала их мольбам. Солдат, который должен был пойти на фронт, оставив дома тяжело больную жену и троих детей, вручил свою несчастную судьбу в руки маленьких пастушков, после чего жена его выздоровела, а сам он избежал воинской повинности.

Одного молодого человека из соседней области арестовали по очень серьезному обвинению. Его должны были посадить в тюрьму, поскольку доказать его невиновность было очень нелегко. Отчаявшиеся родители доверились Луции, чтобы она испросила у Божией Матери освобождения их сына.

В то время пастушки начали ходить в школу, которая недавно открылась в Фатиме. Родители, видимо, следуя совету уважаемых людей, заинтересовавшихся избранными Богом детьми, послали в школу и Франсиско, и обеих девочек (что касается Луции – это было исполнение пожелания Царицы Небес). По дороге в школу Луция рассказала дру-

зьям о печальной истории с арестом юноши. Когда они добрались до Фатимы, Франсиско сказал:

– Слушайте, вы идите в школу, а я пойду в церковь, чтобы просить Иисуса о милосердии.

После школы Луция спросила его:

– Ты просил Господа о милости?

– Да, – ответил Франсиско, – через несколько дней он окажется дома.

Так оно и случилось.

Среди родственников наших героев был один юноша, который, подобно блудному сыну из Евангелия, покинул свой дом и не возвращался.

Мать заклинала Гиацинту:

– Помолись за него, скажи, Божией Матери, чтобы Она указала ему дорогу к отчему дому.

Через несколько дней этот юноша вернулся и, обливаясь слезами, рассказал о своей горькой судьбе.

Он долгое время безнаказанно воровал, потом все промотал и остался без гроша в кармане. Вскоре его арестовали за бродяжничество. Однажды ночью ему удалось бежать. Он укрылся в густом лесу и заблудился. И вот, видя, что погибает, он упал на колени и, плача, стал молиться. И тогда ему явилась маленькая Гиацинта, которая, взяв его за руку, довела до дороги, где и оставила, сделав знак, чтобы он шел по ней. На рассвете он уже находился в родных местах и направлялся в сторону дома.

Конечно, в ту ночь Гиацинта, как обычно, мирно спала под крылом своего Ангела-Хранителя. Разве что вечером – как она сказала, когда ее стали расспрашивать – много молилась Божией Матери, потому что сочувствовала родным несчастного юноши.

В Алжуштреле жила одна женщина – сушья мегера – которая всякий раз, как встречала на дороге наших героев, издевалась над ними и осыпала их оскорблениями.

Однажды дети встретили ее, когда она, очень пьяная, выходила из трактира. Дети прибавили шагу. Но женщина побежала за ними, догнала и стала не только оскорблять их, но и бить.

Когда Гиацинта, испуганная, но не озлобленная, вырвалась из ее рук, девочка сказала:

– Нужно много молиться Божией Матери и много жертвовать ради этой женщины, ведь если она не раскается, то обязательно попадет в ад.

Несколько дней спустя, когда дети играли в салки, Гиацинта вдруг остановилась и сказала:

– Давай перестанем играть, пусть это будет нашей жертвой ради обращения грешников.

Не думая, что за ней могут наблюдать, она, как обычно, обратила взор к небу и, молитвенно сложив руки, воскликнула:

– О Иисус, мы делаем это из любви к Тебе и ради обращения грешников.

Случилось так, что они оказались возле дома, где жила та самая фурия. Оказалось, что она видела эту сцену из окна и все слышала. А потом произошло следующее: тронутая невинным порывом девочки, она раскаялась и стала молиться Пресвятой Деве, чтобы получить прощение за свои грехи.

Но и это событие и десятки других, зафиксированных историей (к примеру, благодаря слезам и молитвам Луции внезапно выздоровела ее умирающая мать, а Гиацинта вымолила исцеление одной пожилой женщине, терзаемой страшным недугом), были лишь отражением того, что происходило в душах трех избранных детей благодаря их собственной воле и Божией милости.

В самом деле, стоит только проникнуть в их души, чтобы убедиться, что неземным огнем, зажженным в них рукой Бога и разгоревшимся благодаря чудесным явлениям, питалась их забота о ближних, которую они проявляли ежедневно, как и положено служителям Евангелия, держащим зажженные светильники и ожидающим возвращения Божиего Сына, чтобы, когда Он постучит в дверь, быть готовыми открыть ее.

Божия Матерь ценит смирение, ту добродетель, которая так понравилась в Ней Богу, что Он сделал Деву Марию Благословенной и на земле, и на небе.

Дети, видевшие Божию Матерь, приведшие в движение целый народ и ставшие популярными в самых разных

слоях общества как посредники между людьми и Царицей Небес, могли возгордиться. Но благодаря Богу им удалось избежать этого греха.

Чем больше была их популярность, чем больше их хвалили, прославляли, почитали, тем меньше им это нравилось. Они боялись восхвалений и все время стремились к единению. Видимо, они хотели избежать если не греха, то искушения.

В простых словах Луции прекрасно выразились их душевные переживания и убеждения: „Многочисленные похвалы утомляли нас. Что касается меня, я чувствовала: все, что обо мне говорят – неправда”

Ее друзья думали точно так же, что красноречиво свидетельствует об их смирении.

Посетители часто проводили в Алжуштреле по полдня, чтобы только увидеть их, а они в это время бесследно исчезали.

Где же они прятались? Нет, не в глубине сада у Луции, рядом с колодцем, где бы их наверняка обнаружили. Дело в том, что на близлежащей горе был глубокий темный грот, спрятанный за кустами. И именно там дети проводили все это время.

Но не ради игр, а чтобы читать розарий, чтобы повторять молитву Ангела, чтобы совершать жертвы перед лицом одного только Господа Бога – не есть, не пить...

Неизвестно, почему после всех чудесных событий Гиацинта и Франсиско все еще не были приведены к Первому Причастию: это должно было произойти даже вопреки местным обычаям.

Казалось, их причастие Господу станет достойным завершением произошедших чудес и необычайного стремления детей к Богу. Но, несмотря на то, что этого не случилось, их духовные устремления давали возможность сказать, что дети каждый день принимали в себя Иисуса.

По дороге в школу они никогда не забывали зайти в церковь и старались как можно дольше оставаться перед алтарем. В церкви они были сосредоточенны, как в Ковада-Ирии перед лицом Божией Матери, укрытой солнечным плащом.

Иисус был незрим, но они ощущали Его присутствие благодаря своей чуткости, свойственной лишь людям с чистым сердцем.

Гиацинта говорила, что хотела бы проводить много времени с незримым Иисусом, что с радостью не уходила бы из храма, потому что ей многое надо было рассказать Сыну Божию.

Франсиско чувствовал то же, что и сестра. Сколько раз он, уже собираясь отойти от алтаря, чтобы отправиться в школу, говорил Луции:

– Слушай, ты иди в школу, а я останусь тут с Иисусом. Мне не так уж нужно учиться, ведь я скоро попаду на небо. Когда будешь возвращаться, зайдй за мной.

После школы она заставляла его на коленях перед алтарем, с молитвенно сложенными руками, со взором, устремленным к Святилищу, смиренного, словно серафим.

Они возвращали домой, обедали, а потом... потом покорно исполняли все, о чем их просили родители – точно так же, как это делал юный Иисус в Назарете. Но при всех своих занятиях они всегда были мыслями погружены в молитву, потому что вся их жизнь была непрерывным движением к Богу.

Один священник, „святой отец Крус“ (как его все называли), прибывший в Фатиму, чтобы получить представление о произошедших там событиях, однажды вместе с нашими героями отправился на то место, где случилось чудо. По дороге (дети шли рядом с почтенным стариком, ехавшем на осле) священник научил их коротким набожным фразам, которые следовало повторять ежедневно.

Среди них были такие: „О Иисус, я люблю Тебя“, „Сладчайшее Сердце Марии, будь моим избавлением“. Гиацинте они очень понравились, и, выполняя просьбы матери, делая уроки или даже во время еды, она то и дело прерывалась, чтобы повторить: „Мой Иисус, я люблю Тебя. Сладчайшее Сердце Марии, будь моим избавлением“. Те же слова повторял и Франсинско.

Луции другой священник однажды сказал:

– Дитя мое, ты должна очень сильно любить Господа, ведь Он осыпал тебя столькими милостями.

И она, чем бы ни занималась, по сотне раз на дню повто-

рала: „Боже мой, я люблю Тебя и благодарю за те милости, которыми Ты меня осыпал.“ Но она не сохранила эту молитву исключительно для себя, потому что понимала, что ее друзья тоже должны очень любить Господа. И в результате они все стали повторять эти слова вслух и про себя, дома, в пути, всегда и всюду.

Это был хвалебный неумолкающий гимн, возносившийся к небу из глубины трех юных сердец.

Вечером дети встречались в своем оазисе около колодца, чтобы вместе помолиться и подвести итог дня, совершив испытание совести.

И каждый день они выполняли – будь то дома или в церкви – просьбы набожных людей о молитве за какого-нибудь закоренелого грешника. Гиацинта очень серьезно напоминала:

– Мы должны молиться и совершать множество жертв – иначе этот несчастный попадет в ад.

Им всегда хотелось молиться еще больше, приносить более значительные жертвы, чем те, которые они могли придумать, причем люди не должны были знать о них (в противном случае Бог мог их не принять). И никто ничего не знал до тех пор, пока Луция, следуя высшему повелению, во славу Божию не огласила всех этих фактов. Гиацинта и Франсиско в то время уже вкушали вечное блаженство.

Под небесным сводом, когда в вышине один за другим зажигались ангельские огни и мерцающий свет предварял появление светила Божией Матери, все выше и выше возносилась молитва. Сердце Иисуса... Непорочное Сердце Марии... Опечаленный Господь Бог... несчастные грешники... Святой Отец... Сколько сердец соединялись в едином порыве, сколько огней соперничало с небесными светильниками, зажженными ангельскими руками!

Дети еще жили в этом мире, но уже не принадлежали ему. Гиацинта часто повторяла:

– Я так люблю Господа и Божию Матерь, что мне не надоедает повторять, как сильно я Их люблю... Я так люблю Иисусу повторять, что люблю Его... Когда я говорю Ему это много раз, мне кажется, что у меня в груди горит какой-то огонь, но этот огонь не жжет меня.

Это был тот огонь, который закаляет души избранных. Но приближался тот день, когда Гиацинта и ее брат должны были уйти в мир вечного блаженства.

Таковыми было предсказание Божией Матери, и чем иным мог быть этот огонь, если не постепенным приближением к сияющему источнику Божией Милости?

– Зачем ходить в школу, – говорил Франсиско, – если вскоре мы попадем на небо?

Это было истиной, это было сущностью того, что они ожидали.

Они уйдут вдвоем. Луция – останется, это было известно. А когда душа начинает двигаться свободно в ослабленных путах тела и уже готова к полету, она временами говорит языком вечной мудрости.

Однажды Гиацинта сказала Луции:

– Я уже скоро попаду в рай, а ты останешься здесь, чтобы учить людей, что нужно почитать Непорочное Сердце Марии, ведь так хочет Господь. Когда ты будешь об этом говорить, ничего не скрывай. Расскажи всем, что Бог одарил нас Своей милостью через Непорочное Сердце Марии, что Иисус хочет, чтобы вместе с Его Сердцем почитали Непорочное Сердце Марии, что о восстановлении мира мы должны просить Ее Сердце, ибо Бог, Господь наш, доверил Ей заботиться о мире.¹⁹

Во время чудесных явлений Гиацинта была лишь свидетелем, а теперь она стала глашатаем великого Фатимского Воззвания, говорил голосом человека, открывающего неопровержимую Истину.

Она говорила властно, она, семилетняя девочка, причем не только кузине, которая сама разговаривала с Божией Матерью, а всем людям. „Скажи всем, что хочет Иисус...” Но чего Он хотел?

Чтобы во всех сердцах разгорелся огонь, который Гиацинта чувствовала в себе, и который позволил ей так сильно возлюбить Сердца Иисуса и Марии.

В этом заключалась вся ее власть, вся ее сила.

---

¹⁹ В II, в: *Documentos de Fatima*, с. 73–77.

Огонек на пороге

Войне, „бессмысленной резне“ – как назвал ее Бенедикт XV (в то время Первосвященник Римской Церкви) – пришел конец. Весь мир с облегчением вздохнул. Однако свирепствовала „испанка“, грозившая уничтожить то, что не смогла унести война.

В конце 1918 года эпидемия докатилась и до Алжуштрела, а 23 декабря, за два дня до Рождества, страшная болезнь поразила Гиацинту и Франсиско. Вместе с ними слегли и остальные члены семьи за исключением отца, который с помощью нескольких милосердных людей выполнял роль сиделки.

Болезнь не только не помешала детям приносить жертвы, ожидаемые от них Божией Матерью, но и позволила их умножить. Они страдали, но не жалели себя. Им очень хотелось встретиться всем вместе, но они терпели; лекарства были противными, но они глотали их, не прерывая молитвы. Они ненавидели молоко и бульон, но и то и другое выпивали с радостью... „Все это из любви к Господу и Непорочному Сердцу Марии.“

Луция, не думая о том, что может заразиться, все свободное время проводила с ними. Однажды она спросила Гиацинту:

– Тебе лучше сегодня?

– Ты хорошо знаешь, – ответила ей кузина, – что я уже не выздоравливаю. У меня так болит в груди... Но я не жалуюсь, потому что страдаю ради обращения грешников.

Казалось, однако, что болезнь отступает, и Гиацинта, хотя и была очень слабой, смогла встать с постели.

Франсиско тоже через две недели встал, но болезнь по-прежнему подтачивала его организм, и слабость усиливалась с каждым днем.

– Тебе плохо, Франсиско? – спрашивали, глядя на его бледность и одышку.

А он с улыбкой отвечал:

– Да, конечно. Но я терплю из любви к Господу и Божией Матери.

Когда во время первого явления Божией Матери Луция спросила Ее, попадет ли Франсиско в рай, она получила такой ответ:

– Да, но он должен будет перед этим прочесть много розариев.

А он их с того самого дня прочел столько! Очень часто после чтения розария вместе с сестрой и кузиной, когда девочки уже начинали играть, он отходил от них, чтобы остаться в одиночестве.

– Что ты делаешь, Франсиско?

Вместо ответа он поднимал руку, показывая четки.

Его уговаривали:

– Идем играть, потом вместе помолимся.

А он отвечал:

– Потом? Потом – это сейчас. Разве вы не помните, что сказала Божия Матерь? Что прежде чем я отправлюсь на небо, я должен буду прочитать много розариев.

Могло показаться, что он хочет сказать: „Я хочу как можно быстрее попасть на небо. Поэтому чем быстрее я прочту положенные мне молитвы, тем будет лучше для меня.“

Иногда он куда-то исчезал, его безуспешно искали, звали, пока наконец не находили за какой-нибудь стеной или за кустами – он стоял на коленях, низко склонив голову.

Его упрекали:

– Почему ты не отзывался? Почему ты заставил нас так волноваться?

Он молчал, потому что ничего не слышал, терял ощущение времени...

– Что это за причуды – молиться в одиночестве?

– Я больше всего люблю молиться один, потому что могу размышлять, могу утешать Господа, который сильно страдает из-за множества грехов.

В этом заключалось все его очарование.

Однако теперь он настолько ослабел, что были дни, ког-

да у него не хватало сил на полный розарий. В такие дни он жаловался:

– Мама, я уже не могу читать розарий. Дохожу до середины, а дальше не хватает сил.

Мать ободряла его:

– Если ты не можешь говорить, читай розарий про себя. Божия Матерь видит наши сердца, поэтому Она будет довольна.

Но и эти доводы не успокаивали Франсиско.

Ему посоветовали в солнечные дни выходить на небольшие прогулки, а он, собравшись с силами, несколько раз сходил до самой Кова-да-Ирии, желая вновь увидеть место, где перед ним являлась прекрасная Дева, закутанная в солнечный плащ, и где в него проникал Божественный свет. Придя в долину, он вставал на колени перед благословенным дубком и долго смотрел вверх, где ничего не было видно, но где глазами своей души он видел то, о чем, раз увидев, невозможно забыть.

Он вздыхал:

– Мне бы так хотелось поскорее оказаться рядом с Той...

Франсиско возвращался домой с обновленным сердцем, и глубокое счастье отражалось в его уставших глазах и на похудевшем лице. Тогда ему говорили: „Ты выглядишь лучше, вот увидишь – скоро ты снова будешь здоров.“ Но он отвечал: „Нет“, – причем в голосе его и выражении лица было нечто загадочное, что на всех производило большое впечатление.

Однажды его мать, которая очень любила своего сына, в присутствии Франсиско, обращаясь к образу Божией Матери, воскликнула:

– Пресвятая Дева, если Ты исцелишь его, я отдам Тебе все, что пожелаешь!

– Ничего не поможет, я все равно умру, – безмятежно промолвил Франсиско.

В конце февраля 1919 года самочувствие мальчика стало ухудшаться, и он вновь был вынужден отказаться от прогулок. Гиацинта, чувствуя, что скоро все будет кончено, целыми днями сидела рядом с братом, молилась – у нее еще хватало сил – говорила о судьбе, ожидающей грешни-

ков, повторяла возвышенные слова в честь Иисуса и Марии.

Однажды спешно послали за Луцией, поскольку ей нужно было передать важную новость:

– Божия Мать их посетила.

Дева Мария вошла в комнату и приблизилась к постели больного, чтобы сказать о том, что скоро вернется и заберет его на небо.

А Гиацинту Дева спросила, хочет ли она по-прежнему обращать грешников, и, услышав от девочки твердый ответ, известила ее, что теперь ей следует пойти в больницу, где она будет сильно страдать, но все это стерпит ради обращения грешников, для искупления обид, причиненных Непорочному Сердцу Марии и из любви к Иисусу.

Поскольку о больнице Гиацинта имела представление, как об „очень темном доме, где ничего не видно“, она спросила, пойдет ли туда и Луция, однако Божия Мать ответила отрицательно. Впрочем, ее будет сопровождать мама, а потом... „потом я останусь одна“ – завершила свой рассказ девочка и, еле сдерживая слезы, опустила голову.

– Но это неважно, – тут же добавила она, побеждая минутную слабость. – Я буду страдать из любви к Господу, чтобы искупить обиды, нанесенные Непорочному Сердцу Марии, буду мучиться ради обращения грешников и из любви к Святому Отцу.

Франсиско подтвердил ее слова слабым кивком. Он и сам был печален по той же причине, что и Господь.

В конец марта здоровье мальчика стало еще хуже. Когда однажды Луция сидела рядом с ним одна, Франсиско вытащил из-под одеяла веревку, которой он опоясывался, отдал ее сестре и сказал:

– Возьми ее, чтобы мама ничего не увидела. Я ведь уже не смогу ее носить.

Так он, печальный, прощался с тем, что было и оружием, и сокровенным свидетельством его жертвы из любви к Господу... На окровавленной веревке были завязаны три узла.

Второго апреля он так плохо себя почувствовал, что решили позвать священника, чтобы тот его исповедал.

А ведь он еще не принял Первого Причастия!

Франсиско пожаловался матери:

– Мама, я умру и не приму незримого Иисуса.

Мать успокоила мальчика:

– Придет священник и даст Его тебе.

Мальчик попросил позвать Луцию.

– Луция, я буду исповедаться, чтобы принять Первое Причастие, а потом умереть. Скажи, какие ты знаешь за мной грехи?

– Бывало, – ответила Луция, – ты не слушался маму. Она говорила тебе, чтобы ты оставался дома, а ты убегал и приходил ко мне или где-то прятался. Помнишь?

– Да, правда. Пойди, спроси у Гиацинты, помнит ли она что-нибудь еще.

Гиацинта вспомнила, что прежде, чем они увидели Божию Матерь, он взял тайком мелкие деньги, чтобы купить гармошку и подарить ее товарищу; что когда ребята из Алжуштрела бросали камнями в ребят из Болейроша, он тоже бросил несколько камней.

– В этом, – воскликнул мальчик – я уже исповедался. Но я исповедуюсь еще раз. Кто знает, может быть, из-за моих грехов Господь такой печальный.

И, сложив руки на груди, он стал молиться:

– Господь Иисус Христос, прости нам наши грехи.

Потом вновь обратился к Луции:

– Луция, ты тоже попроси Господа, чтобы он простил мне мои грехи.

– Хорошо, я попрошу. Но Он уже простил их тебе, ведь Божия Матерь сказала, что скоро вернется, чтобы забрать тебя в рай. А я сейчас пойду на мессу и буду молиться за тебя незримому Иисусу.

Благодарная улыбка озарила его лицо:

– Слушай, попроси Его, чтобы отец настоятель причастил меня.

Позднее пришел священник, исповедал его и пообещал на следующий день причастить.

Франсиско был счастлив и всем, не умолкая, говорил о своей радости.

– Завтра меня причастят. Завтра я приму незримого Иисуса.

Он выпил немного молока и бульона, чтобы набраться сил, но всю ночь ничего не ел.

Когда пришел священник со Святыми Дарами, Франсиско попробовал есть, но не смог из-за большой слабости и вынужден был с этим примириться.

– Тело Христово, – провозгласил священник, поднеся к губам мальчика облатку, – пусть спасет душу твою для жизни вечной.

Франсиско, скрестив на груди руки, разомкнул бескровные губы, почувствовал, как Иисус целует его, потом сомкнул губы и замер. Присутствовавшим показалось, что бесконечная сладость этого первого и в то же время последнего соприкосновения с незримым Иисусом оторвала мальчика от земли, чтобы подарить ему вечность.

Очнувшись, он увидел над собой лицо матери и произнес:

– Мама, ты не могла бы тоже принять Господа? – и, обращаясь к сестре, которая в набожном молчании смотрела на него:

– Сегодня я более счастлив, чем ты, ведь в моем сердце – незримый Иисус.

Потом он попросил прощения у матери, у отца, у крестной, у родных и у всех окружавших его людей и захотел, чтобы его благословили.

А Луции и Гиацинте он сказал:

– Прочитайте за меня розарий, ведь я сам уже не смогу.

Вечером, когда родители послали девочек спать, Франсиско очень спокойно в последний раз попрощался с сестрами:

– Я уйду в рай и буду там много молиться Иисусу и Божией Матери, чтобы вас вскоре тоже приняли. До встречи на небе. Прощайте.

Так он расставался с теми, с кем делил развлечения и усталость, молитвы и святые устремления, необычайную милость и ежедневные жертвы Иисусу.

Дойдя до двери, Гиацинта обернулась и с неподдельной искренностью произнесла:

– Поклонись Господу и Божией Матери. Скажи Им, что мы вытерпим все, что Они захотят, чтобы обратить греш-

ников и искупить обиды, нанесенные Непорочному Сердцу Марии.²⁰

Франсиско утвердительно кивнул.

В комнате с ним осталась только мать. Когда умирает ребенок, другие могут либо уйти, либо остаться, но мать всегда бывает рядом.

Однако ночь прошла спокойно. Больной не страдал, не жаловался. Он спал. Казалось, он отдыхает. И он действительно отдыхал.

И лишь на рассвете, около шести часов, он проснулся и позвал:

– Мама!

– Что такое, любимый? Тебе что-то нужно?

– Нет. Взгляни, там, около двери, какой прекрасный свет!

Ангельская улыбка осветила лицо умирающего ребенка.

Мать посмотрела в сторону двери, но ничего не увидела.

– Какой чудный свет! – вновь восхощенно воскликнул Франсиско.

Он не сказал, что это был за свет, но, очевидно, это был тот самый свет, которым шесть раз дети восхищались в Кова-да-Ирии.

Мгновение спустя еле слышным голосом он прошептал:

– А теперь я уже его не вижу.

Но улыбка на его лице светила все сильнее, пока не стала выражением полного счастья.

Таким был его смертный час. Смерть не смогла победить его ангельской улыбки.

Было 4 апреля 1919 года. Мальчику не было и 11 лет.

А какая смелость и высота полета в течение такого короткого времени!²¹

---

²⁰ В II, в: *Documentos de Fatima*, с. 73–74.

²¹ Информация, относящаяся к чудесам Божией благодати в мальчике Франсиско, находится прежде всего в В IV, В: *Documentos de Fatima*, с. 247–248, 271–309.

Крестный путь Гиацинты

Если болезнь и смерть Франсиско заставляют нас сопереживать и восхищаться, то последние минуты Гиацинты могли бы и камни превратить в „сынов Божиих“

Даже если кто-то отвергал очевидные факты, не веря в чудо Фатимы, он все равно должен был признать, что духовная исключительность Гиацинты, добровольно пожертвовавшей себя Богу, сама по себе является чудом, и кто-то действительно снизошел с небес на землю, чтобы это чудо совершить.

Но факты не нуждаются в комментариях.

Смерть брата для нее оказалась страшным ударом. Она знала, кто его забрал и куда, но пустота в доме постоянно напоминала ей об утрате. У природы свои законы.

Девочку часто видели одну, погруженную в себя.

– О чем ты думаешь? – спрашивали ее.

– О Франсиско. Так хочется его увидеть... – отвечала она и не могла сдержать слез.

Через несколько недель ее подвергли медицинскому осмотру и обнаружили гнойный плеврит, последствие „испанки“, от которой Гиацинта так и не оправилась.

Лечить ее нужно было в Урене.

Так начался ее крестный путь.

Луция дважды посетила ее, и их разговоры были отмечены той откровенностью, которая соединяла их сердца и души.

Когда Луция спросила ее, страдает ли она, Гиацинта призналась:

– Да, очень, но ведь это ради обращения грешников и для искупления обид, нанесенных Иисусу и Непорочному Сердцу Марии.

И она дала выход своей горячей, мистической любви невесты Христовой:

– Я так радуюсь, что страдаю из любви к Ним. Как сильно они любят тех, кто страдает ради обращения грешников!

Подобные слова могли быть произнесены Екатериной Сиенской или святой Терезой.

Точно не известно, когда (но видимо, во время этих разговоров) она отдала кузине веревку, которой прежде опоясывалась, сказав при этом, как и Франсиско:

– Я уже не смогу ее носить. Спрячь ее так, чтобы никто не увидел.

На ее веревке также было завязано три узла, и виднелись следы крови.

Через два месяца ее выписали из больницы, но не потому, что она выздоровела или почувствовала себя лучше, а потому, что в ее положении уже ничем нельзя было помочь.

Она и сама знала об этом, она ложилась в больницу, зная, что будет мучиться и возвращалась домой с готовностью страдать столько, сколько захочет Божия Матерь. На груди у Гиацинты была большая рана, которую приходилось ежедневно перевязывать, и эта процедура причиняла девочке сильную боль. Через несколько дней после возвращения домой, возможно, из-за неверного ухода за больной, у нее началось заражение, что еще больше усилило страдания Гиацинты. Но чем сильнее они остановились, тем больше укрепилась сила ее духа, а потребность в покаянии приобрела характер героизма.

Своей несчастной, удрученной матери, которая с огромной нежностью ухаживала за нею, Гиацинта – чтобы не повергать ее в полное отчаяние – говорила:

– Мамамочка, не плачь, я себя чувствую хорошо.

И, поскольку на лице матери все равно была печать горя и тревоги, она стискивала ее ладони и, глядя в глаза, словно пытаясь наполнить ее своим светом, восклицала:

– Не огорчайся, мамочка, я отправляюсь на небо и буду за тебя много молиться.

Луция стала для Гиацинты еще ближе, она стала ее духовной сестрой, от которой у нее не было никаких тайн.

– Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал о моих жертвах, ведь

они принадлежат лишь Иисусу и Марии... Мне очень хочется пить, но я буду терпеть – пусть это будет моей жетвой Иисусу ради спасения грешников. Мне предложили на выбор: или молоко, или виноград. Я согласилась выпить молока, хотя и не люблю его, чтобы пострадать во имя Господа... А прошлой ночью мне было так плохо! Если бы я перевернулась, мне бы стало немного легче, но я не сделала этого – ведь я хотела страдать во имя Иисуса.

Однажды она призналась кухне:

– До сих пор я вставала с постели, чтобы прочитать молитву Ангела, но теперь уже не могу наклоняться до земли – меня покидают силы – и мне придется читать ее, стоя на коленях...

Несмотря на ее тяжелое состояние к ней, как и прежде, приходило с вопросами множество людей, и девочка их не избегала, считая эти встречи частью той жертвы, которую она приносила Богу.

О, как прекрасны были молитвы, произносимые детьми около колодца в глубине сада или в гроте на склоне горы, где им никто не мешал!... Как прекрасна была пустынная, сияющая, полная чудес Кова-да-Ирия!

– Луция, увижу ли я опять нашу Кова-да-Ирию?... Увижу ли деревце Божией Матери?... Нет, уже не увижу... А ты увидишь, ты вернешься туда... Но без меня и без Франсиско... Но ты ведь помолишься – правда? – за него и за меня.

Крупные слезы катились по ее щекам, и Луция заботливо их утирала, не обращая внимания на свои, не менее жгучие, которые тихо капали на одеяло.

В это время Гиацинте стали являться видения: некоторые – личного характера – относились к ее ближайшему будущему, другие – касающиеся всего человечества – имели отношение к более отдаленному времени.

Но и те, и другие свидетельствовали о связи девочки с вечностью.

Время от времени Гиацинте являлась Божия Матерь (как можно догадаться, подобные посещения казались девочке вполне естественными), чтобы приготовить ее к последней и самой большой жертве.

По словам Луции, однажды Божия Матерь открыла Гиацинте, „что она попадет в лиссабонскую больницу, где больше не увидит ни кузины, ни родителей и где будет сильно страдать. Но она ничего не должна бояться – ведь Божия Матерь сама придет за ней и заберет на небо”.

Однако поначалу девочка еще очень боялась. Ее душа была сильной, но тело – немощным, и это не удивительно – достаточно вспомнить Иисуса в Гефсиманском саду.

Ее страшила мысль о том, что ей придется умирать в одиночестве. Она обнимала Луцию и умоляла ее:

– Молись за меня, горячо молись, ведь я буду умирать совсем одна.

Кузина пробовала ее успокоить, прибегая к самым естественным доводам:

– Зачем тебе думать о ком-то, если сама Божия Матерь придет за тобой? Чего бояться, если Она будет рядом?

Это была истинная правда, но Гиацинта все равно боялась, время от времени забывая о том, что Божия Матерь придет за нею.

Страдание есть страдание, и если бы чаша не оказалась столь горькой, разве считалось бы героизмом выпить ее до дна? Даже Иисус там, в Гефсиманском саду, во мраке ночном и душевном, трепетал и боялся. И разве слова: „Впрочем, не как Я хочу, но как Ты,” – не были мерой – в том числе и для Отца Небесного – боязни и страдания, предопределившей крестную муку?

Следуя примеру Иисуса и благодаря силе, которою Он наделяет всех страждущих и униженных – а в особенности тех, кто добровольно соединяется с Ним в жертве и покаянии – Гиацинта одним уверенным взмахом крыльев взлетела из темноты к свету.

– Я хочу думать, – говорила она, – потому что чем больше я над этим думаю, тем больше страдаю, а ведь мне хочется страдать из любви к Господу и ради спасения грешников, а впрочем... для меня это неважно.

Это была последняя, титаническая битва (хотя и происходящая в душе маленькой девочки) между осужденным на смерть телом и обращенной к жизни душой. Потом раздался победный возглас, потрясший небо:

– О Иисус, теперь Ты сможешь обратить многих греш-

ников, ведь это большая жертва! И именно поэтому я приношу ее Тебе.

Иногда девочку заставляли погруженной в свои мысли, с лицом, закрытым ладонями, недвижимую, отсутствующую, с мукой и грустью всматривающуюся куда-то.

– Гиацинта, о чем ты задумалась? – спрашивала ее мать, взволнованная странным поведением дочери.

Опомнившись, девочка отвечала:

– Да... если бы я знала. Мне очень нравится думать.

Но однажды она доверилась Луции, причем говорила она не детским, а каким-то потусторонним голосом:

– Я думаю о Господе, о Божией Матери, о грешниках. Думаю о грядущей войне. Сколько людей в ней погибнет, а сколько попадет в ад! Сколько домов будет разрушено! Сколько священников будет убито! Как это грустно. Если бы люди перестали оскорблять Бога, не было бы войны и не попали бы они в ад. Знаешь, я уйду в рай, а ты, как только увидишь ночью тот свет, о котором говорила Дева, беги и тоже приходи туда.

Вспоминается гражданская война, затопившая кровью Испанию, вспоминается... все остальное, а ведь кое-кто говорил, что это – плод больного воображения, а не истинное пророчество.

На последние слова Гиацинты Луция заметила, что на небо нельзя убежать. Ее кузина согласилась:

– Да, ты права. Но не бойся, я буду много молиться за тебя и за Святого Отца, за всех священников, за Португалию, чтобы война не пришла на эту землю.

И Португалия действительно избежала войны.

А в это время исполнилось все, что Дева предсказала Гиацинте в связи с ее смертью.

Где-то в середине января 1920 года в Фатиму совершил паломничество известный врач Энрико Лишбо. Он захотел познакомиться с избранницами Девы Марии, а увидев Гиацинту в столь тяжелом состоянии, стал настаивать на том, чтобы перевезти девочку в Лиссабон, так как надеялся с помощью хирургического вмешательства спасти ее.

Но родители, да и сама Гиацинта, были против. И все же настойчивость врача в конце концов привела к тому, что Олимпия, движимая материнским чувством, согласилась.

Момент отъезда был очень мучительным, особенно волнующе выглядело прощание Гиацинты с ее духовной сестрой. Она не могла оторваться от Луции, обнимала ее и, рыдая, говорила:

– Молись за меня как можно больше, пока я не попаду на небо, а потом я буду молиться за тебя.

И тотчас же с серьезностью и силой, которые были в ней, потому что она уже почти находилась во власти вечной Истины, Гиацинта добавила:

– Никогда никому не открывай тайны, даже под угрозой смерти. Люби Иисуса и Непорочное Сердце Марии и – насколько это возможно – жертвуй ради спасения грешников.

...Она покинула своих близких, свой дом, свое селение, все те места, которые были свидетелями ее тайных жертв, свое улыбчивое небо... Прощайте!... Прощайте!... Больше она уже их никогда не увидит.

Ожидалось, что в Лиссабоне многие почтут за честь принять знаменитую девочку из Фатимы в свой дом, но когда стало известно, в каком состоянии она находится, никто не взял на себя ответственность приютить ее.

И лишь сестра Мария Годиньо из общины Чудотворной Божией Матери поняла, какая честь открыть двери и сердце такой девочке, и приняла ее в приют Чудотворной Божией Матери, желая заменить ей родных – мир не без добрых людей.

В приюте была молельня, где хранились Святые Дары.

Гиацинта чрезвычайно обрадовалась тому, что оказалась под одним кровом с незримым Иисусом.

Но еще более счастлива она была потому, что теперь ежедневно могла принимать Иисуса в свое сердце.

Думается, Гиацинте повезло больше, чем Франсиско, так как Первое Причастие она приняла еще у себя дома, в мае 1918 или 1919 (точно не известно) года. Но в то время, когда она жила в Алжуштреле, приходская церковь находилась слишком далеко, и девочка не могла ходить туда ежедневно, а священник не мог ходить к ней домой. Поэтому Господа она принимала не очень часто. Зато в приюте могла делать это без какого-либо неудобства и, пока оста-

валаась там, каждое утро с великой радостью и трепетом принимала Святое Причастие. Кроме того, пока Гиацинта еще могла ходить, она шла в молельню, садилась на скамью и часами молилась, устремив взор на Святителище, чем вызывала восхищение монахинь и уважение подруг, которые считали ее святой и преклонялись перед нею.

И разве можно было предположить, что она не святая, если сама старшая сестра общины говорила, что Дева Мария часто навещает и утешает девочку.

Но и пребывание в приюте подошло к концу – Гиацинте пришлось покинуть это тихое место.

Решив, что наступил подходящий для операции момент, доктор Лишбо распорядился, чтобы девочку приняли в больницу Дона-Эштефания.

Утром 2 февраля 1920 года, в праздник Сретения Господня, Гиацинта исповедалась, приняла причастие, простилась с незримым Иисусом, с молельней, где она провела столько прекрасных спокойных часов, простилась с подругами, с приютом, который она сама называла дорогим ей именем Фатимской Божьей Матери, и в сопровождении сестры Годиньо отправилась в больницу.

Там она попала в совершенно другую атмосферу, и ею вновь овладела печаль. Несколько милосердных людей, считавших ее избранницей Пресвятой Девы, искали общения с ней, а заботливая медсестра, которую девочка нежно называла „матушкой“, навещала ее каждый день. И все же Гиацинту мучило сознание того, что она совершенно одна: „Я умру в одиночестве“.

Операция проводилась 10 февраля.

Применение хлороформа было небезопасным ввиду крайней слабости девочки, и нужно было прибегнуть к обыкновенному местному наркозу. Больной видит все... Она увидела, что оказалась раздетая в руках хирурга – и расплакалась.

Ей удалили два больных ребра со стороны сердца, оставив рану шириной с ладонь.

Считалось, что операция прошла успешно.

Едва живую Гиацинту перенесли на кровать.

В течение последующих дней она страдала при каждой перевязке. Ей пришлось вынести страшные муки, но из ее

уст вырвался лишь один возглас, горестный, словно молитва:

– О, Божия Матерь! Моя Божия Матерь!

А когда кто-то захотел ее ободрить, она ответила:

– Не переживайте. Все мы должны страдать, чтобы попасть на небо.

Больничный персонал никогда не видел такой спокойной больной.

Следствием пятой и шестой перевязок были столь мучительные боли, что девочка не сдержалась и сказала доброй „матушке“:

– Боюсь, что я не выдержу.

– Мужайся, – ответила „матушка“, по-матерински положив ладонь на покрытый холодным потом лоб девочки, – ты должна терпеть. Это угодно Господу.

После этого напоминания девочка успокоилась.

Когда на следующий день „матушка“ пришла вновь, она не просто застала Гиацинту спокойной, но и заметила, что с ее лица исчезла печать страданий. Увидев „матушку“, Гиацинта сделала ей знак подойти поближе и очень радостно полупрошептом произнесла:

– Знаешь, матушка, я уже не жалуюсь. Мне вновь явилась Божия Матерь. Она сказала, что скоро за мной придет, и боль моя сразу же исчезла.

Это была прелюдия к большой всеобъемлющей радости, которая царит там, где не существует боли.

20 февраля в пятницу около 6 часов вечера самочувствие Гиацинты вновь ухудшилось. На соседних койках спали больные, освещенные тусклым светом притушенной на ночь лампы, которая, казалось, тоже дремала там, наверху, над рядами коек.

Гиацинта позвала сиделку и, не теряя присутствия духа, сказала:

– Я чувствую себя плохо и хочу принять Последнее Причастие.

Хотя сиделке и не показалось, что девочке стало хуже, она пообещала обо всем позаботиться. Действительно, около 8 часов пришел настоятель церкви Святых Ангелов Перейра душ Рейш, чтобы исповедать девочку.

– А теперь, – сказала Гиацинта после исповеди, – я хочу причаститься, потому что скоро умру.

Но священнику показалось, что торопиться некуда, и он ушел, решив принести Святые Дары на следующее утро.

Около половины одиннадцатого сиделка решила сходить к больной. Она застала Гиацинту спокойной, невозмутимой, но казалось, что девочка действительно умирает.

Что было делать? Сиделка решила немного подождать... В течение этого короткого ожидания невинный ребенок, ни разу не вздрогнув, почти без единого вздоха, перешел из бренного мира в счастливую вечность.

Божия Матерь, как и обещала, пришла за девочкой и тихо забрала ее, чтобы не разбудить больных, спавших при тусклом свете притушенной на ночь лампы.

Аромат святости

Когда наступил день, известие о смерти девочки из Фатимы мгновенно распространилось по всему Лиссабону, вызывая во всех сердцах глубокую, искреннюю печаль.

В это время тело Гиацинты, измученное болезнью и освященное жертвоприношениями, одетое в белое платье с голубым поясом, было на катафалке перевезено в ближайшую церковь Святых Ангелов, которая сразу же стала местом паломничества христиан.

Все хотели увидеть „ангела“, поцеловать его, дотронуться до него каким-либо предметом или получить реликвию.

„Ангел“ с розовыми губами и щеками безмятежно лежал, еще более прекрасный, чем при жизни... И люди, глядя на него, испытывали волнение и восторг.

Кто-то заметил, что в воздухе витает тонкий аромат, словно от цветов. Решили выяснить, откуда он исходит, и оказалось, что от „ангела“. „Это аромат святости“, – сказали люди и с трепетом и восхищением признали, что девочка, видимо, была святой.

Аромат святости...

Во время своего пребывания в приюте Гиацинта однажды высказала такую мысль: „Чтобы стать монахиней, нужно быть чистой и душой, и телом“. И когда сестра Годиньо спросила ее, знает ли она, что означает „быть чистой“, девочка ответила: „Конечно, знаю. Быть чистой телом означает сохранять чистоту, а быть чистой душевно – это значит: не грешить, не смотреть на то, чего видеть не нужно, никогда не лгать, всегда говорить правду, даже если за нее приходится много страдать“

Примерно в то же время девочка высказала и другие замечательные мысли (особенно удивительные в устах десятилетней пастушки), скажем, такие:

„Войны – это не что иное, как наказание за грехи мира”.

„Чаще всего души попадают в ад из-за грехов нечистых”.

„Если бы люди знали, что такое вечность, они бы делали все, чтобы изменить свою жизнь”

„У врачей нет света, который способен исцелять больных, потому что у них нет Божественной любви”.

„Священники должны заниматься только делами Церкви и человеческими душами”.

„Божией Матери уже трудно заступаться за человечество перед своим любимым Сыном. Необходимо раскаяться. Если люди покаются, Господь просит им грехи, а если нет – человечество постигнет кара.”

„Священники должны быть чистыми, очень чистыми! Неповиновение священников и монахов вышестоящим иерархам и Святому Отцу не может нравиться Господу.”²²

„Любимая матушка, избегай благополучия, не гонись за богатством, возлюби блаженную нищету и молчание. Будь милосердной, в том числе и к злым людям. Ни о ком не говорит плохо и избегай тех, кто плохо говорит о своих ближних.”

Будь терпеливой, ведь терпение открывает нам дорогу в рай.”

„Иисус любит самоотверженных и смиренных.”

Кто ее всему этому научил? На этот вопрос она ответила:

„Божия Матерь”, – добавив, что некоторые мысли ей самой пришли в голову, ведь она очень любила размышлять о жизни. Но, конечно, не все ей подсказал разум.

Чистые души – это те души, которые хорошо видят и вдаль, и ввысь.

Аромат святости!

Пророчества Гиацинты впоследствии полностью подтвердились, что также свидетельствует о ее связи с небесными силами.

Как-то раз, когда Олимпия, мать Гиацинты, приехала

---

²² См. *Da Fonseca-Alonso, Le meraviglie di Fatima* изд. 22, Рим 1974.

навестить дочь, сестра Годиньо в разговоре с ней между прочим спросила, хочет ли она, чтобы ее дети приняли монашество.

– Боже сохрани! – воскликнула Олимпия.

А Гиацинта, которая не присутствовала при этом разговоре, позднее сказала „матушке“:

– Божия Матерь хотела бы, чтобы мои сестры стали монахинями, но мама этого не хочет. Поэтому Божия Матерь скоро за ними придет.

И действительно, две сестры Гиацинты прожили очень недолго.

Один из врачей, лечивших Гиацинту, однажды попросил ее заступиться за него перед Божией Матерью.

– С удовольствием, – ответила девочка.

Но потом, приглядевшись к нему, добавила:

– Но вы вскоре последуете за мной.

То же самое она сказала и другому доктору, который просил ее помолиться за себя и за свою дочь:

– Вы последуете за мной. Вначале – ваша дочь, а потом – вы.

Так оно и произошло.

Об одном всеми уважаемом священнике девочка неожиданно высказалась очень резко.

– Ты что? Что ты говоришь?!

– Сами увидите, – сказала она.

И вскоре все убедились, что девочка была права.

Милости, дары, откровения (в том числе и те, которые уже сокрыла вечная тайна), связанные с именем Гиацинты, прекрасный аромат, исходящий от умершей девочки, свидетельствовали о том, что ее чистое тело стало живой обителью Святого Духа.

В течение трех с половиной дней не переставая шли люди, чтобы почтить память Гиацинты.

Двадцать четвертого февраля около полудня гроб, окруженный огромной толпой христиан, проплыл между двумя неподвижными рядами людей по улицам города до вокзала, откуда был перевезен в Урен, где его встретила новая толпа.

В Урене девочку, связанную с Царством Божиим, похо-

ронили в гробнице семьи барона Алважазере. В часовне этой благородной фамилии бранные останки Гиацинты находились в течение 15 лет, пока церковные власти не приняли решение вернуть их вместе с телом Франсиско на родную землю и похоронить на кладбище в Фатиме в простой гробнице из белого камня. На памятнике были выбиты слова епископа из Лейрии: „Здесь покоятся бранные останки Франсиско и Гиацинты, которым явилась Пресвятая Дева”.

Франсиско и, особенно, Гиацинта ушли из этого мира, оставив аромат святости, и много милости снизошло на землю благодаря их заступничеству.

Законная церковная власть указом от 21 декабря 1949 года повелела изучить их жизнь. Это было началом канонизации детей, избранных Божией Матерью и страдавших при жизни.

Решено было перенести их мощи в базилику, а 30 апреля 1951 года произошла канонизация.

Тело Гиацинты, не тронутое тленом, 1 мая этого же года пересели в базилику и похоронили в гробнице под плитами бокового нефа храма.

С немалыми трудностями пришлось столкнуться при поисках останков Франсиско. На скромном кладбище при первом вскрытии могилы были обнаружены останки другого человека, и лишь в феврале 1952 года удалось обнаружить гроб с мелкими костями (сильно пострадавшими от влаги), которые были признаны принадлежавшими Франсиско, что подтверждалось также сохранившимися в гробу четками мальчика.

Ныне Франсиско покоится в Фатимской базилике, в такой же гробнице, как и его сестра, но в противоположном нефе, где его захоронили 9 марта 1952 года.

Обе гробницы всегда усыпаны цветами. На то есть воля Божия.²³

---

²³ Сведения, касающиеся Гиацинты, взяты из всех четырех книг Воспоминаний, в особенности, из В II, III, IV. См.: *Documentos de Fatima*, с. 5-81, 216-238, 241-296.

Ты останешься...

Именно эти слова сказала Божия Матерь Луции: „Ты должна будешь пока оставаться здесь.“ И пояснила ей почему: „Иисус хочет, чтобы благодаря тебе люди узнали и возлюбили Меня“. Поэтому Луция не могла ни завидовать судьбе Гиацинты и Франсиско, ни сетовать на свою участь. Уйти или остаться – какая разница, если ты уверен, что исполняешь волю Божию.

Но теперь она осталась одна, и достаточно представить себе, насколько тесно она была связана со своими друзьями, чтобы понять, какое одиночество она ощутила, сколь сиротливо стало у нее на душе.

Вот, что по этому поводу она сама говорит:

Какая печель меня охватила, когда я увидела, что осталась в одиночестве! Господь за такое короткое время забрал на небо моего любимого папу, а потом – Франсиско и Гиацинту. При первой же возможности я побежала на Кобесо, спряталась в гроте между скал и наедине с Богом разрыдалась, дав выход своему горю.

Когда я спускалась с горы, все мне напоминало моих друзей: камни, на которых мы часто сидели, любимые цветы Гиацинты, долины, где мы вместе вкушали райскую радость.

Однажды я пришла в дом к тете и, потеряв чувство реальности, направилась к комнате Гиацинты и позвала ее по имени. Ее сестра Тереза, видя мое состояние, преградила мне путь и привела меня в себя: „Гиацинты уже здесь нет!“

И в тот же день пришло известие о ее смерти.

Ее тело привезли в Урен, и тетя отправившись к бранным останкам дочери, взяла меня с собой. С каждым днем моя печаль становилась все глубже.

Часто девочка отправлялась к месту чудесных явлений, чтобы читать розарий вместе с другими христианами, которые приходили туда. Но и среди них Луция выглядела потерянной, ведь рядом не было дорогих ее сердцу друзей.

Ей казалось, что она уже никому не нужна, что часть ее жизни под названием „Фатима“ закончилась.

Она чувствовала, что в некотором смысле смерть коснулась и ее самой.

В этой атмосфере печали и сиротства созрел ее замысел обрести полный жизненный покой и умиротворение в монастыре. Получив согласие родителей, Луция при живом участии епископа Лейрии стала потихоньку свой замысел реализовывать.

Однажды ночью она пошла к колодцу.

Луна, которую Гиацинта называла светильником Божией Матери, проливала тусклый свет на влажную поверхность камня. Девочка опустилась на колени и положила голову на край колодца... Ее друзья были рядом, они вместе с нею в полутьме шепотом повторяли грустную прощальную молитву.

Спустя некоторое время Луция поднялась и поцеловала камень. Прощай, любимый оазис, свидетель стольких тайных радостей!

Оказавшись рядом с домом, девочка задержалась на мгновение, чтобы полюбоваться звездным небом.

Прощайте, чудные, светлые дни, прощайте, фатимские ночи!

Она простилась со всеми...

В два часа ночи (чтобы никто не видел) девочка в сопровождении своей матери и еще одного человека, направлявшегося в Лейрию, отправилась из Алжуштрела, унося с собою свою тайну.

Еще затемно они добрались до Кова-да-Ирии.

Там не было ни души. Чудесное деревце одиноко стояло посреди долины, такое же голое, почти лишенное ветвей.

Луции не пришлось напрягать зрение, чтобы разглядеть его, ведь она видела это деревце глазами своей души.

Она твердыми шагами подошла к нему, опустилась на колени на землю и прочитала последний розарий.

Помолившись, она поцеловала благословенное деревце (вернее, то, что от него осталось) и погладила его ствол. Потом Луция огляделась вокруг, словно искала глазами только ей видимый свет. Вздохнула.

– Пойдемте, – сказала она, и голос ее задрожал от нескрываемых слез.

Они отправились дальше.

Первые лучи солнца озарили небо, заскользили по верхушкам холмов и кронам деревьев.

Пройдя несколько шагов, девочка обернулась, сделала прощальный жест и пошла дальше... вновь задержалась, потом опять... еще раз... до тех пор, пока гряда холмов не выстроила между Кова-да-Ирией и тем местом, куда смотрела Луция, стену, разделившую ясное прошлое и неведомое будущее.

К девяти часам они добрались до Лейрии. Там их ждала Филомена Миранда. Луция обняла свою несчастную мать и, в два часа дня сев на поезд, отправилась туда, где ее ждала новая жизнь.

Как и следовало ожидать, известие об „исчезновении“ девочки, последней из тех, кто видел Божию Матерь, распространилось необычайно быстро и вызвало самые разные – порою весьма странные – толкования. Это привело к тому, что бургомистр Урена еще раз решил вмешаться в эту историю.

Он послал за Марией Розой и спросил ее, „что случилось с ее дочерью“, на что та со свойственной ей категоричностью (которую не смягчила даже горечь разлуки) ответила:

– Моя дочь находится там, где ей и мне нравится. Нечего тут больше выяснять!

И ревностный служака понял, что нет смысла дальше ее расспрашивать.

По правде говоря, Луция не находилась ни там, где хотелось ей самой, ни там, где хотелось ее матери, поскольку она служила высшим целям, которые лишь впоследствии должны были раскрыться.

17 января 1921 года девочка поселилась в католическом пансионе в Виларе (Порту) при монастыре Ордена святой

Доротеи. Там, опять-таки следуя совету мудрого лейрийского епископа, она решила стать монахиней. Вскоре Луция отправилась в Туи – старый испанский город на правом берегу Миньо – где и стала послушницей в обители, открытой в 1910 году португальским отделением Института Благословенной Паулы Фрассинетти в результате религиозных гонений в Португалии.

Став послушницей, девочка приняла имя Марии Луции даш Дореш – что означает Мария Луция от Скорбящей Божией Матери – и стала вести скромный образ жизни служительницы Бога.

Третьего октября 1928 года она дала начальные обеты, а третьего октября 1934 года – вечные.

Когда в Испании разразилась революция, сестра Мария вернулась в Португалию, где ее направили в Коллегию в Сардан (Порту). Позже, благодаря непосредственному воздействию Пия XII и чувствуя большее, чем когда-либо, стремление к жизни в созерцании и жертве, она вступила в кармелитскую общину в Коимбре, где 13 мая 1948 года приняла постриг, а 31 мая 1949 года дала вечные обеты, приняв имя сестры Марии Непорочного Сердца.

При этом Божия Матерь по-прежнему сопутствовала ей, осыпая все новыми милостями.²⁴

Однако, если правда то, что Божия Матерь, столь быстро забрав на небо друзей Луции, ее саму оставила в земной юдоли для прославления Своего Имени (а это именно так), то можно сказать, что в своем монастырском заточении Луция стала – как и пожелал Господь – вестницей грядущего спасения.

Луцию очень точно называли драгоценным сосудом, где хранится сокровище, которое небеса постепенно нам открывают.

Если бы не она, мир не узнал бы о чуде, произошедшем в душах Гиацинты и Франсиско, о благодати, снизошедшей на них. Мир бы не славил добровольной искупительной жертвы двух пастушков.

---

²⁴ См. А. *De Figueiredo, Fatima*, изд. 7, Лиссабон 1972.

Но помимо этого Бог открыл Луции свою сокровенную тайну.

В ночь с 24 на 25 января 1938 года фантастическое сияние озарило небо над Португалией. Луция увидела в этом „знак Божий“, предзнаменование, поскольку была убеждена в том, что вскоре разразится самая страшная и губительная война, делала все возможное для исполнения своей миссии, а именно, призывала людей больше не оскорблять Бога и постараться избежать наказания.

По повелению неба Луция открыла людям ужасающую картину грядущего ада.

Но и это не помогло. Видимо, пора Милости должна была смениться порой Кары, которую „мир заслужил своими злодеяниями“. Человечество ожидали страшные времена...

Но часть (возможно, не менее важная) того, что Божия Матерь открыла своей избраннице, и до сих пор остается тайной.

Бессильная ярость

Как мы уже видели, с момента первого чудесного явления Кова-да-Ирия стала местом паломничества христиан. Паломники приходили сюда поодиночке и группами (особенно много их было в праздничные дни, а также тринадцатого числа каждого месяца), чтобы молиться, петь, просить Божией Матерью о милосердии, о благодеяниях и благодарить за те добрые дела, что Она уже совершила.

Вскоре на месте явлений Божией Матери из камней сложили полукруг, а впоследствии (в 1919 году) энтузиасты воздвигли там скромную часовенку.

Почти во всех местах, освященных пребыванием Божией Матери, вначале появлялось нечто подобное, а уже потом строились великолепные храмы.

Вера и религиозность растут, подобно горчичному зерну, и, произрастая, нуждаются в защите.

Вера в Фатимскую Божию Матерь, а также в Ее силу необычайно быстро распространилась по всей Португалии. „Маленький росток постепенно становился огромным деревом“, и если принять во внимание тот факт, что в низших и высших политических сферах в то время дул „совсем иной ветер“, то становятся понятными попытки это дерево повалить. Арест и заключение детей в тюрьму в августе 1917 года уже говорили о многом.

Другая акция была предпринята масонами, с разрешения властей организовавшими митинг протеста против „происков клерикалов“. Митинг, проводившийся в Фатиме 19 августа (в тот самый день, когда Божия Матерь явилась детям в долине), закончился полным провалом.

Когда стало ясно, что народ относится к чудесным явлениям Божией Матери серьезно, что вера в них укрепляется, антиклерикализм попросту потерял почву под ногами и, не в силах повалить дерево людской набожности, решил выместить свою злобу на священном дубке, надеясь,

что как только упадет маленькое деревце, следом за ним рухнет и большое.

Однажды ночью банда злоумышленников отправилась в Кова-да-Ирию, кирками разрушила каменную стену часовни, забрала священные предметы, собранные христианами, и вырвала с корнем „проклятый“ дуб. Впрочем, бандитам лишь показалось, что они вырвали именно его – второпях они перепутали деревья.

Потом около „славных руин“, потрясая своим главным трофеем, они исполнили дьявольский танец.

В ту же ночь различными тайными обществами в Сантаре-не была организована кошунственная Иародия на церковное шествие с непристойностями и богохульствами.

Но все это были еще цветочки.

Духовенство Фатимы, обвиняемое в поддержке и поощрении легковерного народа, подверглось жестоким преследованиям. Настоятелям приходов было запрещено не только организовывать наломничества, но и оказывать им содействие. Христиане не могли больше приходить в Кова-да-Ирию.

Один юноша из города Торреш-Новаш, недавно обратившийся к христианству, заказал фигуру Божией Матери, в точности соответствующую описаниям очевидцев, и захотел поместить ее в часовне.

Появление фигуры было встречено христианами с большим энтузиазмом. Зато среди антиклерикалов она вызвала крайнее недовольство, и им удалось добиться вмешательства бургомистра, который запретил ввозить изображение в Фатиму. В результате, желая, чтобы (вопреки своему запрету бургомистра) фигура все-таки попала в часовню, заказчик был вынужден спрятать ее в повозке между сельскохозяйственными орудиями.

Правительство, также обеспокоенное развитием событий, отдало распоряжение, по которому бургомистры пограничных округов должны были задерживать все машины и повозки, направляющиеся в Фатиму. Распоряжение было выполнено. Кова-да-Ирию окружили отряды кавалерии и части республиканской пехоты, которые никого не пропускали.

Паломники останавливались, выходили из своих пово-

зок, готовые добраться до места пешком, и преодолевали (где – штурмом, а где – мирно) кордоны, делая бесполезной демонстрацию силы со стороны властей.

Антиклерикалам не удалось достичь своей цели. Тогда они решили прибегнуть к радикальным мерам.

Ночью 6 марта 1922 года мирно спавшие жители Алжуштрела и окрестных сел проснулись от громких взрывов. Утром выяснилось, что в Кова-да-Ирии взорвались четыре бомбы и часовня Божией Матери взлетела на воздух.

В действительности бомб было пять, но пятая, размещенная у самых корней дубка, на котором являлась Пресвятая Дева, не взорвалась. Фигура Божией Матери также не пострадала, поскольку одна набожная женщина на всякий случай забирала ее каждый вечер домой.

В это же время в печати была развязана бурная кампания, в ходе которой даже утверждалось, что троих пастушков кто-то хорошо подготовил к разыгранной ими комедии, а в подходящий момент – убрал, чтобы они случайно не проболтались.

Однако все эти действия (в особенности, уже описанные кощунства) имели последствия, прямо противоположные тем целям, которые преследовали.

Дубок оставался нетронутым и напоминал о том, что Божия Матерь, хотя и прощала заблудшим (ибо они не ведали, что творили), тем не менее не хотела, чтобы их ярость погубила деревце, на которое опирались Ее безгрешные ступни.

Несмотря на все угрозы 13 марта 1922 года десять тысяч человек совершили искупительное паломничество в Кова-да-Ирию, чтобы помолиться у руин часовни и восстановить ее. На следующий год 13 мая, вопреки отдельным требованиям антиклерикалов сдержатъ „разгул реакционных сил“, более шестидесяти тысяч человек, прибывших со всех концов Португалии, собрались в Кова-да-Ирии.

Это событие было достойным свидетельством твердости веры, которая жила в этих людях, их искуплением грехов перед Пресвятой Девой Марией.

И хотя оно не утихомирило антирелигиозные круги, тем

не менее паломничество продемонстрировало, каким духом было проникнуто общество, показало, что его нельзя ни утратить, ни подавить.

В этой обстановке церковные власти сделали свои выводы.

Хорошо известно, что Церковь всегда поступает чрезвычайно осмотрительно, особенно в тех случаях, когда речь идет о ее репутации. Лишь основательно разобравшись в каждом деле, она принимает ответственные решения.

Именно поэтому пастушки уже после первого чудесного явления были подвергнуты подробным расспросам со стороны лиц духовного звания. Таким образом, за событиями в Кова-да-Ирии непрерывно и пристально следили, но в первое время (осторожность – прежде всего!) духовенство категорически не хотело вмешиваться в эту историю.

Однако теперь, когда двое детей умерли такой праведной смертью, когда свидетельства о них были детально и всесторонне изучены, а вера людей в чудесные явления становилась все более крепкой, Церковь решила, что пробил час, когда ей необходимо принять участие в развитии событий и сказать свое веское слово.

По логике вещей первый шаг был сделан Его Высокопреосвященством Жозе Коррея да Силва, епископом лейрийской епархии, который – пока еще неофициально – выразил намерение приобрести Кова-да-Ирию и реализовать в ней созревшие в его воображении планы.

Вскоре в долине начались первые работы. Решено было соорудить бассейн для дождевой воды, чтобы паломники могли утолять жажду. При первых же ударах кирки из пустынной земли, никогда не дававшей окрестным жителям ни капли воды, заструился источник, а следом за ним – немного поодаль – другой.

Они были названы источниками Божией Матери.

В 1921 году епископ согласился на отслужение в долине Святой Мессы на открытом воздухе для удобства паломников, которым до этого приходилось ходить на службу в фатимскую церковь.

13 мая 1922 года (в годовщину первого явления) было открыто каноническое обсуждение фатимских событий, а

13 октября того же года (в годовщину последнего явления) вышел первый номер ежемесячника „Голос Фатимы“ в количестве трех тысяч экземпляров. В 1975 году тираж этого издания превысил 500 тысяч экземпляров, и ныне оно выходит на четырех языках.

В 1927 году тот же лейрийский епископ вместе с многочисленными паломниками торжественно открыл 14 остановок Крестного Пути, представляющих собой 14 больших каменных крестов, воздвигнутых на пожертвования христиан из окрестных приходов и расположенных на трехкилометровом участке дороги.

Одновременно велись напряженные работы по строительству больницы, молельни, часовни (где можно было бы как принимать исповедь, так и слушать св. Литургию), а также большой базилики.

13 октября 1930 года закончила работу Комиссия, занимавшаяся вопросом фатимских событий. Торжественно оглашенное решение Комиссии звучало так: „Явления, происходившие в Кова-да-Ирии достоверны, а следовательно, почитание Фатимской Божией Матери признается законным.“

Документ был зачитан в самой Кова-да-Ирии в присутствии 100 тысяч христиан, которые устроили бурные овации и спели благодарственный гимн.

Еще одну победу Божией Матери над „врагами“ следовало отпраздновать, и 13 марта следующего года в Кова-да-Ирию со всех концов Португалии прибыло более трехсот тысяч паломников, возглавляемых епископами и самим кардиналом-патриархом.

Те, кто при этом присутствовали, говорят, что трудно себе вообразить нечто более впечатляющее и грандиозное.

Тринадцатого мая 1931 года португальские епископы, очень обеспокоенные активизацией кругов, стремившихся разжечь революцию (которая могла превратить Пиренейский полуостров в подобие советской России), торжественно посвятили Португалию Непорочному Сердцу Марии. В 1936 году те же самые епископы, собравшись в часовне в Кова-да-Ирии, дали обет вернуться к ней с многочисленны-

ми паломниками со всей страны и пообещали, что, если Божия Матерь сохранит избранную Ею землю от страшных бедствий, они повторят посвящение всей Португалии Ее Непорочному Сердцу.

То, что произошло потом, всем известно. Соседняя Испания была залита кровью, законы в ней были попорчены, церковь уничтожена, священники и монахи подверглись жестокому преследованию, многие из них были замучены и убиты, с ними обращались, как со зверями.

А в Португалии, несмотря ни на что – порядок, мир, благополучие... Небесная Покровительница оправдала надежды народа.

Тринадцатого мая 1938 года почти каждый португалец, взяв в руки посох пилигрима, отправился в Кова-да-Ирию, чтобы преклонить колени перед Фатимской Царицей Небес.

Двадцать архиепископов и епископов, тысяча священников, полмиллиона христиан посвятили себя и свою родину Непорочному Сердцу Марии. Одновременно во всех приходах тысячи христиан, соединившись душою с паломниками, в пышных храмах и в скромных сельских церквушках благодарили Божию Матерь и выражали Ей свою преданность.

По этому случаю португальский Епископат направил Святому Отцу Пию XI письмо, в котором содержалась просьба посвятить Церковь и весь мир Деве Марии. Вот как оно звучало:

Святой Отец! Кардинал-патриарх Лиссабона, а также все архиепископы и епископы Португалии, собрались в Святилище в Фатиме, чтобы припасть к стопам Пресвятой Девы Марии и повторить уже совершенное прежде посвящение Ее Непорочному Сердцу в знак благодарности за спасение Португалии (особенно это касается двух последних лет) от коммунизма. Переполненные радостью по случаю совершенного Божией Матерью благодеяния, мы смиренно припадаем к стопам Вашего Святейшества и просим, чтобы – в том случае, если Ваше Святейшество сочтет необходимым – весь мир был посвящен тому же

Пречистому Сердцу и таким образом избавился от множества бедствий, которые ему со всех сторон угрожают, и чтобы в Царстве Христовом благодаря заступничеству Божией Матери воцарился блаженный покой.

Далее следовали фамилии всех иерархов.²⁵

Наконец в 1942 году, когда праздновалась двадцать пятая годовщина чудесных явлений, весь цвет португальского народа, руководимый правительством, устроил посвященное Фатимской Божией Матери торжество, затмившее все предыдущие и занимающее по сей день особое место среди всех празднеств в мире, посвященных Пресвятой Деве Марии.

Дьявольский план, по которому надлежало уничтожить саму память о Пречистой Деве, потерпел крах. Португалия была торжественно посвящена Непорочному Сердцу Марии, возникла Национальная Лига Скромности, в которую вступили десятки тысяч сестер, решено было пожертвовать Божией Матери драгоценную корону в качестве свидетельства благодарности всех португальских женщин Пресвятой Деве за то, что Она посетила их землю.

---

²⁵ См. *Documentos de Fatima*, с. 523.

Фатима и Святой Отец

Тринадцатого мая 1917 года, когда в Кова-да-Ирии трое невинных пастушков из Алжуштрела впервые увидели, как Божия Мать сошла с неба, чтобы вдохновить их на жертвы и на умерщвление ради искупления множества грехов, оскорбляющих Господа, в Риме, в полной строгого величия Сикстинской Капелле Бенедикт XV совершал торжественный обряд посвящения в епископы ученого прелата Эудженио Пачели, которого он хотел сделать своим полномочным представителем и послать его, словно ангела-утешителя, взлетающего на крыльях милосердия Римской Церкви, к одному из народов, наиболее страдавших в бушевавшей в то время войне.

В этот исторический час никому не известная Фатима и вечный Рим дышали одним воздухом. В Фатиме Бог учил и наставлял устами Божией Матери, а в Риме через Духа-Утешителя указывал своей возлюбленной Церкви новое предназначение, избирая „ангельского пастыря“ на время страшной войны.

Однажды Бенедикт XV с горечью в голосе воскликнул: „Люди перестали нас слушать. Мы больше не будем обращаться к людям – станем говорить для Бога. Он нас услышит“.

По прошествии времени становится ясно, что эти слова и события в Фатиме тесно связаны между собой. Божия Мать пришла, чтобы ответить на многие вопросы, а потом передать то, что должен был услышать и воплотить в своей жизни – согласно воле Господней – весь мир.

Предназначение нового, посвященного в то утро епископа заключалось в том, чтобы достойно принять Божественное поручение своим великодушным сердцем, проникнуться им и передать его людям доброй воли.

Гиацинта видела Папу Римского в огромном доме, стоящего на коленях, молящегося и плачущего, закрыв лицо

руками, в то время как снаружи толпа людей бросала камни и выкрикивала слова проклятий.

Это был он – избранный.

Видела она его и в церкви, молящегося Непорочному Сердцу Марии, в то время как снаружи на дорогах и тропинках теснились голодающие.²⁸

Это был он!

Возможно, все это было необходимо для того, чтобы люди его наконец услышали.

Наступил день, когда прославленная Фатима и вся обновленная Португалия праздновали первый юбилей своей Божией Матери, совпадающий с двадцатипятилетним юбилеем торжественного посвящения Пачелли в епископский сан.

Совпадение это не было случайным. Фатима и Рим должны были – теперь это стало необходимым – дышать одним воздухом.

Пришел тот час, когда Святой Отец, тщетно просивший опомниться людей, живущих в слепом, опустошающем упрямстве и страдающих из-за этого упрямства, отправил из Рима – надеясь, что хотя бы это сможет помочь – послание Фатимской Божией Матери к христианам.

Тридцать первого октября 1942 года, в день закрытия юбилейных торжеств, Пий XII передал по радио из Кастель Гандольфо воззвание к христианам Португалии и всего мира, в котором соединился „всею душевной любовью со своими сынами, чтобы почтить Пресвятую Деву в знак благодарности за совершенное Ею благодеяние” и попросил прочесть „доверительную молитву”, чтобы Божия Матерь по-прежнему осуществляла Опекун над Португалией и над всем миром”.

Затем Папа с необычайным вдохновением – и следуя пожеланию Божией Матери – продолжил: „чтобы в этот трагический момент человеческой истории вверить, предать, посвятить Непорочному Сердцу Марии не только Святую Церковь, которая повсюду страдает и истекает кровью, но также и весь мир”, в особенности, неверующих, вероотс-

---

²⁸ В III, В: *Documentos de Fatima*, с. 227-231.

тупников, раскольников (очевидно, он имел в виду Россию). Остается надеяться на то, „что любовь и заступничество Непорочного Сердца Марии приблизят победу Царства Божия, и весь мир, обретя покой и соединившись с Богом, вознесет благодарение Божией Матери и запоет вместе с Нею вечный Magnificat славы, любви, благодарности Сердцу Иисуса, поскольку лишь в Нем можно обрести Истину, Жизнь и Покой”.²⁷

Миллионы людей с трепетом внимали Святому Отцу, оглашавшему фатимское воззвание, миллионы людей знали, что еще в 1917 году в Кова-да-Ирии сама Божия Матерь потребовала посвящения рода человеческого Своему Непорочному Сердцу, как свидетельства раскаяния и искреннего желания людей, чтобы наказание им было хотя бы смягчено.

Пий XII, ангельский пастырь, получивший имя „Папы Римского Фатимской Божией Матери”, удостоился чести увидеть повторение солнечного чуда, произошедшего 13 октября 1917 года – возможно, в награду за посвящение мира, а может быть, в качестве подтверждения тесной связи между фатимскими явлениями и Римом как средоточием истинного христианства.

Это чудесное событие было пересказано самим Папой в личной записке кардиналу Е. Тедескини назначенному легатом на официальное завершение Юбилейного Года, которое происходило 13 октября 1951 года в фатимском храме.

Это случилось 30 октября 1950 года, за два дня до ожидаемого торжественного провозглашения догмата о воятии на Небеса Пресвятой Девы Марии. Около четырех часов дня я совершал обычную прогулку по ватиканскому саду, читая и изучая разные офи-

---

²⁷ „*Acta Apostolicae Sedis*” 34: 1942, с. 312–319. Пий XII впоследствии повторил посвящение мира Непорочному Сердцу Марии (это произошло 8 декабря в Ватиканской Базилике), а через два года, в мае 1948 года, в папском послании *Auspicia quaedam* пожелал, чтобы посвящение было повторено еще раз „не только в епархиях и приходах, но и в каждой семье отдельно”, „*Acta Apostolicae Sedis*” 40: 1948, с. 171. Наконец, в июле 1952 года в послании *Sacro Vergente anno* Папа еще раз – особым и совершенно неожиданным образом – посвятил Непорочному Сердцу Марии „народы России”

циальные документы. С площади Лурдской Божией Матери я пошел вверх по правой аллее, вдоль ограды. Когда, оторвавшись от своих бумаг, я поднял глаза, то увидел необычное явление. Солнце, находившееся еще высоко, было похоже на матовую, бледно-желтую сферу, опоясанную ярким кольцом, которое, однако, нисколько не мешало пристально смотреть в ее направлении. Солнце было окутано легким облачком. Матовая сфера плавно двигалась, то вращаясь, то перемещаясь справа налево и обратно. Однако внутри сферы – это было отчетливо видно – постоянно совершались какие-то интенсивные перемещения. То же самое явление повторилось и на следующий день, 31 октября, и 1 ноября, и еще раз – 8 ноября, на восьмой день прадника. Больше оно уже не повторялось. Много раз потом я пробовал в тот же час при похожей погоде и сходных условиях смотреть на солнце, чтобы увидеть нечто подобное, но все напрасно. Всякий раз я не мог и секунды смотреть на солнце – так оно ослепляло меня.

То есть, увиденное мною явление было действительно чудесным.

Кардинал-легат во время церемонии завершения Юбилейного Года, окруженный четырьмя кардиналами, сорока епископами и миллионом христиан, прибывших со всего света, рассказал о чудесном событии. „Разве это не Фатима, перенесшаяся в Ватикан? Разве это не Ватикан, преобразившийся в Фатиму?“ – спрашивал легат у бескрайнего моря поющих людей. И слова его продолжил звучащий любовью голос самого Наместника Христа:

– *Magnificat anima mea Dominum.**

Фатима пользовалась благосклонностью и у преемника Пия XII, Папы Иоанна XXIII.

Тринадцатого мая 1956 года кардинал Анжело Ронкалли, патриарх Венеции, совершил паломничество в Фатиму, где отслужил торжественную Мессу и прочитал проповедь, проникнутую духом розария.

---

* „Величит душа моя Господа“, (Лк. 1,46).

Став Папой Римским, он одобрил и благословил „Странствие чудес“ – такое название получил путь фатимской статуи Божией Матери по Италии в 1959 году. Папа обратился по радио с горячим воззванием ко всей Португалии по случаю открытия статуи Христа-Царя в Алмаде. Во время различных аудиенций он с воодушевлением говорил о своем посещении Фатимы и о почитании Сердца Марии. Наконец в апостольском постановлении *Miris modis* от 13 декабря 1962 года он провозгласил Пресвятую Деву из Фатимы главной попечительницей лейрийской епархии.

Именно Папа Иоанн в 1959 году узнал суть третьей части фатимской тайны, но не посчитал нужным огласить ее.

Павел VI (кардинал Джованни Батиста Монтини, который, будучи заместителем государственного секретаря, стоял 13 октября 1942 года рядом с Пием XII, когда тот читал по радио свое воззвание) в день своего возведения на престол вспомнил о „Пресвятой Деве Марии, почитаемой в Фатиме“ и послал в фатимский храм нагрудный крест своего предшественника, Папы Иоанна, который завещал этот крест Фатиме.

В то же время II Ватиканский Собор вошел в свою следующую фазу. Много Отцов Церкви подписало обращение к Папе с просьбой во время Собора посвятить Россию Непорочному Сердцу Марии. Это обращение 3 февраля 1964 года было представлено Павлу VI.

На Соборе одним из наиболее важных и спорных был вопрос о Деве Марии: речь шла о значении почитания Божией Матери, о Ее именах, в особенности, об имени „Мать Церкви“.

В конце третьей сессии Папа в заключительной речи объявил о своем намерении в том же году послать Золотую Розу в фатимский храм и повторил посвящение Сердцу Марии, прежде совершенное Пием XII.*

---

* В явлении 13 июля 1917 года Пресвятая Дева пообещала прийти, чтобы потребовать посвящения России Своему Непорочному Сердцу. Обещание это Она исполнила 13 июня 1929 года в часовне сестер Доротеи в Туе, где Луция услышала следующие слова: „Наступил момент, когда Бог хочет от Святого Отца совершения вместе со всеми епископами мира обряда посвящения России Моему Непорочному Сердцу“

В 1937–1942 годах Луция посылала в Рим различные прошения, и Пий XII 31

В мае следующего года Золотую Розу торжественно послали в фатимский храм, куда Павел VI совершил паломничество в пятидесятую годовщину чудесных явлений, как мы это увидим позднее.

октября 1942 года посвятил все человечество Непорочному Сердцу Марии, особенно выделив при этом Россию. Луция, узнав об этом, сказала, что очень этому рада, но отметила, что посвящение это „неполное“

Апостольское послание *Sacro vergente anno* от 7 февраля 1952 года посвятило Россию Сердцу Марии, но это посвящение было осуществлено „не всеми епископами мира“. Поэтому Луция вновь сокрушалась, „что посвящение совершилось не так, как этого хотела Божия Мать“. А посвящение, совершенное 21 ноября 1964 года Павлом VI, не касалось конкретно России.

Тем, кто спрашивает, совершилось ли посвящение России так, как этого хотела Божья Мать, можно ответить, что такое посвящение не совершено и по сей день.

Когда же оно произойдет? Это – тайна Бога, Он не желает, чтобы посвящение России уже осуществилось, „поскольку нынешняя ситуация требует того, чтобы Россия по-прежнему исполняла роль бича Божиего в мире, отдаляющего от Бога“ (J. Alonso в: „*Madre di Dio*“, май 1978).

Как бурный поток

Вполне естественно, что слова Первого Священника Католической Церкви в немалой степени содействовали распространению и усилению почитания Фатимской Божией Матери. Из года в год в Фатиму отправляется все больше паломников. Триста, четыреста тысяч голосов громко повторяют одну апострофу: „Дева, мы любим Тебя!”

Люди, прибывшие в Кова-да-Ирию, после суток (а то у двух) пути на самом различном транспорте (или пешком) не чувствуют ни голода, ни жажды, ни усталости. Они хотят лишь одного: прийти в часовню на место чудесных явлений, чтобы поклониться Божией Матери и исполнить свой обет.

Ни ночью, ни днем не прекращаются молитвы, песнопения, плач и славославия.

Так же, как и в Лурде, люди бодрствуют, „освещая ночь своим светом, льющим среди мира, погруженного во тьму греха”, воздают почести Пресвятой Деве, с факелами в руках участвуют в нескончаемых процессиях.

Сюда привозят калек, чтобы испросить для них милости. Здесь Иисус в Святых Дарах, двигаясь среди толпы, благословляет людей, в то время, как стоящий у микрофона хор поет прекрасные евхаристические песни:

Святые Ангелы и Архангелы,

Будьте рядом с нами!

Помогайте славословить

Божественную Евхаристию.

И огромная толпа со всеобъемлющим религиозным чувством отвечает:

Пусть живет Иисус в Святых Дарах,

Пусть живет Иисус, наш Господь,

Пусть живет Иисус, наша любовь!

Тридцатого мая 1967 года на фатимском холме было роздано более пятидесяти тысяч Причастий. Количество людей (больных и здоровых), жаждущих принять Тело Христово, поражало воображение.

Трудно описать и торжество, посвященное Пресвятой Деве Марии, происходившее в 12 часов того же дня, в тот благословенный час, когда Она являлась детям.

Фигуру Божией Матери вынесли из часовни и понесли к алтарю храма, где должны были отслужить св. Мессу для калек. Фигура с трудом находила путь в толпе среди теснящихся людей и развевающихся хоругвей.

Как только на изображение упали лучи ослепительно-го солнца, сразу же начался дождь из роз и осыпал ими фигуру и находившихся рядом с ней людей.

Это были розы, принесенные паломниками ради этого торжественного момента. Вся долина засверкала тысячами, десятками тысяч белых платков, которыми христиане приветствовали Марию.

Это было великолепное зрелище, подаренное Кова-да-Ирией.

Не всем удалось подойти к чудесному изображению, но их сердца, словно отряды ангелов, находились рядом с Божией Матерью.

Белые платки трепетали вокруг медленно двигавшейся процессии. В какой-то момент толпу охватил необычайный трепет (казалось, изображение наэлектризовало людей), и, не находя иного выхода для своей горячей любви – все зарыдали.

Плакали женщины и мужчины, священники и епископы – все, увидевшие в тот день Пресвятую Деву.

„Фатима – единственное в своем роде святое место“ – пишет один из свидетелей. „В мире существует лишь одна Фатима“

Мать Милосердия

Милости и чудеса совершались и впоследствии, и происходили они тем чаще, чем больше людей приходило в Фатиму, чтобы просить у Пресвятой Девы защиты.

В 1926 году в Фатиму прибыли (и зарегистрировались в Медицинском Бюро при храме) 965 человек, в 1948 году – 1599, а за первое полугодие 1950 года – уже более тысячи. Это означало, что вера в заступничество Фатимской Божией Матери не только не уменьшалась, но, напротив, постоянно росла. Именно поэтому после каждого паломничества кто-либо из больных выздоравливал, причем, зачастую это касалось тяжело больных людей, выздоровление которых – по мнению врачей – было возможно лишь при помощи чуда.

Вспомним, однако, что исцеления – материальные милости, и они не могут сравниться с подлинными духовными чудесами, совершающимися в Фатиме каждый год.

Не раз случалось так, что во время паломничества на глазах у всех неисправимый грешник обращался к пути истинному.

А о скольких чудесах смогли бы рассказать исповедальники!

Впрочем, у нас и так достаточно красноречивых фактов.

Однажды какой-то изящно одетый юноша подошел к лейрийскому епископу, который Святыми Дарами благословлял больных, упал на колени и попросил благословения.

– Я – духовный калека, – воскликнул он со слезами.

Получив благословение, он внезапно почувствовал себя исцеленным и вскричал:

– О, мне нужно было давно сюда прийти!

Один водитель, везший в Фатиму группу женщин, под-

шучивал над их фанатичной набожностью и хвастался тем, что он сам – человек передовой, без суеверий, и что ему плевать на разные религиозные торжества. Но оказавшись в Кова-да-Ирии и собственными глазами увидев, что там происходит, он – даже не отдавая себе в этом отчета – двинулся в сторону часовни.

Стоило ему взглянуть на чудесный образ, как он упал на колени и зарыдал. Его спросили:

– Вам плохо?

– Нет, – ответил он, – нет, я чувствую собственную низость.

Это была первая оказанная ему милость. Потом он исповедался и причастился. А впоследствии – изменил образ жизни и стал проповедником почитания Божией Матери.

Лиссабонский купец, отправившись в Фатиму ради любопытства, вернулся набожным христианином.

Один убежденный коммунист услышал рассказ своей знакомой о чуде, подаренном ей Божией Матерью, и решил съездить в Фатиму. Он был уверен, что его убеждения не смогут поколебаться, что чудеса организованы Церковью и рассчитаны на людей простых и доверчивых. В Фатиме он увидел огромную толпу, состоящую из самых разных людей. Он слушал, как они поют, видел священные обряды, наблюдал за людьми и наконец воскликнул:

– Нет, это совсем не обман! Это вовсе не суеверие! Это все истинно.

И жизнь его изменилась.

Один человек из Коимбры после долгих уговоров согласился сопровождать свою жену и сына в Фатиму, но поездку при этом воспринимал как экскурсию и собирался лишь посмотреть на фанатичных святош. Во время долгой и нелегкой дороги он выражал крайнее недовольство этой затеей, все время чертыхался, но едва он переступил порог храма, как сразу же потерял сознание и упал на землю. Что это было – Божья кара? Нет, всего лишь спасительное напоминание. Его отнесли в больницу, где он пришел в себя, а позже – и исповедался... Исповедалась также и его жена – после длительного перерыва. Исповедался и их сын (который прежде часто ссорился с отцом, а – что касается религиозных убеждений – над ними сын и отец потешались

вместе). Исповедалась вся семья и, вернувшись в Коимбру, стала крепкой и дружной, ибо получила благословение Бога.

Один неверующий человек, тяжело больной туберкулезом, но даже на пороге смерти не желавший обратиться ко Христу, однажды выпил немного воды Фатимской Божией Матери. А на следующий день он соединился с Богом и умер, исполненный такой глубокой веры, что это поразило всех, кто его видел в эти последние часы.

Из подобных историй могла бы получиться целая книга. Однако вполне хватает и этих, взятых наугад (из тысячи записанных или хранящихся в памяти людей) историй, чтобы удостоверить то, что утверждают авторитетные источники, а именно, что во всех своих делах Божия Мать проявляет Себя Миссионеркой.

Ныне Она находится не только среди народов Европы, но также и в самых отдаленных уголках планеты – и в Америке, и в Индии, и в Китае, и в России.

Странствующая Божия Матерь

В апреле 1942 года Божия Матерь из Фатимы „отправилась“ в Лиссабон, потому что организация португальских девушек-католичек захотела, чтобы Она руководила их конференцией.

Чудесная статуя выехала 7 апреля из Кова-да-Ирии на машине португальского Легиона. Стодевяностокilометровый путь стал триумфом Божией Матери. Все шоссе было покрыто ковром из цветов. Люди из придорожных сел – и даже из сел, расположенных в двадцати километрах от дороги – пришли, чтобы поклониться Божией Матери из Фатимы. Городские жители с церковными, государственными и армейскими властями во главе находились в напряженном ожидании. Все хотели приветствовать Пресвятую Деву, помолиться и спеть в Ее честь хвалебные песни.

В Лиссабоне, где странствующая святая появилась вечером 8 апреля, ощущалось сильное волнение. Жители города преклонились перед Пресвятой Девой. В новой, посвященной Фатимской Божией Матери церкви, где Она оставалась в течение четырех дней, к Ней пришли полмиллиона христиан.

А потом начались заседания Конгресса; незабываемые священные воззвания, провозглашенные одновременно в шестидесяти церквях; всенародное паломничество, очень удачно названное „героическим днем жертвы“; потрясающие манифестации детей в честь Божией Матери, Святого Отца и мира; повторение посвящения Португалии Непорочному Сердцу Марии; плебисцит по поводу предложения пожертвовать Ей золотую корону, вылившийся в демонстрацию огромной любви к Пресвятой Деве.

Первое странствие Фатимской Божией Матери прошло триумфально.

После своей коронации в 1946 году Пресвятая Дева Мария, завоевавшая к тому времени множество сердец, решила сама совершить путешествие и в качестве миссионерки. Божией отправилась странствовать по всему миру. Она стучала во все двери, входила в каждую семью.

В ноябре и декабре того же года Она посетила места, находящиеся в пределах юрисдикции лиссабонского патриарха. Повсюду ее появление вызывало огромную радость – Она раздавала множество духовных и материальных благ. В 1947 году Божия Матерь вновь оставила Кова-да-Ирию, чтобы отправиться в архиепископство Эвора, где Ее появления ждали двадцать тысяч человек во главе с архиепископом, и с помощью этой миссии завоевать для Христа области, расположенные к югу от Тежу.

„Но почему бы, – подумали молодые участники Католического Движения в Португалии, – Фатимской Божией Матери не сделать в Европе то, что Она совершила и совершает в Португалии“. И вскоре замысел паломничества в Европу приобрел реальные очертания.

Несмотря на все трудности (поначалу казавшиеся непреодолимыми) Европа постепенно открывала дорогу Царице Покоя.

„Счастливого пути, Фатимская Дева“

„Божия Матерь отправилась, – сообщил кардинал Серейра, патриарх Лиссабона, в проповеди по случаю освящения базилики в Кова-да-Ирии 7 октября 1953 года, – за пределы Португалии по дорогам всех континентов, чтобы обращать людей к своему Божественному Сыну. Вне сомнения, это одно из выдающихся событий нашей эпохи“

Так охарактеризовал паломничество Фатимской Белой Девы кардинал. Это было странствие, которое пролегло через земли всей планеты, посещение Царицей Мира своих подданных во всех уголках земли, наполнившее души людей идеей спасения. Это было мировое событие, названное Пием XII „странствием чудес по всему миру“

Посеянное зерно проросло в 1946 году, когда Белая Дева впервые оставила Кова-да-Ирию, чтобы под звуки тор-

жественных залпов по ковру из цветов отправиться в Лиссабон в сопровождении эскорта белых голубок, которые с тех пор таинственным образом сопровождали Ее повсюду.

Из Португалии Она выехала в мае 1948 года, чтобы посетить братский народ Испании. Трудно описать картину всеобщего ликования, охватившего собравшихся на площади Армерия в Мадриде людей, когда Странница появилась на улице Байлен. „Я отдал бы 25 лет своей миссии в епархии за эти девять дней – ведь они были поистине райскими“, – признался мадридский епископ.

Тринадцатого октября 1945 года один берлинский настоятель направил в Рим письмо с таким предложением: „Выдающимся событием могло бы стать паломничество Божией Матери из Фатимы в столицы и крупные города Европы вплоть до границ России“

В это время молодой бельгийский священник Демуте из Велена решил отправиться с группой скаутов к Фатиму, чтобы поставить в Кова-да-Ирии большой деревянный крест – символ страдания бельгийского народа в годы войны. Кроме того он хотел вернуться со статуей Фатимской Божией Матери и организовать Ее триумфальное шествие по Бельгии.

Замыслы эти постепенно воплощались в жизнь. Не только Европу, но и остальной мир должна была посетить Пресвятая Мария. Она была готова отправиться во все уголки планеты, чтобы услышать молитвы на всех языках, и приехать в Рим, чтобы встретиться со Святым Отцом.

Тринадцатого мая 1947 года статуя Божией Матери оставила Фатиму, чтобы благословить открытие Марианского конгресса в Маастрихте в Голландии и, таким образом, начать свое большое путешествие.

Накануне своего отъезда Демуте пришел к Луции и – с мыслью о паломничестве – попросил показать ему чудесную статую Божией Матери. Сестра Дореш не особенно интересовалась статуей (хотя она и была изготовлена согласно ее описанию) и посоветовала обратиться с этой просьбой к Да Силва, епископу Лейрии, который хранил изображение Девы Марии в своем дворце, сказав на прощание: „Божия Матерь дойдет до границ России, но нужно много

молиться, чтобы Она достигла самой Москвы. Когда образ этот обойдет всю Землю, его следует пожертвовать Святому Отцу”

Епископ Да Силва со свойственной ему добротой доверил статую Демуте. На следующий день в Кова-да-Ирии в присутствии толпы паломников ее благословили и короновали, после чего она отправилась в путь.

Епископ Жозе да Силва впоследствии признался: „Никто из нас не мог представить себе чудеса, которые начали происходить, как только статуя покинула Кова-да-Ирию”

Действительно, можно с уверенностью сказать, что странствие Фатимской Божией Матери по свету было одним большим чудом или же чередой различных чудес. Описать их здесь – даже вкратце – не представляется возможным.

Разве можно не считать „чудесной” притягательную силу, заставлявшую собираться доселе невиданные толпы вокруг Странствующей Пресвятой Девы? Происходило это несмотря на то, что паломничество вовсе не было рекламировано. Хватало одного слова священника – и целый район отправлялся чествовать Божию Матерь, молиться Царице Покоя. Вначале все были изумлены столпами или двухсоттысячными толпами, собиравшимися вокруг Нее в Испании. Но уже в следующем году во время открытия крупного Марианского Конгресса в Мадриде собралась миллионная толпа, а в торжественной Мессе по случаю его закрытия участвовало 800 тысяч человек.

Повсюду – в Африке, в Индии, в Америке – к Божией Матери стекалось море людей и разбивало свои волны у Ее Святого Образа.

По всей видимости, в истории Церкви не происходило еще ничего подобного. И разве притягательная сила этой статуи не являлась особенной милостью Царицы Небес? И Божия Матерь подтверждала свою милость множеством иных чудес, среди которых, безусловно, не последнее место занимает символический эскорт голубей, таинственным образом сопровождавший странствующую белую статую. Согласно разным источникам, помимо Португалии, чудеса

Божия Матерь совершала еще более чем в пятидесяти разных странах, всякий раз при новых, неожиданных, поразивших толпу обстоятельствах.

Сердечные приветствия

На дорогах мира Божию Матерь приветствовали не только католики. Огромные толпы людей стремились навстречу „Прекрасной Страннице“. Католики шли рядом с протестантами, христиане – с неверующими. Неодолимая, чудесная сила завоевывала сердца.

Мусульман из Африки и Азии, протестантов из Европы, язычников из Океании и Полинезии буквально очаровала „Великая Мать“, столь притягательная в своей миссии мира.

Во многих странах Азии, Африки и Океании губернаторы и бургомистры, язычники и протестанты не только давали разрешение на процессии, но направляли к Божией Матери молитвы своих подданных.

В Патне губернатор провинции (несмотря на то, что был брамином), придя в церковь, долго молился перед образом Божией Матери.

В одном из городов Индии, где очень мало католиков, люди сотнями, тысячами чествовали Деву. На Цейлоне, в Коломбо, в Мессе, проводившейся на городском стадионе, принимало участие полмиллиона человек, после чего бургомистр – будучи буддистом – горячо стал восхвалять „прекрасную Марию“

А что сказать о том мусульманине, который, желая во что бы то ни стало исповедаться, но не имевший права быть допущенным к этому таинству, начал каяться прямо перед образом „дорогой Матери“?

Во всей Южной Африке, где, как известно, существует строгое деление по расовому признаку, впервые можно было увидеть, как в церквях и в домах белые соседствовали с черными, метисы – с индусами, католики – с англиканами, магометане – с язычниками. Впервые там были смешаны все расы и вероисповедания.

В Умтате представители англиканской церкви пришли

к епископу с просьбой, чтобы статуя вместе с теми, кто ее сопровождал, задержалась в их соборе. Естественно, выполнить подобную просьбу было невозможно. Однако англикане добились того, что процессия прошла рядом с их собором, и, когда фигура Божией Матери поравнялась с ним, двери собора отворились и протестанты с зажженными факелами присоединились к процессии.

В Аддис-Абебе никто не ожидал приезда Пресвятой Девы. Казалось, не следовало туда ехать... Однако едва распространилось известие о Ее приезде, отовсюду сбежались эфиопские христиане и, собравшись около „Девы Запада“, устроили Ей овации. Негус* пригласил паломнический Комитет в императорский дворец и произнес: „Эфиопия любит Деву. Я вам очень благодарен за то, что вы привезли к нам Фатимскую Божию Матерь. Я очень рад, что мой народ может достойно Ее встретить. Пресвятая Дева дарит нам мир, а Эфиопия больше других народов мечтает о мире“. И он подарил Белой Деве сердце из чистого золота.

Так Божия Матерь завоевывала сердца.

В Новом Свете Она вначале посетила Канаду, а оттуда отправилась в США. В Буффало всего несколько десятков тысяч католиков, но встречало Пресвятую Деву по меньшей мере двести тысяч человек („самое многочисленное собрание в истории города“ – так было написано в полицейском рапорте).

В Плейнфилде (штат Нью-Йорк) евангелистский пастор попросил своих прихожан поклониться святой Страннице. В местечке Флора всего лишь двести католиков, но владелец местной газеты, протестант, повелел возвести перед зданием издательства алтарь и огласить перед ним Фатимское Воззвание.

Желая удовлетворить интересы американцев, журнал „Life“, имеющий восьмимиллионный тираж, послал своего специального корреспондента в Фатиму и опубликовал 3 января 1949 года подробную статью для протестантских читателей и богатую подборку фотографий. Все хорошо знали об удивительном обращении ко Христу владелицы „Life“, Клары Бут-Льюс, в прошлом – посла США в Риме.

---

* Титул императора в Эфиопии (прим. пер.)

Таинственное влечение отлученных братьев во Христе к Фатимской Божией Матери еще не означало их обращения к единой Церкви Христовой, однако, их интерес был направлен именно к ней, к истинной Церкви. И разве мог не радовать тот факт, что с таким естественным единодушием истинные и заблуждавшиеся христиане поклонялись общей Матери?

Как верно заметил Демуте – неизменный спутник Божией Матери: „Протестанты, мусульмане, индуисты соединялись с нами, чтобы молить Бога об обращении России ко Христу и о мире на планете, хотя это вовсе не означало, что они обратились в католицизм. Но через Марию люди всегда приходят ко Христу. Всякий раз Она делала посланцами мира тех, кто шел по свету за Ее чудесным образом – столь притягательным для людей”

Благословен тот, кто никогда не устает идти.

Поклонение мусульман

Появившаяся в местечке, носившем арабское название, и снискавшая известность и почитание именно под именем Божией Матери из Фатимы, Мария, вероятно, желала впоследствии привлечь к Себе внимание мусульманских народов.

Думается, Ей удалось это сделать, поскольку прием, устроенный Странствующей Божией Матери мусульманами, стал одним из самых больших сюрпризов в истории Фатимы. Епископ Фултон Шин, известный представитель американского телевидения, во время Конгресса в Лиссабоне в октябре 1951 года сказал, что Пресвятая Дева явилась в Фатиме не только для обращения России, но также и для обращения пятидесяти миллионов мусульман.

Еще в Африке, в первый период паломничества Божией Матери было замечено, что особенное влияние Она оказывает на последователей Корана. От испанского Марокко и до Каира Белая Дева стала предметом их поклонения. Больные мусульмане просили о разрешении участвовать в процессиях, посвященных Божией Матери. Люди из сел, где не было миссионеров, спешили выучить христианские

песни. В одном из городов – почти целиком мусульманском – все жители участвовали в торжествах, а перед освещенными мечетями были воздвигнуты триумфальные арки.

В Занзибаре (где на двадцать пять мечетей лишь одна церковь) к приезду Девы была устроена иллюминация, а окна домов были празднично украшены. Апостольский викарий, сопровождавший Деву, воскликнул: „Это превзошло все наши ожидания. Я благодарен Богу, Который позволил мне увидеть все это!“

В Мозамбике мусульмане с необычайным восторгом встретили Божию Матерь, и многие из них обратились. А разве не трогательным было приветственное послание одной из мусульманских общин? Ее представители встали на пути триумфального шествия, попросили показать им чудесную статую и, получив на это разрешение, прочитали послание, полное глубокого почтения к святой Марии.

Следующей страной была Индия. В официальном сообщении сказано: „Прибытие Божией Матери в Индию будет выбито золотыми буквами в истории страны“ Все очевидцы утверждали, что подобного им еще не приходилось видеть. Обращения; набожность прежде равнодушных христиан; непрерывно совершавшиеся святыя таинства; толпы людей, молящихся со скрещенными на груди руками.

Один из епископов-миссионеров прокомментировал эти события таким образом: „То, чего не удавалось добиться Сыну в течение многих веков, Его Мать совершила за несколько дней“

В Пакистане огромная толпа мусульман соперничала с католиками в восхвалении Пресвятой Девы. Они устраивали в городах иллюминации, украшали дома и улицы. В Патне статую Пресвятой Девы поместили на слона, за которым следовали еще три, трубными звуками многократно приветствовавшие собравшихся.

На Цейлоне, жемчужине Индийского океана, Пресвятая Дева завоевала сердца сингалцев. Где бы ни появлялась Белая Странница, всюду Ей был уготован триумф.

В больших городах встреча, как правило, носила официальный характер. Букеты цветов, а иногда небольшие золотые четки Деве приподносили бургомистр и члены городского совета (хотя чаще всего они не были католиками).

С момента прибытия чудесной статуи в Коломбо был хорошо заметен большой интерес к ней со стороны некатоликов... Впоследствии интерес этот возрастал, пока не превратился в безудержный восторг. Иногда создавалось впечатление, что Цейлон каким-то чудом стал католическим – настолько активное участие в торжествах принимали буддисты, индуисты и магометане.

Церемония прощания с Небесной Гостьей по желанию самих буддистов проходила на огромном ипподроме в Коломбо. Бургомистр (некатолик) преподнес букет цветов и зачитал обращение к Божией Матери, после чего преклонил перед статуей колени. Архиепископ благословил коленопреклоненных людей тем изображением, которое стало уже символом высокой милости. И в ответ к небу вознесся приветственный возглас: „Ave Maria...”

Великое обращение

От Европы до Африки, от Германии до Америки, всюду, где появлялось изображение Божией Матери, прозвучало Фатимское Воззвание. Евангельская идея, положенная в основу Фатимского Воззвания, проникала в сердца людей, в их умы.

Непреходящие дела, направленные на развитие духовной жизни различных стран, начали совершаться повсюду. Божия Матерь ушла, но Она оставила ощутимые, живые следы Своего пребывания.

Во время религиозных праздников повсеместно стали освящать города, нации, народы – часто устами губернаторов либо других представителей власти. Христианская деятельность набирала силу. Некоторые епархии буквально преобразились. Многие миссии приобрели невиданный размах.

После странствия Божией Матери в разных местах возникли молитвенные (или покаянные) группы, желавшие сохранить в своей жизни дух Ее пребывания.

В Северной Америке были предприняты такие инициативы:

- ежедневный розарий, читаемый по радио архиепископом Монреалья кардиналом Лежером, которого слушала миллионная аудитория;

- час розария, организованный отцом Пейтоном при бескорыстном участии голливудских актеров, который транслировался каждую пятницу большинством североамериканских радиостанций;

- Общество Искупления, заложенное монахом-иезуитом отцом Райаном из Балтимора, города, где выходит небольшая газета „Fatima Findings”;

- общество под названием „Голубая Армия” заложенное епископом Колганом и директором Вашингтонского Института Ave Maria Джоном Хаффертом. Главной целью этого общества была организация молитвенного и покаянного движения за обращение России. Оно получило известность в Италии благодаря пропаганде, ведущейся через издаваемый в Падуе ежемесячный журнал „Luce di Fatima”. Французское отделение Голубой Армии 8 декабря 1952 года организовало в Париже крупный конгресс, во время которого белая голубка на несколько минут опустилась на голову бывшего шотландского коммуниста и революционера, а впоследствии – апостола Божией Матери Ганиша Фрезера, словно хотела заранее одобрить превосходный доклад, который он прочел.

И разве не Фатимское Воззвание – во всяком случае, в немалой степени – повлияло на то, что только в США ежегодно в лоно Католической Церкви приходят более ста тысяч протестантов, коммунистов и безбожников?

Главный инициатор этих обращений и „друг Божией Матери” епископ Фултон Шин, об успехе которого на американском радио и телевидении уже говорилось, на Всемирном Конгрессе Мира в Лиссабоне (в октябре 1951 года) заявил, что успеха этого он достиг благодаря Фатимскому Возванию, которое часто упоминал в своих выступлениях и проповедях.

Португальским епископам, в 1946 году заявившим, что Фатимская Божия Мать завоевала мир, епископы всего света могли бы дружно ответить: „Да, это так, Фатимская Божия Мать завоевала весь мир”.²⁸

Второе всемирное странствие

В 1977 году по случаю шестидесятой годовщины чудесных явлений Международное Движение Марии из Фатимы предложило епископам крупнейших столиц мира организовать второе странствие Фатимской Божией Матери в один из тревожных моментов истории человечества. Причем не устраивать никаких чествований, никаких ритуалов, никаких многолюдных соборщ. Только молитвенные и евхаристические встречи и покаянные богослужения. Покаяние и искупление в духе Божией Матери и в соответствии с Ее пожеланиями.

Странствие началось 7 апреля 1978 года в Нью-Йорке и прошло через разные регионы Тихого океана (Япония, Корея, Тайвань, Сингапур, Индия, Ближний Восток, Иерусалим, Каир). Вечером 30 апреля статуя Божией Матери на вертолете прибыла в Рим и приземлилась рядом с Термами Каракаллы, где ее радостно приветствовали жители Рима. Оттуда огромная толпа в покаянном шествии двинулась в сторону храма Божественной Любви (Divin Amore), где 1 мая было установлено святое изображение Божией Матери и куда непрерывно стекались паломники. Второго мая статую перенесли в базилику святого Иоанна (на Латеране), где съехавшиеся со всей страны паломники и христианские группы (в которых были и дети, и больные) совершили посвящение всей Италии Деве Марии.

Четвертого мая Странница направилась в другие европейские города – в том числе, в Варшаву, расположенную совсем неподалеку от земли „призванного Фатимской Пресвятой Девой народа”, а также в Берлин, Париж и Лурд. Тринадцатого мая Она вернулась в Фатиму.

---

²⁸ E. Fornasari, *Ritorna, Nostra Signora di Fatima*, „Orizzonti” 1957 (Рим).

Ее второе посещение мира было столь же кратким, как и некогда приход Марии к Елизавете. Так же, как и тогда, Она несла милость, свет и жизнь.

А мы? Чем мы ответим на приход к нам Марии? Одна португальская служительница Божия, умершая в 1955 году, Александра М. да Коста, которая способствовала посвящению мира Непорочному Сердцу, однажды сказала: „Мы охватим мир молитвами, милостями, чтением розария и смоем его грехи драгоценной Кровью Христа через Искупительное Причастие, чтобы не вспыхивали на планете войны и не заливали ее реки людских слез и крови”.

Пятидесятая годовщина явлений

Празднование пятидесятой годовщины явлений Фатимской Божией Матери достигло своего апогея к моменту приезда в Португалию Папы Римского Павла VI. Впервые Папа ступил на португальскую землю, и произошло это в Фатиме. Это была также первая европейская поездка Папы после получения им церковной власти и четвертое паломничество Павла VI за границу после поездки на Святую Землю, в Индию и Нью-Йорк. Тринадцатое мая 1967 года можно без сомнения назвать историческим днем для Португалии, Церкви, для почитания Божией Матери и для всего мира.

Торжественная Лигургия, которую отслужил Павел VI около фатимского храма, и хоральные ответы христиан; проповедь, прочитанная по-португальски Святейшим Отцом; Бесконечное множество причастившихся у двадцати четырех епископов (не говоря уже о ста тысячах человек, получивших Причастие несколькими часами ранее из рук восьмидесяти священников, осуществлявших это таинство под проливным дождем); около двух миллионов паломников, столпившихся перед церковью и не обращавших внимание на сильный ветер и ливень (вспоминается смерч в день Сошествия Святого Духа, а тогда был канун этого праздника); теплые встречи Папы с португальцами на аэродроме Монте-Реал, в Лейрии, в Батальи и на усыпанных цветами дорогах; свежее выкрашенные дома; люди, размахивающие белыми платками, флагами и зонтиками; дождь из самых разных цветов; звон колоколов; набожные чувства португальцев, стоявших на коленях под дождем, с кое-как прикрытыми головами, их простая еда. Последние сотни метров до фатимского храма, преодолевавшиеся босиком либо на коленях, в посте и молитве. Короткий, взволнованный разговор с Луцией душ Сантуш, ставшей сестрой

Марией Непорочного Сердца в кармелитском монастыре в Коимбре, и „представление“ Папой Римским волнующейся Луции толпе с трибуны почетных гостей; папское благословение больных, лежащих на носилках и повозках. Святой Отец сказал: „Вы, больные и плачущие, помните, что Христос призвал вас, чтобы вы соучаствовали в Его Искупительной Жертве и утешились“ Триумфальное шествие со статуей Божией Матери (над которой летали неперенные голубки) от трибуны до часовни, находившейся на месте первого явления Белой Девы пастушкам. Встреча Папы с представителями некаатолических христианских Церквей, которые Павел VI в своей проповеди назвал „нашими братьями во Христе, с которыми мы надеемся обрести полное единение, угодное Господу“ Таковы наиболее впечатляющие эпизоды событий, про которые сам Павел VI, вернувшись в Рим после одиннадцати часов пребывания на португальской земле, сказал: „Чудесное зрелище... Удивительная, прекрасная картина,“ – причем сказал это он римлянам, до самой ночи с факелами ожидавшим его на площади святого Петра.

Несомый охваченной энтузиазмом толпой, Папа придерживал свой красный плащ (чтобы тот не касался земли), чувствовал прикосновения тех, кто с особой горячностью теснились вокруг него, пока наконец охранники едва ли не вынесли его из толпы.

О праздновании пятидесятилетия явления Божией Матери Папа сказал словами, в которых более всего нуждались человеческие души и которые лучше всего выражали тревоги народов. Павел VI обратился к радиослушателям и телезрителям:

Вы знаете о целях этого паломничества. Но я хочу напомнить о них, чтобы они отозвались в нашей молитве и стали светом для тех, кто нас слушает.

Первая цель – это Церковь, Церковь единая, святая, соборная и апостольская. Давайте помолимся за ее внутреннее спокойствие...

Мы просим Пресвятую Деву Марию о живой, истинной, единой и святой Церкви. Давайте вместе помолимся, чтобы надежды и силы, пробужденные Со-

бором, смогли бы способствовать тому, чтобы скорее созрели плоды Святого Духа...

...Но сейчас наши души наполняет другая цель па-ломничества: мир, мир на земном шаре...

Наша планета в опасности. Мы припадаем к стопам Царицы Покоя, чтобы просить Ее о той милости, которую может подарить только Бог: о мире на Земле. Да, мир – это дар Божий, являющийся Его милосердным, таинственным деянием. И вместе с тем мир – это не просто чудесный дар; это дар, нуждающийся в нашем добровольном участии, в нашей готовности его принять. И потому наша молитва, обращенная к небу, обращена также и к сердцам людей на целом свете. И в эти минуты мы говорим: „Люди, заботьтесь о том, чтобы стать достойными этого Божественного дара – достойными мира“

В заключение Павел VI произнес:

И только тогда Господь захочет, чтобы Земля избавилась от войн, трагедий и катастроф и чтобы на ней восторжествовали мир и любовь.²⁹

Затем Папа опубликовал апостольское послание *Signum magnum* (датированное 13 мая 1967 года), чтобы напомнить людям о пятидесятой годовщине фатимских явлений. В нем он разбирает – больше в духовном, нежели в догматическом аспекте – вопрос почитания у подражания Божией Матери и побуждает христиан к му новою посвящению Непорочному Сердцу Марии. Будучи в Фатиме уже в первой части своей проповеди он напомнил, что празднуется „двадцать пятая годовщина посвящения мира Непорочному Сердцу Марии“

---

²⁹ Речь Папы слушал неожиданно оказавшийся среди толпы русский поэт Евгений Евтушенко. Когда журналисты спросили о его впечатлениях, он ответил, что слушал Павла VI „с большим интересом“. Два дня спустя, 15 мая 1967 года, во время пресс-конференции, проходившей в Лиссабоне, Евтушенко произнес: „Я был очень взволнован всем, что увидел в Фатиме. Возможно, когда-нибудь я обо всем этом напишу. Я сам верю в Бога... (и после некоторой паузы, вызванной волнением среди присутствующих по поводу такого заявления)... мой Бог – это Истина“

Фатимская тайна

Сестра Луция всегда утверждала, что существует лишь одна фатимская тайна, но что она „состоит из трех отдельных частей”.

Первая часть касается непосредственно троих пастушков, она была открыта детям во время второго разговора с Пресвятой Девой Марией. Когда Луция, опечаленная первыми размолвками в семье, вызванными чудесными событиями, попросила взять их всех троих на небо, Божия Матерь ответила:

– Хорошо. Франсиско и Гиацинту я скоро заберу, но ты еще некоторое время будешь здесь. Иисус хочет, чтобы благодаря тебе люди узнали и возлюбили Меня.

– И я останусь тут одна? – с грустью спросила девочка.

Божия Матерь ответила:

– Нет, доченька, Я никогда тебя не оставлю. Мое Непорочное Сердце будет твоим убежищем и дорогой, которая приведет тебя к Богу.

Произнеся эти слова, Божия Матерь открыла ладони и вторично осветила детей всепроникающим светом, и они почувствовали близость Бога. Им показалось, что Луция была освещена лучами, падавшими на землю, в то время как ее друзья находились в свете лучей, направленных к небу. В правой руке Божией Матери они увидели сердце, увенчанное терновым венцом. Дети поняли, что это было Непорочное Сердце Марии. Божия Матерь не приказала детям хранить эту тайну, но – по словам сестры Марии Непорочного Сердца – „мы чувствовали, что Господу угодно, чтобы мы поступили именно так”.

В третьей книге *Воспоминаний*, датированной 31 августа 1941 года, сестра Луция открыла вторую часть тайны, „так как Небо разрешило ей это сделать и через своих заместников на земле побудило ее к этому”.

Божия Матерь открыла перед нами огромное море огня, которое, как нам показалось, находилось под землей... Это видение длилось лишь одно мгновение. Мы благодарны нашей Небесной Матери за то, что до этого Она пообещала (во время первого явления) забрать нас на небо – иначе мы бы, наверное, умерли от страха.

Потом мы взглянули на Божию Матерь, которая ласково и печально сказала нам:

– Вы увидели ад, куда попадают души бедных грешников.

Чтобы их спасти, Бог хочет утвердить на земле почитание Моего Непорочного Сердца. Если вы сделаете то, что Я вам скажу, множество душ будет спасено и обретет покой. И закончится война. Но если они не перестанут оскорблять Бога, то во время понтификата Пия XI³⁰ начнется следующая, еще более страшная война. Когда вы увидите, что ночь озарилась непонятным светом³¹, знайте, что это великий знак, посылаемый вам Богом и означающий, что за безумную войну мир будет наказан голодом и преследованиями Церкви и Святого Отца.

Чтобы это предотвратить, Я потребую посвящения России Моему Непорочному Сердцу и искупительного Причастия в первую субботу каждого месяца. Если Мои пожелания будут услышаны, то Россия обратится и воцарится мир. Если же нет, она распространит свои заблуждения по всему миру, дело дойдет до войн и преследований Церкви. Хорошие люди будут замучены; Святому Отцу придется много страдать; будут уничтожены многие народы. Но в конце концов восторжествует Мое Непорочное Сердце. Святой Отец посвятит Мне Россию³², которая обратится, и на земле восстановится мир.

---

³⁰ Это предсказание исполнилось во время оккупации гитлеровскими войсками Австрии 12 марта 1938 года и Чехословакии в октябре того же года.

³¹ Луция считала, что увидела „знак Божий“ в ночь с 24 на 25 января 1938 года, когда небо внезапно озарилось необычайным сиянием.

³² Произошло это 7 июля 1952 года. Тридцать первого августа 1941 года, в день, когда Луция закончила третью книгу *Воспоминаний*, никто не мог запо-

Третью часть знаменитой тайны Луция записала в период с 12 декабря 1943 года по 9 января 1944 года под влиянием сил неземного происхождения и в запечатанном пакете передала эти записки лейрийскому епископу, оговорив, что оглашены они могут быть лишь в 1960 году. Епископ вручил пакет папскому нунцию в Португалии (епископу Фердинандо Ченто), а тот уже передал его в Рим, в Конгрегацию Вероучения, префектом которой в то время был кардинал Альфредо Оттавиани. Приняв во внимание деликатность этого вопроса, кардинал вручил запечатанный пакет Святому Отцу Иоанну XXIII.

В связи с этой историей один известный журналист, постоянный обозреватель фатимских событий, Л.Генрих в октябре 1964 года в штутгартской газете „Neues Europa“ опубликовал якобы отрывок из этого таинственного текста.

Как утверждает Генрих, документ был предан гласности в связи с намеком в дипломатических кругах на то, что миссии Ватикана в Вашингтон, Лондон и Москву имеют отношение к третьей части фатимской тайны.

– Не бойся, малышка, ведь Я – Божия Матерь. Я прошу тебя, чтобы ты передала Мое воззвание всему свету. Слушай внимательно, что Я тебе скажу. Люди должны исправиться и покорно молить о прощении... Страшная кара постигнет весь человеческий род, но не сегодня и не завтра, а во второй половине XX века. Об этом Я уже говорила Мелании и Максимилиану, детям из Ла Салетте, а сегодня повторяю тебе, потому что род человеческий согрешил... Страшная война вспыхнет во второй половине XX века... Огонь и дым падут с неба, воды океанов превратятся в пар... Миллионы людей погибнут... Иди, малышка, и расскажи обо всем этом. Я всегда буду рядом, чтобы помогать тебе.

Такое разглашение тайны Ватиканом представляется маловероятным, поскольку входит в противоречие с тем,

---

дозреть – если ему это не было открыто Небом – а тем более утверждать, что Святой Отец посвятит Россию Непорочному Сердцу Марии. Это верный знак того, что Луция передала нам то, что услышала от Божией Матери.

что по этому поводу утверждают наиболее авторитетные люди.

Кардинал Оттавиани, получивший запечатанный пакет с текстом тайны от папского нунция в Португалии и передавший его Иоанну XXIII, был свидетелем вскрытия пакета при закрытых дверях, и 11 февраля 1967 года по случаю пятидесятой годовщины фатимских явлений он в Римском папском училище Антонианум подробно рассказал о том, при каких обстоятельствах происходило это событие:

Папа Римский вскрыл пакет и начал читать. Несмотря на то, что текст был написан по-португальски, он (как позднее сам мне сказал) понял все. После этого он положил текст в другой пакет, запечатал его и поместил в одном из архивов, напоминающих глубокий и темный колодец и скрывающих в своих недрах документы, которые уже никто не должен увидеть. Поэтому трудно теперь сказать, где находится текст фатимской тайны.³³

Такова версия кардинала Оттавиани.

Епископ Лорис Каповилла, ныне – управляющий епархией Лорето, а до этого – секретарь Папы Иоанна – со своей стороны так ответил автору этой версии во время встречи, произошедшей 15 февраля 1978 года в Альбе, где он делал доклад на тему „Деятельность Папы Иоанна XIII“:

...Кардинал Оттавиани утверждает, что пакет сестры Луции был направлен Папе Римскому, однако, в то время Папой был Пий XII, который, не читая, передал бы его в Священный Совет (ныне – Конгрегация Вероучения). Действительно, пакет был получен Священным Советом до выборов Иоанна XII, который, в свою очередь, получил пакет из рук монаха-доминиканца отца Филиппа (тогда он был членом Священного Совета, а впоследствии стал кардиналом) 17 августа 1959 года в Кастель Гондольфо (летней резиденции Папы). Поскольку текст был не совсем понятен из-за диалектизмов, на помощь призвали епископа Паоло Тавареса, консультанта в секции

---

³³ „Documentation Catholique“, № 1490, 543.

португальского языка при Государственном Секретариате, а позднее – управляющего епархией Макао.

После чтения текста Папа продиктовал секретарю Лорису Каповилле специальную записку, которую присоединили к тексту, написанному Луцией. Насколько я помню, Папа не высказывался на этот счет, объявил лишь, что свою оценку текста хочет оставить другим (по-видимому, своему преемнику). Он забрал документ в Ватикан и держал его в своей канцелярии до самой смерти (3 июня 1963 года). Павел VI после своего избрания попросил дать ему информацию относительно воспоминаний Луции, и можно предположить, что он познакомился с ними.

Не знаю, оказался ли, как это утверждает кардинал Оттавиани, документ в тайном ватиканском архиве, однако, то, что документ не погиб – это точно. С 1959 по 1963 год он в запечатанном виде хранился в канцелярии Папы. Где он находился потом – неизвестно.

Но может быть, информация просочилась раньше? Слова кардинала Оттавиани исключают и такую возможность. Вот как вкратце выглядит – согласно его версии – история документа.³⁴

Поначалу Луция хранила тайну. Потом она по-португальски записала все, что должна была – согласно желанию Пресвятой Девы – передать Святому Отцу. Послание должно было быть открыто не раньше, чем в 1960 году. Луцию спрашивали: „Почему именно эта дата?“ Она отвечала: „Тогда будет более ясно“.

Можно только догадываться, что послание носит пророческий характер, поскольку пророчества – как мы видим по Священному Писанию – чаще всего скрывает завеса тайны.

К сожалению, ввиду молчания Церкви, исследователи считали нужным строить свои догадки. Тут и там публиковались апокрифы фатимской тайны, ставшей к тому времени легендой, а Конгрегация, призванная хранить догматы

---

³⁴ Там же, 542.

веры, была вынуждена закрыть дилетантам и исследователям доступ в монастырь в Коимбре, где сестра Луция молилась, вспоминала, размышляла, но ничего не говорила.

Но один вывод сделать можно. В той части послания, которая не была окутана тайной и глашатаем которой Пресвятая Дева Мария сделала свою избранницу, можно увидеть многое из того, что касается всего мира: Божия Матерь желала молитвы и покаяния, давая понять, что это два пути, которыми можно избежать страшного наказания, назначенного Божественным Провидением миру – вспоминаются слова пророка: „И земля осквернена под живущими на ней” (Ис. 24,5).

Мир занялся лишь изучением тайны, но не задумался, не остановился перед тем, что Божия Матерь сказала ясным, доступным языком.

Ужасающая трагедия всемирного масштаба, свидетелем и жертвой которой стало наше поколение, безусловно, заставляет задуматься над тем, к чему Божия Матерь призвала всех людей, а не строить догадки относительно того, что остается тайной.

Но доверие, которое возникает у нас к Фатимскому Воззванию (хотя бы по его известной части), позволяет, полагаясь на Провидение, с надеждой смотреть на еще неясные, но уже вырисовывающиеся после 1960 года очертания будущей жизни на планете, мирной жизни в Царстве Христовом.

И как хочется верить, что это предположение недалеко от истины! Кажется, Пресвятая Дева вернется к нам, чтобы возвестить: „Поднимите ваши глаза, ибо спасение уже близко” и мы в ответ воскликнем: „Да будет так”.³⁵

Поэтому наши современники не должны стремиться узнать тайну, но должны услышать уже провозглашенное воззвание, которое остается актуальным и по сей день. Суть его легко понять и запомнить, ибо она сводится к двум словам: „молитва и покаяние”.

А в то же время чудесная история Фатимской Божией Матери продолжается.

---

³⁵ См. „Osservatore Romano”, 13–14 февраля 1967.

Непорочное Сердце Марии

При внимательном рассмотрении в Фатимском Воззвании можно обнаружить три основные идеи: 1) почитание Непорочного Сердца Марии представляется в наше время особенно необходимым; 2) идея искупления; 3) желание, чтобы мир был посвящен Непорочному Сердцу Марии.

Еще отец С.Пинамонти, апостол Сердца Марии в Италии, на пороге XVII века в своей основной работе „Святое Сердце Девы Марии“ писал:

Так же, как до последнего времени Господь сохранил культ Своего Божиего Сердца, чтобы разжечь огонь в остывших сердцах христиан, так и почитание Святого Сердца Марии Он сохранил для нашего века, чтобы растопить наши сердца и послать нам через Ее Непорочное Сердце неисчислимые милости, ибо так же, как в Марии Он соединил все добродетели, так и в Ей молитвах заложил основы Своего милосердия.

Наш век, бесспорно, стал эпохой Сердца Марии. „Ради спасения грешников, – сказала Пресвятая Дева троиим счастливым пастушкам в 1917 году в Фатиме, – Бог хочет установить почитание Моего Непорочного Сердца, и если все произойдет так, как Я вам говорю, многие будут спасены“. Сегодня посреди всеобщего ослепления люди чувствуют потребность в том, чтобы идти по дороге, ведущей к Христу, ищут защиты у Бога, Который гневается на мир за его грехи.

Во второй книге *Воспоминаний* я уже писала, что 13 июня 1917 года Божия Матерь сказала, что не оставит меня и что Ее Непорочное Сердце будет для меня защитой и дорогой, которая приведет меня к Богу. При этих словах Она открыла ладони и в наши серд-

ца проник свет, который они излучали. Мне кажется, этот свет был необходим для того, чтобы – благодаря милости Божией – мы ощутили особенную близость и любовь Непорочного Сердца Марии (так же, как и в предыдущие два раза) и тайну Пресвятой Троицы. С того дня в наших сердцах жила горячая любовь к Непорочному Сердцу Марии. Гиацинта то и дело мне говорила:

– Дева сказала, что Ее Непорочное Сердце будет твоей защитой и дорогой, которая приведет тебя к Богу. Разве ты не рада? Я так люблю Ее Сердце. Оно такое доброе.

Когда в июле Она втайне нам открыла, что Бог хочет установить в мире почитание Ее Непорочного Сердца и в целях предотвращения грядущей войны Она придет, чтобы пожелать посвящения России Своему Непорочному Сердцу, а также искупительного Причастия в первую субботу каждого месяца, а потом мы стали обсуждать Ее слова между собой, и Гиацинта сказала: „Мне так грустно, что я не могу принять Причастие для искупления грехов против Непорочного Сердца Марии“.

Я уже говорила, что Гиацинта среди множества молитв, которым нас учил отец Крус, выбрала такую: „Сладкое Сердце Марии, будь моим избавлением“.

Зачастую после этих слов она со свойственной ей наивностью добавляла: „О, как я люблю Непорочное Сердце Марии! Это – Сердце нашей Небесной Матери. Почему ты так редко читаешь эту молитву? Я ее так люблю!“³⁶

Свою любовь к Непорочному Сердцу Марии мы выражаем, ежедневно почитая Его, обращаясь к Нему, стараясь лучше познать то, что угодно Богу, и стремиться к тем необычайным добродетелям, которыми Бог наделил Его.

Таким в наше время должно быть это почитание. Наш мир, переполняемый грехом, измученный страшными войнами и катастрофами, найдет свое спасение в Непорочном

---

³⁶ В III, В: *Documentos de Fatima*, с. 226–227.

Сердце Марии. В материнском, понимающем и прощающем Сердце. Благодаря небесному знанию и горькому опыту это Сердце, испытавшее самые разные страдания, найдет, как нас утешить в наших тревогах.

О, сколько христиан по своему грешному неведению, из-за равнодушия или губительных заблуждений свернуло с дороги, ведущей к Богу! Непорочное Сердце Марии своим сиянием указывает нам истинный путь тех убеждений, на которых основывается настоящая вера в Бога. А основана она на полном подчинении Его воле и на сыновнем доверии во всех ситуациях Божественному Провидению. Сердце Марии указывает нам духовный путь добродетели, которой в Евангелии отведено главное место, и которая составляет единое целое с чистотой сердца, искренним смирением, постоянным самоотречением и милосердием к ближним.

Материализм в наши дни глубоко проник в души людей. Многие и вовсе забыли о Боге, перестали заботиться о том, чтобы жить по-христиански, поскольку распространилось убеждение, что можно достичь благополучия, стать порядочным и духовно зрелым человеком, полагаясь лишь на свои силы. Эти люди не чувствуют потребности в Боге, в молитве.

Но именно Бог указывает нам Сердце Той, Которая стала Посредницей между Господом и нами, Которая дарит нам милости, а значит, помогает нам стремиться к достойной жизни, помогает обращать грешников и бороться за мирную жизнь.

Искупление

Пресвятая Дева многократно и настойчиво призывала к покаянию, искупительной жертве за грехи перед Богом и перед Своим Непорочным Сердцем.

Искупление, являющееся исходным понятием культа Сердца Иисуса, должно также быть искуплением за грехи перед Сердцем Марии. Сама природа побуждает сыновей Небесной Матери, если они видят, как кто-то из них оскор-

бил Ее, стараться дать Ей двойную любовь, пытаться исправить грешного брата и порадовать свою Мать еще одним обращением. Разум и вера обязывают к этому каждую истинно христианскую душу.

Мы живем в переломный момент истории. Столкновение наиболее враждебных друг другу идеологий, возможно, мешает духовному и моральному обновлению. Поэтому наша обязанность заключается в том, что мы должны с чувством благодарности посвящать Богу и Непорочному Сердцу Марии свои молитвы и жертвы, которые станут искуплением за все тайные и явные преступления перед Священным Законом и самыми простыми нормами христианской жизни. Только таким путем мы можем завоевать любовь Пресвятой Девы, спасти наследие христианской цивилизации и добиться того, чтобы в Царстве Ее Сердца восторжествовала истина, справедливость и мир.

Пресвятая Дева Мария требует „молитвы и покаяния”.

Молитвы: совместные молитвы; молитвы, которым учит Божия Мать; чтение розария; искупительное Причастие в первую субботу каждого месяца; набожное отмечание первых пяти суббот.

Покаяние: покаяние, обусловленное собственными обязательствами и совершаемое с предельной тщательностью, ведь именно в мелких делах проявляется большая любовь. В больших делах мы чувствуем подъем и как бы не замечаем трудностей, но если речь идет о мелких, скучных, то это требует самоотверженности, а это выше средних человеческих сил. Еще существует покаяние, осуществляющееся при некоторых жизненных обстоятельствах – таких, как болезнь, неприятности, затруднения. И наконец добровольная епитимья: отказ от каких-либо удовольствий, развлечений, отречение даже от невинного любопытства.

Посвящение

Пресвятая Дева Мария предсказала Вторую мировую войну. В том числе Она заявила, что ее можно избежать, если весь мир будет посвящен Ее Непорочному Сердцу.

Ныне торжественное посвящение стало реальным фактом.

Святой Отец Пий XII в год юбилея фатимских явлений посвятил Церковь и род человеческий Непорочному Сердцу Марии.

Теперь наступил тот момент, когда каждый человек должен посвятить себя Сердцу Марии – подобные посвящения часто происходят в Португалии. То же самое должна сделать каждая семья, каждый приход, каждая епархия.

Это посвящение не должно быть случайным проявлением энтузиазма, минутным порывом, не оставляющим после себя никакого следа. Оно должно стать настоящим даром, когда мы обещаем сделать все, чтобы в нас жило и руководило нами Пресвятое Сердце, чтобы мы никогда уже не оскорбляли Его своими мыслями, словами и поступками и чтобы вся наша религиозная и духовная жизнь соответствовала Ее неземной жизни, полной любви к Богу и к людям.

Посвятить себя – это значит принести себя в дар Пресвятой Деве. Человек – это не только душа, но и тело, а тело ощущает мир через свои чувства: зрение, слух, речь, осязание. Когда мы посвящаем их Богу и Божией Матери, они должны употребляться ради прославления Бога и в тех целях, которые угодны Иисусу и Божией Матери. Следует отказаться от разных недостойных зрелищ и удовольствий, избегать дурных разговоров, воздерживаться от резких слов, быть чистым и скромным.

Во власти души находятся память, разум и воля. Если мы посвящаем их Божией Матери, наши мысли, чувства и устремления всегда должны быть Ей угодны.

Вместе с посвящением мы повторяем то, что сказала Мария во время Благовещения, целиком отдавая себя во власть Бога: „Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему“. Эти слова должны прозвучать и из наших уст.

Если мы стремимся к тому, чтобы акт посвящения как-то повлиял на нас, необходимо, чтобы ему сопутствовало тщательно подготовленное и проведенное в праздничный день богослужение – благодаря этому посвящение становится переломным моментом в судьбе, началом лучшей жизни, жизни во имя Девы Марии.

Плоды нашего посвящения будут все более обильными, если мы будем часто проявлять свое усердие, если все сердце свое будем отдавать нашей заботливой Матери. И тогда наша жизнь станет непрерывным делом любви, которая обеспечит нам материнскую опеку, а наш духовный прогресс пойдет все быстрее, ибо нас понесут Ее руки, и, приблизясь к Ее Сердцу, мы станем больше готовы к самоотдаче.

Мария в Фатиме сказала, что „только Она сможет прийти к нам на помощь“, заступившись за нас перед Богом, и, пообещав воцарение мира, произнесла: „Мое Сердце победит“.³⁷

---

³⁷ *E. Fornasari, La grande promessa di Fatima*, изд. 17, Рим 1979.

Великое обещание

Монах-иезуит отец Жозе Апарисио да Силва, духовник Луции в Доме Послушниц святой Доротеи в Туе, в Дкабре 1927 года переговорил с ней о набожном отмечании первых суббот.

Он попросил, чтобы Луция записала все, что сочтет нужным, по этому вопросу, и она, не желая писать от первого лица, попросила разрешения написать от третьего. Вот текст ее записей:

И.М.И.

10 декабря 1925 года явилась ей Пресвятая Дева, а рядом с Ней – летящий на светлом облаке Младенец. Пресвятая Дева обняла Его и в то же время указала на Сердце, увенчанное терновым венцом, которое Она держала в другой руке. Младенец произнес: „Страдай вместе с Сердцем своей Пресвятой Матери, которое увенчано терновым венцом. Видишь, какие шипы неблагодарные люди непрерывно вонзают в него, и нет никого, кто бы совершил искупительный акт и вырвал их из Ее Сердца.

После этого Пресвятая Дева сказала: „Взгляни, доченька, на мое Сердце, увенчанное терновым венцом. Посмотри, какие шипы неблагодарные люди непрерывно вонзают в него, богохульствуя и греша. Постарайся хотя бы ты утешить Меня, а всем, кто в течение пяти месяцев в первую субботу каждого месяца будет исповедаться, принимать Святое Причастие, читать одны чацть розария и на протяжении пятнадцати минут будет вместе со Мною раздумывать о 15 тайнах розария, желая Мне угодить, Я обещаю помочь в их смертный час теми милостями, которые необходимы для спасения души”.

Пятнадцатого февраля 1926 года ей снова явился Младенец Иисус. Он спросил, распространила ли она

почитание Его Пресвятой Матери. Она рассказала Ему о тех затруднениях, которые у нее возникли, объяснила Ему, что настоятельница хотела бы ей в этом помочь, но – как считает духовник – это и ей вряд ли удастся. Иисус ответил: „Да, это так, настоятельнице самой действительно ничего не удастся, но с Моей помощью она сделает все, что захочет”.

Она рассказала Иисусу о трудностях, с которыми сталкиваются те, кто не могут исповедаться по субботам, и попросила о том, чтобы достаточно было исповедаться в течение недели. Иисус ответил: „Хорошо, исповедаться можно будет и в другое время, но главное, чтобы тот, кто Меня принимает, был милосерден к другим и намерен исправить обиды, нанесенные Непорочному Сердцу Марии”

Она спросила: „Господи Иисусе, а если кто-то забудет сказать о своем намерении?” Иисус ответил: „Он может сказать о нем и во время следующей исповеди, но повторно исповедаться нужно при первой же возможности”

Семнадцатого декабря 1927 года она подошла к Святилищу, чтобы спросить Иисуса, как ей лучше сделать то, что Он от нее хочет, и является ли происхождение почитания непорочного Сердца Марии частью тайны, доверенной ей Пресвятой Девой.

Иисус ясно сказал ей: „Дочь моя, напиши то, что от тебя хотят, и все, что говорила тебе Пресвятая Дева во время явлений об этом почитании. А все остальное сохрани в тайне”

Вот что было сказано на эту тему в 1917 году:

Я попросила забрать меня на небо. Пресвятая Дева ответила: „Франсиско и Гиацинту Я скоро заберу, а ты еще некоторое время останешься здесь. Иисус хочет, чтобы благодаря тебе люди узнали и возлюбили Меня. Он хочет, чтобы люди почитали Мое Непорочное Сердце. Тому, кто будет Ему поклоняться, Я обещаю спасение. Бог возлюбит их, словно цветы, которыми Я убрала Его трон”

„И я останусь тут одна?” – с грустью спросила я.

„Нет, доченька. Я никогда тебя не оставлю. Мое Непорочное Сердце будет твоим убежищем и дорогой, которая приведет тебя к Богу“.³⁸

Двенадцатого июня 1930 года сестра Луция ответила на вопросы монаха-иезуита отца Жозе Бернардо Гонсалвеша, касающиеся набожного отмечаия первых суббот:

1. Когда, как и где (т.е. день – если его знаешь – и обстоятельства) ты узнала о необходимости отмечать первые пять суббот?

2. Какие требования необходимы для этого?

3. Что обещано тому, кто будет участвовать в этом празднике хотя бы один раз?

4. Почему Страдающей Божией Матери должно быть посвящено именно 5 суббот, а не девять или семь?

5. Если кому-то не удастся выполнить все требования именно в субботу, может ли он выполнить их в воскресенье? Скажем, жители сел, расположенных вдалеке от церкви, не смогут ездить туда часто...

И.М.И.

Преподобный Отец, я молю о поддержке Пресвятые Сердца Иисуса и Марии и постараюсь как можно лучше ответить на вопросы, касающиеся пяти суббот:

1. Когда? Десятого декабря 1925 года.

Как? Мне явились Господь и Пресвятая Дева, Которая показала мне Свое Непорочное Сердце, увенчанное терновым венцом, и пожелала искупления.

Где? В Понтеведра, в переулке Изабеллы II. Первое явление было в моей келье, а второе – у дверей здания, в котором я работала.

2. Необходимые условия? В течение пяти месяцев в каждую первую субботу принимать Святое Причастие, читать одну часть розария, вместе с Божией Матерью на протяжении 15 минут размышлять о тайнах розария и с теми же мыслями исповедаться. Причем

---

³⁸ Письма и другие документы, в: *Documentos de Fatima*, с. 401–403.

исповедаться можно и в другой день – главное, чтобы принимать Святое Причастие с чистой совестью.

3. Обещания: „Людей, которые будут таким образом радовать Меня, – сказала Божия Матерь, – я обещаю поддержать в их смертный час всеми милостями, необходимыми для спасения”

4. Почему Страдающей Божией Матери должны быть посвящены именно пять суббот, а не семь или девять? В ночь с 29 на 30 марта 1930 года находясь в часовне, я внезапно необычайно сильно почувствовала присутствие Бога и, если я не ошибаюсь, Он мне сказал следующее: „Дочь моя, причина очень проста: существует пять разновидностей оскорблений и кощунств по отношению к Непорочному Сердцу Марии. 1) Кощунство по отношению к Непорочному Зачатию; 2) к Девственности Марии; 3) к Божественному материнству, когда не желают признать Ее Матерью рода человеческого; 4) желание внушить другим равнодушие, презрение и даже отвращение к Непорочной Матери; 5) оскорбление Ее святых образов.

Дочь моя, таковы причины, по которым Непорочное Сердце Марии велит требовать именно такого искупления. Тот, кто совершит акт искупления, может рассчитывать на Мое Милосердие, и если окажется, что он оскорбил Непорочное Сердце, он будет прощен. Что касается тебя, ты своими молитвами и жертвами должна неустанно склонять Меня к милосердию по отношению к этим несчастным”.

5. Если кому-то не удастся выполнить все субботние условия, может ли он выполнить их в воскресенье? „Требования могут быть выполнены и в воскресенье после первой субботы, если священники согласятся на это”.³⁹

Таково великое обещание Фатимской Божией Матери: Тех, кто будет в течение пяти месяцев посвящать первые субботы Ей, поддержать в их смертный час всеми милостями, необходимыми для спасения.

Мы видим, что:

---

³⁹ О. Консалвеш спрашивает, в: *Documentos de Fatima*, с. 407.

1. Фатимская Пресвятая Дева явно этого желает от нас, дает нам Божественные обещания, делает это почитание особенно необходимым в наше время. Она даже разъяснила, каким оно должно быть, выделив для этого пять первых суббот.

2. Пресвятая Дева побуждает нас в каждую из этих пяти суббот в течение пятнадцати минут вместе с Нею раздумывать о тайных розария или слушать, что говорит священник об этих тайнах. Она советует в течение нескольких лет набожно отмечать первые пять суббот, а отмечание их в течение всей жизни становится жертвой, приносимой Непорочному Сердцу Марии. Для первого цикла можно выбрать, к примеру, радостные тайны, для второго скорбные, а для третьего – размышления над славными тайнами.

3. Пресвятая Дева побуждает к размышлениям, а не только к чтению. И перед каждым обдумыванием нужно встать перед лицом Бога и после сосредоточенного чтения задуматься над тем, что больше всего затронуло твою душу; сопоставить нашу жизнь с жизнью Иисуса и Марии в свете именно тех добродетелей, которые сияют в рассматриваемой тайне; искренне раскаяться в собственной слабости, сказать о своем желании исправиться и попросить у Пресвятой Девы благословения.⁴⁰

---

⁴⁰ E. Fornasari, *La grande promessa di Fatima*, изд. 17, Рим 1979.

Фатимские документы

Под таким названием монах-иезуит отец А.М.Мартинс в 1976 году опубликовал⁴¹ рукописи Луции (в монастыре – сестры Марии от скорбящей Божией Матери); это была фотокопия рукописей с португальской транскрипцией и с итальянским и испанским переводами.

В них содержатся четыре книги „Воспоминаний“, которые Луция написала по просьбе лейрийского епископа в Доме Послушниц святой Доротеи в Туе, в Испании, где в то время она находилась. На фотокопии хорошо видно, что рукопись написана разборчивым почерком, который постепенно становится все более уверенным.

Что за события изложены в *Воспоминаниях*?

1. Первая книга *Воспоминаний* была написана сестрой Марией от Скорбящей Божией Матери перед Рождеством в 1935 году. Во время эксгумации останков Гиацинты (когда их собирались перенести в Фатиму) было замечено, что лицо девочки совершенно не тронут тленом. Тогда лейрийский епископ попросил Луцию записать все, что она знает о своей кузине, в результате чего возникла небольшая (на 81 страницу), трогательная биография Гиацинты, где о явлениях Пресвятой Девы Марии упоминается вскользь, и то в целях описания добродетелей девочки.

2. Вторая книга *Воспоминаний* была написана между 7 и 21 ноября 1937 года по просьбе лейрийского епископа Жозе Алвеша Коррея да Силва, который пришел к выводу о необходимости более глубокого изучения фатимских событий. Сестре Марии от Скорбящей Божией Матери он велел написать историю ее жизни и историю явлений.

Я беру в руки перо, чтобы исполнить волю Божию, а поскольку у меня нет иной цели в жизни, я

---

⁴¹ Documentos de Fatima, Introdução subtítulos e notas pelo P. Antonio M. Martins, cc. 534, Порту 1976.

начинаю с правила, которое основательница моего Ордена (благословенная Паула Фрассинетти) оставила после себя и которое я не раз еще повторю во время работы над этим текстом: „Воля Божия – мое спасение“ ... ведь мне могут задать вопрос, зачем я, не умеющая толком писать, берусь за перо. (с.87)

Из ее воспоминаний вырисовывается чудесный образ детства Луции (родилась она 22 марта 1907 года), полного любви и семейного счастья, образ Первого Причастия. Мы узнаем о трех годах ее работы пастушкой (с 7 до 10 лет), о первых явлениях Ангела перед 13 мая 1917 года, о шести явлениях Божией Матери в последующие месяцы, а также о переменах, происходивших в их жизни: о неприятностях, преследованиях, унижениях, страхах (дома и вне его), и о готовности пострадать за грешников.

Луция подробно описывает события, предшествовавшие явлению, а также следовавшие за ним, но не много говорит о главных событиях своей жизни. Видимо, основываясь на том, что епископу многое о них известно, она описывает такие события, как болезнь своей матери, смерть отца (в 1919 году), последние часы Франсиско и Гиацинты (в 1920 году) – вплоть до своего пребывания в общине сестер святой Доротеи.

3. Третья книга *Воспоминаний* была написана в 1941 году, когда епископ решил опубликовать новое издание биографии Гиацинты. Именно в этом тексте впервые открылась часть фатимской тайны, касающаяся видения ада, предсказания Второй мировой войны и последовавшего за этим знамения, случившегося в ночь с 25 на 26 января 1938 года и похожего на полярное сияние. („Мне кажется, – замечает Луция, – что если бы астрономы изучили это явление, они бы признали, что оно – сверхъестественного происхождения“ (с.231)

4. Четвертая книга *Воспоминаний* – написанная также в 1941 году и вновь по просьбе епископа Жозе да Силва, который попросил сестру Марию записать все, что она помнит о фатимских событиях, и ответить на некоторые вопросы Дона Галамбо (собиравшего материалы по Фатиме) – самый объемный документ (с.241–385). Его можно разде-

лить на три части: в первой Луция рассказывает о Франсиско (с. 247–309); во второй („написать ее было труднее всего” – (с.315) она описывает три явления Ангела; наконец, в третьей говорится о шести явлениях Божией Матери – в ней подробно передано все, что говорила Пресвятая Дева Мария (с.329–351).

Прежде мне хотелось скрыть все то, что в явлениях Божией Матери в Кова-да-Ирии казалось мне наиболее личным. Каждый раз, когда мне приходилось об этом говорить, я старалась дать как можно более скудные сведения, чтобы не открыть того, что мне хотелось сохранить в тайне. Но теперь я, следуя Божьей воле, ничего не утаила. И я ощущаю себя скелетом, лишенным всего (в том числе, жизни) и помещенным в национальный музей, чтобы напоминать его посетителям о бренности земной жизни. Но точно так же, лишенная всего, я останусь в музее человеческой истории, чтобы напоминать не о бренности, а о величии Божественного Милосердия (с.395).

5. Затем следуют письма и документы, касающиеся, главным образом, отчисления первых пяти суббот. В основном это переписка Луции с ее духовными наставниками и с епископом, относящаяся к почитанию Девы Марии или к посвящению Португалии и всего мира Непорочному Сердцу Марии. Письма были разделены на группы в зависимости от места, где они были написаны. Первая группа писем написана в Понтаведра, вторая – в Коимбре (где 25 марта 1948 года Луция вступила в кармелитскую общину).

Очень интересен для историка „первый текст, написанный Луцией и касающийся чудесных явлений”, который появился в 1922 году, а также так называемые „дополнительные документы” (с.500–522), среди которых – текст разговора детей с настоятелем и еще одним священником, произошедшего в день явления.

Книга открывается вступлением, написанным отцом Антонио Мария Мартинс, и заканчивается его же „дополнительными примечаниями”.

Значение этой книги необычайно важно еще и в связи со случайным характером первых записей сестры Марии, которая поначалу считала себя обязанной хранить тайну, до-

веренную ей Пресвятой Девой. И первая же книга ее *Воспоминаний* пробуждает желание изучить историю неземного послания более досконально.

Оценка записок Луции

Могла ли Луция – если исключить возможность обмана – ошибиться или преувеличить пережитые ею события?

Очевидно, у нее не было каких-то врожденных талантов. Но, с другой стороны, мы должны согласиться с тем, что по этому поводу написал Мессиас Диас Козльо:

Если Небо сделало ее посредницей между Собою и людьми, то это означает, что она передала нам именно то воззвание, которое было доверено ей. Иначе бы Фатима потерпела поражение, а Небо – оказалось бессильным. В этом случае явление в Кова-да-Ирии, которое считают крупнейшим с апостольских времен событием, было бы лишь свидетельством беспомощности сверхъестественных сил, не сумевших добиться своей цели, но этого мы уж никак не можем допустить. Поэтому Луция была истинным „посредником“, передавшим то самое послание, которое ей доверило Небо.⁴²

Другой момент, который можно отметить при изучении ее *Воспоминаний*, заключается в том, что она по собственной инициативе никогда ничего не написала о явлениях и сверхъестественных милостях, которыми осыпал ее Господь.

Только по просьбе и с благословения епископа Жозé Алвеша Корея да Силва, управлявшего лейрийской епархией, а также своих духовных наставников – прелата Мануэля Перейры Лопеша, отца Лино Гарсии, монахов-иезуитов отца Жозе Апарисио да Силва и отца Жозе Бернарда Гонсалвеша – она брала в руки перо. Но даже и после этого чувствовала внутреннее сопротивление и старалась избегать касающихся лично ее подробностей. Доказательств

---

⁴² М. Dias Coelho, *O que falta para a conversão de Russia*, Фундан 1959, с. 121-133.

вом этого пусть будут ее слова, которые содержатся в самом начале первой книги *Воспоминаний*:

Несмотря на то, что я добровольно выполняю это твое пожелание, я прошу тебя, Преподобная Мать, разрешить мне кое-что сохранить в тайне... этого требует мой молг. Я хотела бы, чтобы об этом прочитали лишь на пороге вечности.⁴³

---

⁴³ В I, В: *Documentos de Fatima*, с. 5.

Воздушный путь над Италией

В 1942 году Пий XII посвятил мир Непорочному Сердцу Марии после прочтения по радио своего обращения к Португалии, которая праздновала двадцать пятую годовщину фатимских явлений, а 8 декабря того же года в базилике Святого Петра он официально совершил это посвящение, призвав всех епископов мира сделать это в своих епархиях.

В ответ на пожелание Папы в разных странах Европы и обеих Америк (казалось, между ними существует какое-то негласное соглашение) были организованы „паломничества Божьей Матери“ со статуями из самых знаменитых храмов.

В Италии, в Медиолане, кардинал Ильдефонс Шустер одобрил предложенное Советом Настоятелей так называемое „паломничество Марии“ Во время его открытия в воскресенье 11 марта 1947 года перед более чем сотысячной толпой собравшихся на кафедральной площади предстала благословенная статуя работы Малерба. Неожиданным для всех оказался большой наплыв народа, энтузиазм христиан, а также молитвенный и покаянный дух, который с самого начала сопутствовал этой новой разновидности марианских паломничеств.

Час Марии

Пробил час Марии, предсказанный Людовиком Гриньоном де Монфор и Катариной Лабуре, которых как раз в то время канонизировал Пий XII. Во всех сердцах укреплялась вера в Божию Матерь, а теологи развивали учение о Деве Марии. Пий XII личным примером положил начало резкому усилению набожных чувств и интереса к Божией Мате-

ри, чем заслужил прозвище „Папы Римского Непорочного Сердца Марии“

Помимо торжественного посвящения мира (31 октября и 8 декабря 1942 года), а также отдельно России (7 июля 1952 года) Непорочному Сердцу Марии, папа Пий XII распространил это посвящение и на Церковь: устроил в 1946 году коронацию Фатимской Божией Матери, 1 ноября 1950 года провозгласил догмат о Ее Взятии на небеса (самое важное событие Юбилейного Года), объявил 1954 год Годом Пресвятой Богородицы в память о сотой годовщине провозглашения догмата о Непорочном Зачатии. Он также установил 31 мая праздник Марии-Царицы и увенчал свой почти двадцатилетний понтификат особенным Годом Марианским, посвященным столетию чудесных явлений в Лурде (1858–1958). Вскоре после Мариологического и Марианского Конгресса в Лурде Пий XII умер, оставив в завещании пожелание, провозглашенное легатом, кардиналом Тедескини: чтобы каждый народ, каждая епархия, каждый приход и каждая семья посвятили себя Непорочному Сердцу Марии.

Посвящение Италии

Из энтузиастов – теологов и священников – писавших в периодике и устраивавших конференции на эту тему были: отец Д. Роскони из Служителей Марии, доминиканец отец Спинацци, священники Стефан Ламера и Габриэль Аморт из Общества Святого Павла, иезуит Доминик Мондроне. Из католической прессы, занимавшейся этим вопросом, можно назвать: „Vita Pastorale“, „Madre di Dio“, „Messaggero del S. Cuore“, „Lampade viventi“, „Luce di Fatima“, „Madre e Regina. Даже итальянская телекомпания РАИ и Радио Ватикана дважды высказали предложение посвятить Италию Непорочному Сердцу Марии. Все говорило о том, что посвящение будет осуществлено Пием XII в конце 1954 года, Года Пресвятой Богородицы, однако, вследствие серьезной болезни Святого Отца этот обряд пришлось отложить до лучших времен. В то же время в душах многих итальянских католиков зрела потребность посвящения всего

итальянского народа Непорочному Сердцу Марии. Особую роль в приближении этого события сыграли отцы из Общества Святого Павла, в особенности, незабвенной памяти кардинал Джакомо Леркаро, архиепископ Болоньи.

Намерения епископата

Во время конференции итальянских епископов, проходившей в Риме 31 декабря 1958 года, кардинал Леркаро предложил посвятить Италию Непорочному Сердцу Марии. Присутствовавшие на конференции кардиналы и епископы и воодушевлением поддержали это предложение, а Иоанн XXIII 14 декабря одобрил его во время аудиенции для епископов. Посвящение было назначено на 13 октября, день окончания XVI Итальянского Евхаристического Конгресса, чтобы подтвердить истину „через Марию к Иисусу“, а в качестве места этого обряда был выбран город Катания, расположенный наподолеку от Сиракуз, где почитается Плачущая Божия Матерь.

Организационный комитет

Подготовкой торжественного обряда руководили кардинал Джакомо Леркаро и два епископа – Костантино Каминада и Марио Кастеллано, ассистент итальянского Католического Движения. Сама подготовка была поручена группе „Марианская Связь“ с епископом Джованни Страццакаппа в качестве секретаря и священником Габриелем Аморотом в должности заместителя секретаря.

Чтобы усилить религиозные чувства верующих и создать в Италии соответствующий посвящению духовный подъем, следовало пробудить к грядущему событию общественный интерес. Для этого – помимо проповедей в церквях и статей в католических журналах – следовало (и это было главным) тщательно подготовить весь обряд, чтобы он остался в истории, чтобы к нему были обращены

все современные средства массовой информации – пресса, кино, радио, телевидение – и чтобы событие это отозвалось во всех городах Италии.

Путь Девы Марии

В это время зародилась идея разработать маршрут путешествия Фатимской Божией Матери, Вестницы добра как для верующих, так и для людей, отдаленных от Бога. Никакая другая идея не могла так быстро привлечь всеобщее внимание и довести до сознания людей важность принятого итальянскими епископами решения.

Письмо с предложением о путешествии Фатимской Божией Матери по Италии было послано 7 февраля 1959 года, в первую субботу месяца из Медиолана. Одновременно в Рим поступило предложение воздвигнуть в Триесте храм в честь непорочного Сердца Марии, чтобы таким образом увековечить посвящение Италии.

Во время второго пленарного заседания Марианского Комитета, которое проходило 26 февраля в Болоньи при участии кардинала Леркаро, было принято и то, и другое предложение, и об этом было немедленно сообщено итальянским епископам. Времени оставалось немного. В течение месяца благодаря усилия епископа Страццакappa и священника Аморта программа была составлена и согласована с церковными и государственными властями. Кардинал Леркаро публично заявил о путешествии Девы Марии в пространной статье, напечатанной 19 марта 1959 года в „L'Osservatore Romano". Две трети епископов к тому времени уже приняли с энтузиазмом это предложение и создали епархиальные Марианские комитеты. Ожидался грандиозный триумф Божией Матери, однако, действительность превзошла самые оптимистические прогнозы.

Руководители Мальтийского Ордена, пользуясь своими связями с итальянской авиацией, предложили помощь в организации путешествия и накануне отъезда делегации в Фатиму заказали все необходимые перелеты, как на самолетах, так и на вертолетах.

Маршрут Рим – Лиссабон – Фатима – Неаполь

Утром 23 апреля 1959 года, в четверг, из аэропорта Чиампино взлетел военный самолет, на борту которого находились вице-председатель Итальянского Марианского Комитета епископ Каминада, секретарь епископа Страццакаппа, а также другие члены Комитета. Таким было начало исторических для Италии событий. Местом назначения был Лиссабон, а целью поездки – Фатима, где делегация должна была взять из храма под свою опеку почитаемую статую Божией Матери, ту самую статую, которая уже побывала во всех уголках мира. На этот раз Божия Мать должна была направиться в Италию, чтобы там стать нареченной Матерью и Королевой, чтобы принять посвящение всего итальянского народа и участвовать в торжестве своего Божественного Сына на Евхаристическом Конгрессе в Катании.

В Лиссабоне делегацию из Рима встречала группа итальянцев и представитель кардинала-патриарха.

Рой журналистов, фоторепортеров, кино- и телеоператоров, столпившихся вокруг прибывшей делегации, наглядно продемонстрировал интерес португальцев ко всему, что связано с Фатимой. Кардинал Сережейра обратился к членам Итальянского Марианского Комитета со словами, которые вряд ли можно было назвать просто официальным приветствием. Он выразил уверенность в том, что грядущие события станут историческими для Италии, он говорил о необычайных милостях и благах, которых будет удостоена Италия в связи с прибытием туда Пресвятой Девы, „потому что это происходит везде, где Она появляется”.

В Фатиме епископ Венансио передал Комитету белую статую, которая – по утверждению Луции – был наиболее „похожей” из всех. Предстоял перелет в Неаполь. С этого момента начинается странствие „живой” Божией Матери среди Ее детей с Апеннинского полуострова.

Это средство перемещения из одного города в другой сделало путешествие необычайно торжественным – и достойным неземной Странницы. Кроме того, благодаря этому не возникало длинных процессий, пробок на дорогах, итак переполненных в летний сезон, обеспечивалась точность прибытия и отъезда, облегчалось посещение мест, наиболее нуждающихся в благословении Божией Матери и недостижимых иным способом ввиду краткости пребывания Пресвятой Девы в каждом городе.

Вряд ли кто-либо отдавал себе отчет в том, почему волнение охватывало всех – летчика, миссионеров, просто верующих, когда за стеклом вертолета они различали невинный образ Божией Матери. А сколько было пролито слез! Заключение, больные, монахини были счастливы, если над их домами (будь то дом наказания, страдания или молитвы) пролетала Божия Матерь. А что можно сказать о тех районах, где люди часами ждали появления на горизонте очертаний вертолета и были вынуждены, разочарованные, с наступлением темноты расходиться по домам, так ничего и не увидев? При этом были и письменные протесты, и возмущенные телефонные звонки, и автомобильные марши, направленные на выяснение причин, по которым вертолет не пролетел над тем или иным местом. Сколько писем пилотам, рекомендаций от священников и епископов, телеграмм было направлено ради того, чтобы трасса полета Божией Матери прошла над соответствующей местностью.

После полетов приходили взволнованные письма с благодарностями от монахинь, от больничных капелланов... „Мы никогда не забудем того волнения, которое нас охватило при виде Божией Матери“. В больницах, тюрьмах, монастырях только об этом и говорили; да и потом в памяти оставалась радость от благословения Божией Матери.

Использовались четыре вертолета: на двух из них был совершен перелет из аэропорта Каподикино вблизи Неаполя в Триест и обратно; с помощью третьего вертолета в течение ста дней отслужили триста Месс, причем перелеты совершались даже в самых плохих погодных условиях, а

взлеты и приземления – на совершенно неподготовленных площадках; четвертый вертолет понадобился для совершения около сотни различных рейсов. К этому надо добавить пять самолетов, использованных для совершения больших перелетов: Рим – Лиссабон – Неаполь; Гроссето – Кальяри – Альгеро – Пиза; Пиза – Рим.

Как вертолеты, так и самолеты были предоставлены итальянской авиацией Мальтийскому Ордену.

Божия Матерь наиболее ярко свидетельствовала о Себе самой, Она была причиной этого путешествия. Она по-королевски направляла его, Она была его венцом. Ее должны были торжественно посвятить в Королевы Италии, и оказалось, что Она действительно не только Мать, но и Королева.

Вертолеты использовались вовсе не в целях достижения особенного эффекта, а для облегчения перемещений святого образа из города в город и для достижения наименее доступных мест.

Прокаженные из Аквавивы, паломники из Монтеверджины, из Лорето, рыбаки из Комаччио и С.Элии, горцы из Специано Альбесе, больные из Монте-Короны именно благодаря воздушным путям Божией Матери познали одну из величайших радостей в своей жизни.

„Живая” Божия Матерь

„Уже с первого перелета создалось впечатление, – утверждает один из миссионеров, сопровождавших статую, – что сама Божия Матерь таинственным образом оказалось среди нас и определила наш путь. Это ощущение еще больше усилилось благодаря тому, что тысячи христиан и священников приходили поклониться Ей во всех епархиях, которые мы посетили”

„К нам пришла живая Божия Матерь”.

Самое замечательное свидетельство этого необычайного прихода Божией Матери дал кардинал Сири, архиепископ Генуи, в своей прощальной речи:

Речь идет не просто о посещении нашей страны странствующей статуей, ибо нас посетила сама

Пресвятая Дева, а изображение было лишь посредником...

Но если обычно роль, выпадающая святым изображениям довольно-таки скромна, то в эти дни она невероятно возросла. Чудесная статуя явилась во всем своем блеске и показала свою удивительную силу.

Я не хочу сказать, что так думают все, кто встречал или провожал Божию Матерь... кто каким-то иным образом встречался с Нею. Я часто слышал, как молодые люди, пришедшие из праздного любопытства говорили: „Ну и что. Статуя как статуя – похожа на все остальные...“ Точно так же не все, разговаривавшие с Иисусом в Палестине или принимавшие Святое Причастие, встали на путь истинный.

„Италию посетила сама Божия Матерь!“

Божия Матерь позаботилась о том, чтобы рассеять некоторое беспокойство, овладевшее перед Ее прибытием отдельными епископами, боявшимися, что почитание Божией Матери может превратиться в поклонение статуе и принять приземленные и чисто внешние формы, свойственные суевериям.

Царица сердец

Епископы в один голос твердили, что еще никогда не видели такого энтузиазма и такого стечения народа, но – что еще важнее – таких ярких проявлений религиозных чувств.

Многие говорили, что это было не только крупнейшее религиозное событие, но и важнейшее событие в общественной жизни. Так считали жители Ареццо, Перуджи, Терни, Латины, Ливорно, Пизы, Гроссето, Массы, Кальяри, Нуоро, Генуи, Алессандрии, Мантуи, Тридента, Больцано, Винченцы, Падуи, Тревизо, Пьяченцы, Пармы, Кремоны, Комо, Брешии, Бергамо, Анконы, Рорли, Кампобассо, Матеры, Таранто, Лечче, Реджо-ди-Калабрии, Палермо, Трапани, Кальтаниссетты, Рагузы, Катании, Римини и других городов.

Необычайная радость в городах

С глубоким волнением Божию Матерь встречали во всех городах. Во всех сердцах Она пробуждала живую радость. Те, кто обычно противился любым формам почитания изображений, были поражены. Даже „враги“ не осмелились сказать что-то плохое против путешествующей статуи. В течение 150 дней религиозный дух и энтузиазм не падали ни на минуту.

Тридент был воодушевлен не менее, чем Палермо, а Палермо испытало не меньшую радость, чем Тридент, Больцано и Гориция. В этом смысле не было большой разницы между севером и югом страны, между традиционно религиозными областями и районами, где религиозные чувства выражались не так сильно. А если и существовало какое-то ощутимое различие, то заключалось оно в том, что – хотя прием Божией Матери в крупных городах выглядел более грандиозно, чем религиозная манифестация в провинции – в каком-то смысле апофеозом путешествия Божией Матери было Ее пребывание в небольших городах.

К чести южан, они были довольно сдержаны во внешних проявлениях религиозных чувств, несмотря на необычайный энтузиазм, царивший в этой части полуострова, и массовое стремление людей к исповеди и причастию (которое, впрочем, имело место и в северных городах). Никаких фейерверков, никаких танцев и песен – только Мессы, богослужения, связанные с розарием, постоянные бдения, покаянные шествия.

Только в трех или четырех городах из ста семи ночные бдения были прерваны из-за закрытия церквей – и то не по причине нехватки паломников, а по распоряжениям руководителей местных комитетов... Какое волнующее зрелище представляла собой процессия паломников, которые, читая розарий и распевая гимны, непрерывно стекались со всех концов города! Некоторые города с момента прибытия Божией Матери превращались в один большой собор, сводами которого было небо, а нефами – улицы.

Это был праздник сердец возле Небесной Матери, радость душ, оказавшихся рядом с Царицей Мира – словно

растянувшееся на 150 дней Сошествие Святого Духа в тех городах, где побывала Ее статуя.

Единственный в своем роде апофеоз

Перед Божией Матерью открывались все двери, даже города, наиболее подверженные жажде наживы и развлечений, были очарованы Ею. Мария появлялась, словно райское видение, и оставляла за Собою полосу света, радости и веры в лучший мир.

Мария шла от торжества к торжеству, от города к городу, через апофеоз своего триумфа в городах Анкона, Фоджа, Салерно, Кампобассо, Матера, Лечче, Таранто, Козенца, Реджо-ди-Калабрия, Кальтаниссетта, Рагуза к незабываемым дням в Палермо, Катании, Риме, Триесте, Римини.

Согласно свидетельству самого лейрийского епископа, ни в одной стране мира Божия Мать не чувствовала себя так хорошо, как в Италии, где оказанное Ей почтение было наиболее духовным и глубоким.

Среди встречавших Божию Мать всегда были: префект, квестор, правитель провинции, депутаты, высшие городские должностные лица, военные и школьные власти, бургомистр и широко представленный городской совет. В Комо, в Триденте, в Удине, в Кальтаниссетте и в других городах почти всегда присутствовали представители всех общин с отрядами знаменосцев.

Как правило, отделение солдат отдавало честь Божией Матери в момент прибытия и момент прощания. А военные летчики (вместо них могли быть представители какого-то другого рода войск или полицейские) были счастливы находиться в эскорте ехавшей в машине Божией Матери. В Модене эта честь выпала курсантам военной академии, в Ливорно – курсантам военно-морской школы, в Казерте – воспитанникам летной школы.

Во всех манифестациях всегда присутствовала прекрасная доля стихийности. Почти для всех оргкомитетов приятным сюрпризом было то, что при весьма ограниченных средствах пропаганды, а зачастую – при полном

молчании не только центральной, но и местной прессы – на встречу с Божией Матерью собирались невиданные толпы людей, которые прежде невозможно было собрать для манифестаций даже при тщательной подготовке.

„То, что больше, чем миссия!“

Повсюду в любое время дня и ночи в исповедальни приходили кающиеся, исповедники падали от усталости, чаши с облатками пустели во мгновение ока. Недоставало скорее исповедников, облаток, исповедален, чем христиан.

В некоторые часы, с шести до одиннадцати утра и с четырех до десяти часов вечера не хватало и пятидесяти исповедален, а в больших городах – даже сотни.

Повсюду – в большей или меньшей степени – проявлялась одна замечательная особенность, связанная с глубоко внутренним характером пребывания Божией Матери. Она брала сердца христиан и несла их Иисусу. Даже если шли к Ней из любопытства, то после этой встречи приходили к исповеди.

Такого рода случаев было множество. Кардинал Руффини очень точно назвал эту встречу сердец: „Пасха Божией Матери“. Кардинал Сири писал: „Нельзя говорить о том, что это была экзальтация, ведь когда речь идет о молитве, о покаянии, об изменении своей жизни, мы находимся в сфере истины и силы, а отнюдь не иллюзии. Повсюду царил дух необычайности“.

Епископы замечали: „Это больше, чем миссия“. Епископ Матолезе из Таранто сказал: „Я дважды совершал миссии: один раз с сотней, а в другой – с полутора сотнями миссионеров в течение пятнадцати дней; но Божия Матерь одна за два дня достигла несравненно большего...“ Кардинал Фосати, архиепископ Турина говорил: „Только Божия Матерь могла наполнить церкви и площади таким количеством народа. Наши предки, строя собор, безусловно, не могли себе вообразить фатимский толпы!“

Нередко при первой встрече еще оставалось некоторое недоверие, выразившееся в неприятии предложений миссионеров или же отдельных частей программы. Но можно

с уверенностью сказать, что все эти неприятные моменты исчезали, словно от прикосновения волшебной палочки, в первый же час (или, в крайнем случае, в конце первого дня). Чудесным образом Божия Матерь возвращала гармонию, мир и радость каждому сердцу.

Оказалось, что стадионы для встреч с Божией Матерью удобнее, чем площади. В Падуе пришлось провести встречу не в кафедральном соборе, а в базилике Святой Иустины, в Брешии пришлось провести встречу на площади, где проходили военные парады.

Во время этого удивительного путешествия Божия Матерь взяла на себя роль Повелительницы, и все люди шли к Ней с безграничной верой. Даже в том случае, когда люди просили миссионеров о молитве или о специальном богослужении, желая получить какую-либо милость, обратиться к Богу или доверить сокровенную тайну, просьбы были адресованы не просто к священникам, а к служителям Божией Матери. И Божия Матерь – как Лурдская, так и Фатимская – никогда не обманывала их надежд (даже если желанные милости даровались не сразу). Все отходили от чудесного образа с великим даром внутреннего успокоения.

Вестница мира

Характерной особенностью появлений Неземной Путешественницы – в том числе и в других странах – были голубки, сидевшие на ступнях и голове статуи, причем отогнать их было невозможно.

В Италии эта особенность проявилась после первого же переезда. В Резине, в Кампании, когда появилась Божия Матерь, кто-то выпустил четырех голубок. Две из них улетели, напуганные пушечным выстрелом, а две другие опустились на ступни Божией Матери и оставались там: одна – до Торре Анунциата, а другая – вплоть до самой площади перед храмом в Помпее, где ее пришлось попросту согнать со статуи. В Пизе во время процессии Божией Матери монахи открыли клетки с голубями; две голубки тут же опустились на статую и оставались на ней не только во время

пути, но и в соборе, где они находились всю ночь и весь следующий день.

В память о происходивших событиях на пожертвования (не всегда крупные, но всегда щедрые) верующих итальянцев в Триесте был воздвигнут памятник Божией Матери и Царицы, символизирующей единство всех народов Востока и Запада.

Но еще более дорогим для Царицы Небесной стал живой памятник в сердцах людей и осуществленное народом Италии посвящение Сердцу Божией Матери.

Двадцатью годами позднее организаторы Итальянского Марианского Движения предложили подтвердить и возобновить посвящение. Предполагалось устроить торжества и паломничества, еженедельные религиозные раздумья, побудить людей вновь пережить посвящение через крест, обрести общенародное христианское единство, необходимое для достижения истинной веры. Специальные торжества проходили в Катании, где тринадцатого сентября 1979 года произошло торжественное посвящение, и в Триесте, где воздвигается храм в честь Марии – Матери и Королевы. Итальянцы, помня о том, что на протяжении многих веков они были возлюбленным Марией народом, собираются посвятить двадцатилетие, отделяющее нас от нового века, Пресвятой Деве Марии. Уже сейчас празднуется двухтысячелетие рождения Марии, которое приходится на промежуток с 1978 по 1981 год. Если – согласно Божественному Провидению – Мария предварила, приготовила приход Христа в мир и помогла Ему появиться на свет, Ее пример символичен для Церкви. Христос вновь придет на землю, если Церковь уподобится Марии. Подготовим же вместе с Марией Фатимской третью эру христианства. Епископ Франческо Франци, директор Марианского Координационного Центра в Италии, придумал оригинальный и вдохновенный программный лозунг для этого движения итальянских христиан: „Вместе с Марией к третьему тысячелетию христианства – на встречу с Христом“

Папа Римский Иоанн Павел II,,, в гербе которого есть эмблема и огонь посвящения Деве Марии, одобрил этот девиз: „Эти слова близки моему сердцу“

Окончание

Имеют ли фатимские явления настоящую историческую ценность? Нужно признать, что необычайные явления и события, главными героями которых были дети из Фатимы, до сих пор не исследованы с научной точки зрения. Некоторые теологи старались в фатимской тайне отделить события, которые представляли собой Божии милости, от тех, которые были только реакцией детей на эти милости, разделить явления действительно чудесного происхождения и события, достоверность которых может быть подвергнута сомнению.

Если принять во внимание многолетнее отсутствие критического издания документов – а к этой задаче уже приступила группа ученых под руководством отца Джиакино Алонсо из Международного Учебного Центра Кларетиянум в Риме – то оказывается, что на некоторые вопросы (например, когда Луция впервые сказала об „обращении России“?) ответить трудно. Было ли солнечное чудо, произошедшее 13 октября 1917 года, которое очевидцы так поразному описывали и которого не зафиксировала ни одна обсерватория, действительно чудом, или оно было лишь знаком свыше? Было ли это групповое видение или явление метеорологического характера? На все эти вопросы мы сможем легко ответить, если будем располагать критическим изданием документов. Однако тайна, которая должна была быть открытой в 1960 году, все еще остается тайной, так же, как и некоторая другая информация, которую, как считают люди, руководящие фатимским движением, пока еще рано предавать гласности.

Можно, однако, подвести некоторые итоги и отделить неземное послание, полученное тремя пастушками в далеком 1917 году, от того, что стало плодом позднейших раздумий и переживаний – особенно это касается Луции, которая стала монахиней и которая жива и до сих пор.

Сущность фатимского послания заключается не в тайне и не в каких-то видимых знаках (даже если они достоверны). Суть его – в высокой духовности, которая прекрасно согласуется с теологическими выводами Второго Ватиканского Собора и состоит из трех частей: покаяния, молитвы и почитания Непорочно Сердца. Но вместе с тем, эти три части сливаются воедино в чтении розария. „Это действительно призыв Фатимской Божией Матери, обращенный ко всему миру,“ – как сказал уже Пий XII.⁴⁴

В течение последующих шестидесяти лет многое переменялось, некоторые религиозные тенденции сошли на „нет“, другие – наоборот, набрали силу после II Ватиканского Собора.

Что думают сегодня христиане о фатимских явлениях? Прежде всего нужно сказать, что Церковь рассматривает фатимские события как проявление сил неземной природы.

Такие явления – как сказал Бенедикт XI – не нуждаются в каком-то особенном утверждении – их можно лишь сопровождать свидетельствами людей, трезво оценивая при этом степень достоверности их слов.

Однако – если речь идет о Фатиме – необходимо добавить, что Церковь побуждает нас к познанию этих явлений своим разумом и сердцем. Главное утверждение Церкви – признание молитвенного и покаянного чуда, начавшегося с Фатимы (как некогда – в Лурде). Но молитва и покаяние неразрывно связаны с историческими событиями – с явлениями, произошедшими между 13 мая и 13 октября 1917 года – ведь именно они послужили причиной дальнейших паломничеств.

Тот, кто сегодня высказывает различные сомнения, когда речь заходит о фатимских событиях, или кто просто скептически относится к такого рода явлениям, имеет на это полное право, и нет необходимости его переубеждать. Однако он должен уважать чувства верующих, не высказываться по этому поводу пренебрежительно и не заводить споров, хотя бы потому, что сама Церковь официально одобрила эту форму почитания Пресвятой Девы Марии.

---

⁴⁴ *Radiomessaggio per il 13 ottobre 1951, B: Atti e Discorsi di Pio XII, Рим 1951.*

Послесловие

История Фатимы продолжается. Продлевается последующими папскими понтификатами, приобретая все более полную и четкую форму. Время приближает человечество к исполнению всех предзнаменований из Кова-да-Ириа и разгадке всех загадок, связанных с явлениями 1917 года. Пано라마 служения Первосвятителей Католической Церкви вводит как бы новую категорию в историю фатимского воззвания: не только его надежность и постепенная самореализация в свете предсказаний, переданных посредством Луции, Гиацинты и Франсиско, а также влияние Церкви на приближение окончательного исполнения „Послания с небес“. Конечно, так хочет Бог. Хочет, чтобы исполнение фатимского воззвания было приближено с помощью молитвы, раскаяния и марианского образа жизни учеников Христа.

И все это становится так отчетливо особенно сегодня, когда на Апостольский Престол вступил по воле Божией Папа славянин, Иоанн Павел II.....

Что же говорит об этом понтификат Иоанна Павла II? Перескажем это вкратце. Сначала необходимо указать на глубокую марианскую духовность Святейшего Отца, духовность, открытую на фатимское воззвание. Присмотримся также его миссии в свете событий 13 мая 1981 года, когда в сторону Иоанна Павла II раздались смертоносные, но, однако, бессильные против силы Божией, выстрелы. Отдадим право голоса самому Святейшему Отцу во время его пребывания в доме Фатимской Богоматери в годовщину покушения. Невозможно не упомянуть возобновленных им актов Посвящения Церкви и Мира Пресвятой Богородице во время многих паломничеств к святыням Марии. Они убедительно указывают на необходимость не только Посвящения мира Марии, но и того, чтобы мир предал себя Марии. Каждый верующий должен вместе со Святейшим Отцом повторить слова: „Я весь Твой, о Мария!“

Это таинственная дорога, которую показывает нам современная, погруженная в фатимской тайне, история Церкви и Мира.

Иоанн Павел II – ТОТ, кто доверился Марии

Первые слова новоизбранного рулевого ладьи Петровой указывают на профиль службы, который обозначит деятельность Святейшего Отца в последующие годы: Церковью руководит человек, который посвятил себя Пресвятой Богородице. Мы помним слова, произнесенные 16 октября 1978 года, направленные верующим, с балкона Собора Святого Петра в Риме:

Я боялся принять этот выбор, но я принял его духе послушания Господу нашему Иисусу Христу и в полном доверии Его Матери Пресвятой Деве Марии... И вот я стою перед вами, чтобы исповедовать нашу общую веру, нашу надежду и наше доверие Пресвятой Деве Марии, Матери Божией и Матери Церкви, а также начать с начала эту дорогу в истории Церкви, начать с помощью Бога и с помощью людей...

Эту же мысль возобновляет Святейший Отец в произнесенном на следующий день воззвании *Urbi et Orbi* („Граду и Миру”), в котором отдаленным эхом слышится фатимское воззвание:

В это самое время, тяжелое и пробуждающее тревогу, мы должны с сыновней преданностью повернуться в мыслях к Пресвятой Деве Марии, которая в Тайне Христа всегда живет и действует, как Мать, и мы должны повторить эти слова: *Totus Tuus* (Весь Твой), которые 20 лет назад, а в день Епископской Хиротонии, мы записали в наше сердце и на нашем гербе”.

Это было начало. Начало марианского служения Святейшего Отца. Начало посвящения мира, отдельных его стран и народов Сердцу Пресвятой Богородицы. Слова присяги преданности Марии произносились с кафедр Апаресиды, Кнока, Лурда, Ясной Горы (Ченстоховы), римского собора Санта Мария Маджиоре. Мысль о материнском присутствии Марии наполняла все паломничества Папы, его служение в Церкви и осознание его посланничества.

Святейший Отец не упускает ни одной возможности, чтобы учить верующих следованию за Христом по примеру Марии, чтобы указывать на необходимость марианского характера благочестия в современной Церкви. Он посещает святилища Марии, принимает участие в торжествах,

посвященных Ее святости. Проводит глубокую „марианскую катехизацию“, вызывающую к уверованию в Бога. Каждое свое послание, все энциклики, заканчивает размышлениями о Марии. Богородица важна для него всегда, и везде присутствует. Она является „ключем“ к лучшему завтра.

Покушение

Ответ на поставленный выше вопрос становится гораздо более убедительным, когда на жизнь Иоанна Павла II, человека, полностью отдавшего себя Марии, поднимают руку силы зла, опасные своим господством. Уже в первой книге Библии (Бытие) говорится о ненависти сатаны по отношению к Непорочной Деве. Читаем о борьбе, о победе раненой Жены. Видение борющегося с Женой змея усугубляет драму истории мира. Бессильное зло жалит тех, кто становится для победоносной борьбы возле Марии. Тайные, действующие скрыто, прикрывающиеся видимостью добра в минуты явного проигрыша, силы сбрасывают маску и показывают всю свою мерзость и гадость. Выстрелы на площади Святого Петра – это отголосок бессильного гнева сатанинских сил по отношению к рождающемуся в службе Святого Отца новому миру, приход которого и предсказывала Фатимская Богоматерь.

Характерно, что покушение пришло 13 мая, в день первого явления Матери Божией перед тремя португальскими детьми. Только ли это случайное совпадение дат? Сам Святой Отец видит в этом событии непосредственную связь с датой 13 мая 1917 года. В годовщину покушения он говорил об этом словами, которые являются лучшим комментарием к его „Фатимскому контексту“:

Очень хочу сказать Вам с доверием: с давних пор прибытие в Фатиму было моим намерением... но когда год назад на площади Святого Петра произошло покушение, когда ко мне вернулось сознание, мысли мои немедленно устремились к этому святилищу, чтобы поблагодарить Сердце Матери Божией... Во всем, что произошло, что случилось, я увидел – и всегда буду это повторять – особенное Покровительство Богородицы.

Дополним эти слова признанием Папы, когда после выхода из больницы он посетил могилу Святого Петра и

могилы Павла VI и Иоанна Павла I. Признал тогда с болью и благодарностью:

Я думал, что будет там на один гроб больше. Но Господь распорядился по-другому; и Святая Дева Мария – так как мы все хорошо помним, каким днем было 13 мая – тоже способствовала этому „иначе“.

Святой Отец хорошо осознавал, что спасением жизни он обязан Пресвятой Деве Марии. 7 октября, во время генеральной аудиенции, он говорил относительно событий, происшедших несколько месяцев назад:

Я вновь стал должником Пресвятой Девы Марии, а также всех Святых Покровителей. Мог ли я забыть, что именно в этот самый день, в то же самое время, что и события на площади Святого Петра, более 60-ти лет тому назад в Фатиме, в Португалии, произошло явление Святой Богородицы бедным деревенским детям? Поэтому во всем, что случилось именно в этот день, я чувствовал ту необычайную заботу и материнскую опеку, которые оказались сильнее, чем смертоносная пуля.

Почему так случилось? – этот вопрос не сходил с уст миллионов в тот страшный день. „Существуют мотивы, которые уточняют утверждение, что Мохамед Али Агча был единственным, представляющим планы, разработанные неизвестными силами, которые использовали его в качестве орудия, руководили им и охраняли его, – „писал 29 мая 1981 года „Paris Match“. Это достоверно. Оружие, нацеленное в Папу, было направлено невидимой силой зла. День 13 мая в Риме является символическим изложением истории, предсказанной Пресвятой Девой в Фатиме. Побеждены силы зла, которые черпают свою силу, уничтожая добро. Но добро всегда в конце концов побеждает. Покушение на Святого Отца как бы приближает к нам не только словом, но и происходящими на наших глазах фактами, подтверждение фатимских предзнаменований. „Уверуйте, Я победил мир“ – говорит Иисус (Ин. 16,33) „Святой Отец будет много страдать, – предсказывала Божия Матерь в Фатиме – но в конце концов Мое Непорочное Сердце восторжествует“. И действительно, мы можем верить, что после дней испытаний придут дни свободы и благоденствия для мира и Церкви, времена победы Добра над злом и любви над ненавистью.

Разве в 17.15 13 мая 1981 года на отзвук четырех выстрелов из оружия нападающего не появилась над нами первая

ласточка фатимского предзнаменования? Вестник весны Христа? Нет поводов, чтобы этому возразить.

В этом контексте особое значение приобретают слова Святого Отца, касающиеся фатимской тайны:

„Хотите ли вы, чтобы я вверил вам „Тайну...? Это ясно и уже тайной не является: „Молитесь много, каждый день произносите часть Розария“.

Паломничество в Фатиму

В воскресенье 7 марта 1982 года Святой Отец объявил собравшимся на совместной молитве верующим, что хочет совершить паломничество в Фатиму:

После прошедших в минувшую неделю реколекций я хочу вам сообщить: 13 мая я стремлюсь быть в Фатиме, чтобы наконец выразить благодарность Пресвятой Богородице, которая по-матерински опекала меня во время покушения, а также, чтобы просить Ее о снисхождении и помощи для Церкви и для всего человечества.

Это было паломничество благодарности, непосредственно связанное с драмой на площади Святого Петра.

Святой Отец Иоанн Павел II прибыл в Святыню поздно вечером 12 мая 1982 года и остался там до позднего вечера следующего дня. Начало встречи с Фатимской Богородицей – это тихая и глубокая молитва. Она продолжилась и на следующий день, когда Святой Отец встал на колени в уединенной молитве перед Пресвятой Девой Марией, ровно через год после покушения на его жизнь. Иоанн Павел II пришел в часовню на пять минут раньше, в 17¹⁰. Он спешил встретиться с Марией, своею Матерью, и быть с Ней, и молиться в тишине. Сосредоточенный, с наклоненной головой, закрыв лицо руками, он стоял на коленях. Свидетель этих минут пишет: „Самое большое впечатление о паломничестве Святого Отца произвела на меня перемена, которая совершилась в Иоанне Павле II после 40-минутной молитвы у ног статуи Богородицы Фатимской. Когда он стоял на коленях, выглядел очень уставшим, придавленным грузом множества испытаний, с огромной ответственностью и заметной грустью в глазах. Но вышел он оттуда ободренный, спокойный, светясь глубокой радостью!“

„Ни в одном из прежних заграничных путешествий не было такого, чтобы Святой Отец публично отлучался ото всех и молился в уединении в течение часа.“

Никто, кроме Бога и Матери Христа, не знает, что переполняло в тот момент сердце этого человека, полностью отданного Пресвятой Деве. О чем думал Святой Отец? Что говорил Богородице в глубине души? Может быть, то, что сказал фатимским паломникам:

Знаете, наверное, что с юности, по христианскому обычаю, я участвовал в паломничествах и... сейчас в этой Фатимской Святыне я спешу повторить для всех вас: *Totus Tuus*, (Я весь – Твой, о Святая Мария...) и с Твоей помощью, Мать Божия, сделать все, что Он (Христос) скажет.

Программа паломничества была насыщенной: сначала Розарий (Таины Славные). Затем поочередно процессия со свечами и Благословения. Утром: встреча с сестрой Луцией, единственным живым свидетелем явления 1917 года, 20-минутный разговор с глазу на глаз, встреча с епископами, чтение Розария (Таины Радостные). Процессия со статуей Фатимской Богоматери и, наконец, Божественная Литургия. Во время нее Святой Отец говорил:

„И с того момента Он взял Ее к себе“... (Ин 19,27). Иоанн услышал с высоты Креста Христова: „Вот Мать Твоя“. Но перед этим Христос сказал Матери: „Жена, вот сын Твой“.

Было это удивительное завещание... Мария стала Матерью Иоанна. Мать Божия стала матерью человека... А в облике Иоанна человек стал Ее сыном. Ведь каждый человек – ее ребенок...

Я нахожусь здесь именно в тот день, когда в прошлом году на площади Святого Петра в Риме было совершено покушение на жизнь Папы, что удивительно совпало с датой первого явления в Фатиме, которое произошло 13 мая 1917 года... Я прибыл, чтобы поблагодарить Провидение... Прибыл, чтобы – прежде всего – исповедать славу самого Бога... Да прославится Имя Твое, Мария, которая, как Храм Святой Троицы, является архитипом всей Церкви... В таинстве духовного материнства Марии постараемся понять то дивное воззвание, которое из Фатимы начало проникать в мир...

Если Церковь приняла воззвание из Фатимы, то, прежде всего, потому, что оно включает в себя прав-

ду и воззвание, которые по сути своей являются правой и воззванием самого Евангелия.

Святой Отец поочередно осмысливает указания Марии: ценность Розария, призыв к покаянию, а после дает верующим учение о значении предания себя Матери Иисуса Христа:

Сердце Марии открыто с той же любовью к человеку и к миру, с какой Христос любил человека и мир... Отдать и доверить мир Непорочному Сердцу Святой Богородицы – это означает приблизиться с Ее помощью к самому Источнику жизни... Это значит вернуться под крест Сына... отдать этот мир пробитому Сердцу Исккупителя... направляя Его слова к самому источнику искупления... Сердце Матери знает это. И к этому взывает.

Отдать себя и поверить Святой Марии – значит принять Ее помощь, чтобы отдать нас самих и все человечество Тому, кто Свят...

Святая Богородица зовет нас и призывает, чтобы мы объединились с Церковью Иисуса Христа в этом посвящении мира, в этом акте самоотречения... призывает и помогает нам объединиться в этом акте уверования, акте отдания мира...

Содержание фатимского воззвания очень глубоко связано со Священным Писанием, и поэтому Церковь чувствует призвание в его воплощении.

С чем же приходит к Святой Деве Марии, в Ее фатимское Святилище Иоанн Павел II, преемник Петра, продолжатель дел Пия, Иоанна, и Павла, наследник II Ватиканского Собора? Читает с дрожью в сердце призыв к покаянию, к спасению – тот страстный призыв Сердца Марии, который прозвучал в Фатиме 65 лет назад, и это Евангельское воззвание к покаянию и спасению... продолжает быть актуальным. И сейчас оно даже еще более актуально, чем 65 лет назад. Последователь Петра выступает здесь одновременно и свидетелем огромных страданий человека, и свидетелем опасности для всех народов, для всего человечества... Последователь Петра здесь еще более укрепляется в вере в избавление мира... Если сжимается сердце в предчувствии греха мира, в предчувствии опасностей, которые в нем нарастают, то это же человеческое сердце теплится надеждой еще раз совершить то, что совершили ево Предшественники:

еще раз отдать и вверить мир Сердцу Марии, Сердцу Матери и просить об опеке над теми народами, которые особенно в этом нуждаются.

Постараемся увидеть глазами веры „новое небо и новую землю“, усмотреть, какая огромная благодать дана человеку, когда на горизонте веры наших дней появится „Знамение великое“: Жена (сп. Ап. 12,1).

Воистину Благословенна! Да! Здесь и во всей Церкви, в сердце каждого человека и во всем мире – да благославит Тебя Господь, о Мария, Мать наша!

Проповедь Папы приготовила верующих к пониманию истинности и необходимости посвящения себя Святой Деве Марии, которая является Матерью каждого человека, Матерью всех людей, Матерью Церкви, Той, Которая любит весь мир.

Потом, после благословения Святыми Дарами, Святой Отец снимает митру, оставляет епископский жезл и направляется, уверенно и решительно, к статуе фатимской Богородицы. Он становится на колени. Наклоняет голову. Становится удивительно тихо. Люди встают на колени, склоняют головы. Слышатся спокойные слова:

Сорок лет назад, а также десять лет спустя, Твой слуга, Папа Пий XII, имея перед глазами трагический опыт человечества, посвятил Твоему Непорочному Сердцу весь мир, а в особенности, *те народы*, которые вызвали у Тебя особенное беспокойство и любовь.

То же человечество и те же народы перед моими глазами сегодня, когда я повторяю посвящение, совершенное моим Предшественником на Апостольском Престоле. Перед моими глазами – мир конца второго тысячелетия, мир современный, наш сегодняшний мир!...

Поэтому Ты, Мать людей и народов, знающая о „всех их страданиях и надеждах“, Ты, которая своим материнским сердцем чувствуешь борьбу добра со злом, света – с тьмой, борьбу, которая потрясает наш мир, услышь этот призыв, который в Духе Святом направлен прямо к Твоему Сердцу. Охвати своей материнской любовью все человечество, весь мир, который мы посвящаем Тебе с чувством тревоги за земные и вечные судьбы людей и народов.

А особенно мы хотим посвятить Тебе тех людей и *те народы*, которым это наиболее необходимо...

И сегодня, стоя пред Тобой, Мать Христова, я

вместе со всею Церковью жажду пред Твоим Непорочным Сердцем соединиться с Икупителем в этой жертве за мир и человечество, которые только в Его Божьем Сердце могут вымолить прощение!

Сила этой жертвы не ослабнет со временем. Она охватывает всех людей, все племена и народы, побеждает всякое зло, которое темные силы способны разжечь в человеческом сердце, в делах людей – то зло, которое так широко распространилось в наше время.

К жертве Икупителя через преемников Петра присоединяется Церковь – Мистическое Тело Христо-во...

Мать Церкви! Свети Народу Божию на дорогах веры, надежды и любви! Дай нам способность жить истиной Христовой жертвы за всю человеческую семью, существующую в нашем мире.

Посвящая Тебе, Мать Божия, весь мир, все народы и племена, особенно те..., мы посвящаем Тебе и самое посвящение за мир, совершая его в Твоем материнском Сердце.

О, Непорочное Сердце! Помоги нам победить то страшное зло, которое столь легко пускает корни в сердцах людей – зло, которое своими незримыми последствиями уже тяготеет над современным миром и способно закрыть дорогу в будущее!...

Прими, Мать Божия, этот призыв, наполненный страданиями всех людей! Наполненный страданиями целых народов!

Пусть еще раз снизойдет на мир бесконечная сила милосердной Любви! Пусть она остановит зло! Пусть в непорочном Сердце Твоем для всех откроется свет Надежды!

Иоанн Павел II, также, как и его предшественники, многократно отдавал мир под опеку Марии, напр. 7 июля 1981 года или 7 декабря 1981 года. В Фатиме он хотел исполнить все требования Святой Девы Марии: повсеместное (все-ленское) представление Церкви, особенное упоминание восточных народов в процессе посвящения. Специальным письмом пригласил всех епископов католического мира к духовному объединению с ним в день возобновления актов, совершенных Пием XII и Павлом VI. Кроме того пригласил в Фатиму несколько десятков епископов разных на-

циональностей, как представителей мирового Епископата.

Святой Отец совершил акт посвящения мира Непорочному Сердцу Марии. Мир вступил под опекой Святой Богородицы в свое фатимское время, также, как Иисус вошел в свое время под опекой Марии в Кане Галилейской.

Что принесут последующие годы? Господь Бог нам их даст! Мы же обещаем Ему уже сегодня свою молитву и раскаяние. И глубокую доверие Сердцу Матери Божией. Сердцу, в котором открывается для человечества новое будущее.

В. Лашевски

Приложение

Избранные молитвы

собрал
отец Сергей Гайек

ФАТИМСКИЕ МОЛИТВЫ

О Всемогущий Боже,
верую в Тебя, поклоняюсь Тебе,
уповаю на Тебя и люблю Тебя.
Прошу у Тебя прощения за всех людей,
которые не веруют в Тебя, не поклоняются Тебе,
не уповают на Тебя и не любят Тебя. Аминь.

Пресвятая Троица, Отец, Сын и Святой Дух,
всем сердцем поклоняюсь Тебе
и приношу Тебе в жертву драгоценное Тело, Кровь,
Душу и Божественную Сущность Иисуса Христа,
присутствующего во всех святилищах нашей земли
как искупление за обиды, святотатство и равнодушие,
которые Его оскорбляют.
Ради бесконечных заслуг Его Пресвятого Сердца,
а также Непорочного Сердца Марии
прошу Тебя об обращении несчастных грешников.

Следующая молитва читается обыкновенно в конце каждой тайны розария

Господь Иисус Христос, прости нам наши грехи,
избавь нас от адского огня и приведи в рай все души,
особенно те, которые больше всего нуждаются в Твоем
Милосердии.

АКТ ПОСВЯЩЕНИЯ МИРА

Пресвятой Деве Марии

Папой Римским Иоанном Павлом II

в духе единства
со всеми пастырями Церкви.
Фатима, 13 мая 1982 г.

„Под Твою защиту прибегаю, Пресвятая Богородица!”

Со словами этого антифона, которыми с давних пор молится Христова Церковь, я стою сегодня, Мать Божия, на Тобою выбранном и Тобою возлюбленном месте. Я переживаю чувство особенного единения со всеми пастырями Церкви, с которыми мы составляем единое целое, единую плоть, так же, как согласно воле Христа Апостолы были едины с Петром. С чувством этого единства я произношу слова посвящения, в котором еще раз желаю выразить надежды и тревоги Церкви в современном мире.

Сорок лет назад, а также десять лет спустя, Твой слуга, Папа Пий XII, имея перед глазами трагический опыт человечества, посвятил Твоему Непорочному Сердцу весь мир, а в особенности, *те народы*, которые вызвали у Тебя особенное беспокойство и любовь.

То же человечество и те же народы перед моими глазами сегодня, когда я повторяю посвящение, совершенное моим Предшественником на Апостольском Престоле. Перед моими глазами – мир конца второго тысячелетия, мир современный, наш сегодняшний мир! Церковь на Втором Ватиканском Соборе еще раз определила свою миссию в современном мире, вспомнив слова Господа: „Итак, идите, научите все народы... Я с вами во все дни до скончания века” (Мф 28, 19-20).

Поэтому Ты, Мать людей и народов, знающая о „всех их страданиях и надеждах”, Ты, Которая своим материнским сердцем чувствуешь борьбу добра со злом, света – с тьмой, борьбу, которая потрясает наш мир, услышь этот призыв, который в Духе Святом направлен прямо к Твоему Сердцу. Охвати своей материнской любовью все человечество, весь мир, который мы посвящаем Тебе с чувством тревоги за земные и вечные судьбы людей и народов.

А особенно мы хотим посвятить Тебе тех людей и те народы, которым это наиболее необходимо.

„Под Твою защиту прибегаем, Пресвятая Богородица; не презри молений наших в судьбах наших“.

Внемли нашей смиренной мольбе – и прими наше посвящение!

„Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную“ (Ин 3, 16).

И именно любовь побудила Сына Божия посвятить Себя Самого за всех людей: „...За них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною“ (Ин 17,19).

Силою этого „жертвенного посвящения“ ученики Христа во все времена призваны к живому участию в спасении мира; к довершению того, что Своими муками совершил Иисус, ради Его Тела, которым является Церковь (ср. Кол 1,24; Кор 12,15).

И сегодня, стоя пред Тобою, Матерь Христова, я вместе со всею Церковью жажду пред Твоим Непорочным Сердцем соединиться с Икупителем в этой жертве за мир и человечество, которые только в Его Божием Сердце могут вымолить прощение!

Сила этой жертвы не ослабнет со временем. Она охватывает всех людей, все племена и народы, побеждает всякое зло, которое темные силы способны разжечь в человеческом сердце, в делах людей – то зло, которое так широко распространилось в наше время.

К жертве Икупителя через преемников Петра присоединяется Церковь – Мистическое Тело Христово.

О, как глубоко мы чувствуем необходимость в жертве за мир и человечество, за наш современный мир вместе с самим Христом! Мир должен через Церковь принять участие в деле искупления, которое было начато Христом!

И потому нас огорчает все – будь то в Церкви, или в каждом из нас – недостойное святости и жертвы. Печалит нас также и то, что призыв к покаянию, обращению, молитве не был встречен и не встречается с подобающим воодушевлением.

Огорчает нас и то, что мы столь прохладно участвуем в деле Искупления Христова! Что мы сами делаем слишком мало во имя того, ради чего принял муки Христос (ср. Кол 1,24).

Пусть же будут благословенны все души, верные призванию вечной Любви!

Пусть будут благословенны все, кто день за днем с неисчерпаемой радостью принимают Твой, Пресвятая Дева, призыв к совершению того, о чем сказал Твой Сын, Иисус (ср. Ин 2,5), давая Церкви и всему миру радостное свидетельство вдохновенной жизни Евангелием.

Будь благословенна Ты, Служительница Господа, которая более всех послушна Божественному призыву! Радуйся Ты, целиком слившаяся с искупительной жертвой Своего Сына!

Матерь Церкви! Свети Народу Божию на дорогах веры, надежды и любви! Дай нам способность жить истиной Христовой жертвы за всю человеческую семью, существующую в нашем мире.

Посвящая Тебе, Матерь Божия, весь мир, все народы и племена, [особенно те...], мы посвящаем Тебе и самое посвящение за мир, совершая его в Твоем материнском Сердце.

О, Непорочное Сердце! Помогни нам победить то страшное зло, которое столь легко пускает корни в сердцах людей – зло, которое своими незримыми последствиями уже тяготеет над современным миром и способно закрыть дорогу в будущее!

От голода и войны – огради нас!

От атомной войны, от страшного самоуничтожения, от любой войны – огради нас!

От грехов против жизни человека в самом ее начале – огради нас!

От ненависти и попрания достоинства детей Божиих – огради нас!

От всяческих несправедливостей в жизни общественной, государственной и международной – огради нас!

От нарушения Божиих заповедей – огради нас!

От попыток попрания Божией истины в сердцах людей огради нас!

От грехов против Святого Духа – огради нас! Огради нас!

Прими, Матерь Божия, этот призыв, наполненный страданиями всех людей! Наполненный страданиями целых народов!

Пусть еще раз снизойдет на мир бесконечная сила милосердной Любви! Пусть она остановит зло! Пусть в Непорочном Сердце Твоем для всех откроется свет Надежды!

Молитва посвящения (словацкая)

Пренепорочная Дева Мария, радостно посвящаю себя Твоему Сердцу, которое превыше всего любит Божию волю. Едины с нашими предками, мы стоим сейчас, полные веры, Матерь Божия, перед Тобою и хотим Тебе вручить наше прошлое и Твоему Непорочному Сердцу посвятить наше настоящее и будущее. Тебе, Мария, Матерь Церкви, отдаем наше прошлое, к Твоим ногам складываем ушедшие столетия верности Богу и Христовой Церкви, столетия верности Божиего народа нашей страны Христовому учению. Благодарим Тебя, Дева верная, за то, что одарила нас расцветом, миром и покоем души, благодарим за исцеление от несчастий и болезней.

Прежде всего просим Тебя, Мария, Утешительница грешников, своему Сыну, Царю всех времен, передай наше сострадание и покаяние за грехи предков и за грехи наши, за грехи каждого и всеобщие. Проси с нами и за нас о милости и отпущении. Молим покорно у Небесного Отца ради искупительной жертвы распятого Христа, на приговор Твой, Святого Иосифа, святых Кирилла и Мефодия и наших святых Покровителей которые суть гордость наших деяний и взор на нашу жизнь.

Тебе, Мария, Помощница христиан, с доверием вверяем и посвящаем наше настоящее. Проси за нас и поддерживай нас, чтобы мы превозмогли зло и поднялись над ним твоимым нами добром. Чтобы мы превозмогли ненависть любовью! Чтобы мы победили невежество верой и надеждой! Вверяем Тебе, Мария, наших близких, детей и молодежь. Мы хотим научиться уважать жизнь и хранить ее от момента зачатия. Помогите нам, Мария, превозмочь ненужную гонку за суетной славой и пустой выгодой. Научи нас черпать силу в Святой Евхаристии и в таинствах. Укрепи наше общество в день Господа в наших святынях. Вымоли для нас, чтобы из наших семей выходили новые работники для виноградника Господнего. Научи нас уважению и люб-

ви к человеку, к старым людям, к больным. Помогай нам, чтобы мы веру, унаследованную от отцов, передали неизменной будущим поколениям.

Твоему Непорочному Сердцу вверяем и посвящаем будущность третьего тысячелетия, к которому приближаемся. Мария, Царица мира, вымоли для нас полноту даров Духа Святого, чтобы мы с нашей родной Земли и в новом тысячелетии свидетельствовали о Распятом и Воскресшем Христе. Аминь.

Молитва Фатимской Божией Матери о России

В мае 1947 г., по случаю 30-летия фатимских явлений (1917–1947) в Фатиме происходил Международный конгресс женской католической молодежи. Сестра Луция, единственная из оставшихся в живых детей, сподобившихся видеть Пресвятую Деву и говорить с Ней, настаивала на том, чтобы на конгрессе молились о России. Во исполнение ее желания была написана молитва в стиле восточного благочестия. По решению церковных властей она была опубликована в Фатиме на французском и португальском языках и роздана паломникам, присутствовавшим на торжественной Литургии 13 мая (в годовщину первого явления). После благословения больных со Святыми Дарами эта молитва была прочитана русской католичкой в присутствии духовенства и паломников на белой фатимской площади перед Базиликой.

Радуйся, Матерь Божия, Звезда Незаходящего Солнца.

Радуйся, падшего Адама воззвание (примирение).

Радуйся, слез Евиных избавление.

Радуйся, Ею же обновляется тварь.

Радуйся, благодатная.

Благодарим Тебя, Пресвятая Приснодева,
за неисчислимыя блага, которые по молитвам Твоим дарованы людям всего мира,
и за Твое непреложное ходатайство ко Творцу о христианах земли русской.

В течение многих веков Ты была для них:

Столп огненный, руководящий сущих во тьме,

Камень, напоивший жаждущих жизни,

Знамение истинной радости, земля обетованная.

И теперь, среди бедствий, нас постигших,

мы знаем, Милосердная Матерь, что Ты близка к нам и что Тебе поручено вернуть роду человеческому его бывшее счастье.

И Твое Фатимское откровение,
о Матерь Божия Нечаянной радости,
зажгло в душах наших луч надежды,
пробудило в них новые силы и желания.
Мы услышали Твой призыв к покаянию, самоотвержению
и молитве. Недостойные грешники, мы приносим покаяние
в грехах наших, в грехах народа нашего...
Укрепи в нас желание изменить нашу жизнь, помоги нам
бороться против страстей наших, против косности и равно-
душия;
помоги всюду возжигать огонь Божественной любви,
просвещать во тьме и тени смертной сидящих,
воспламенять остывших и в лености лежащих;
помоги нам отверзать очи незнающим Тебя и пренебрега-
ющим Тобой и искупать нашей смиренной любовью дер-
зость Тебя оскорбляющих.
Мы будем стремиться исполнять все Твои веления, чтить
Твое Пречистое Сердце, пылающее святой любовью к Богу
и к нам грешным, и причащаться с верой и благоговением
святых Христовых Тайн, источника благодати и жизни
бессмертной.
От всего сердца мы молим Тебя, чтобы Россия вернулась к
Богу.
Пусть наступит скорей это обещанное Тобой торжество
Твоего Пречистого Сердца,
предвозвещающее мир во всем мире. Мы просим Тебя об
этом в единении со всеми святыми земли русской, со всеми
мучениками, отдавшими жизнь за Христа во время гонений
за веру,
с миллионами русских христиан, Тебя чтивших и любив-
ших, и теми, которые и теперь продолжают молиться пе-
ред святыми иконами.
Вместе с ними поем Тебе песнь, исходящую из глубины
сердца:
    Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды,
    разве Тебе, Владычице: Ты нам помози,
    на Тебе надеемся и Тобою хвалимся.
    Твои бо есмы рабы, да не постыдимся.
Помоги, Царица всеблагая,
не только тем, кому дано было познать и полюбить Сына
Твоего, Господа нашего Иисуса Христа,
и Тебя, нашу Всесильную Заступницу и небесную Матерь,
но и тем, чья душа томится вдали от Бога, вдали от Тебя,
чья душа предана силам зла.

Богородице, имущая силу непобедимую,
осени их светлым и благодатным покровом Твоим,
умоли Господа об их прощении, избавь их от гибели.
Таинственная Лестница, по которой Бог снизошел к
людям,

ниспосли с высоты небес на землю русскую
дары пламенной веры и любви, дары разумения и мощи
духовной, всеильные дары благодати, подобные тем, ко-
торые превратили Савла в святого Павла.

Вспомни, Владычице наша, что Ты ускорила час соверше-
ния первого чуда Христова,

ускорь также осуществление Его предсмертного завета:

„Да будут все едино“ (Ин 17, 21).

Мы, бедные грешники, недостойны, чтобы Ты услышала
нас, но мы знаем, Препоблагословенная Мати, что никто еще,
с верой и смирением прибегающий к Тебе, не был Тобою
отвергнут.

Ты наша надежда и упование,

и мы верим, что Ты услышишь наши мольбы, сжалишься
над миром и над Россией,

поможешь народу русскому идти по светлым Твоим сто-
пам,

и распространишь свет веры Христовой на земле,

до тех пор, когда вместе с Тобою на небесах,

мы станем славить и воспевать Господа нашего во веки
веков. Аминь.

ВЕНЧИК

десяти
евангельских
добродетелей
Пресвятой Богородицы
и Приснодевы Марии

Молитва из Устава Десяти Добродетелей Пресвятой Богородицы, сохранённая в традиции Ордена Марианов.

Для частного чтения.

Вначале осеняем себя крестным знамением:

† Во Имя Отца и Сына и Святого Духа.

Аминь.

Затем один раз (на большой бусине):

Отче наш...

и десять раз (на малых):

Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с Тобою.

Благословенна Ты между женами и
благословен плод чрева Твоего, Иисус.

Святая Мария, Матерь Божия,...

(здесь каждый раз прибавляем одну из добродетелей в следующем порядке):

1. Пречистая,
2. Премудрая,
3. Смиреннейшая,
4. Вернейшая,
5. Набожнейшая,
6. Препослушная,
7. Наибеднейшая,
8. Терпеливейшая,
9. Милосерднейшая,
10. Многострадальная,

...молишь о нас, грешных ныне и в час смерти нашей.

Аминь.

В. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу

О. Как было вначале и теперь, и всегда, и во веки веков.

Аминь.

В. В зачатии Твоём, о Богородице, Ты была Непорочна.

О. Молись за нас Отцу, Сына которого Ты родила.

В. Помолимся.

О Боже, Ты, который через Непорочное Зачатие Пресвятой Приснодевы Марии приготовил Своему Сыну достойное жилище и силой крестной смерти и воскресения Христа, уберёг Её от всякой скверны греховной, дай нам, заступничества Её ради, прийти к Тебе безгрешными. Через Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, живущего и царствующего с Тобою в единстве Духа Святого во веки веков.

О. Аминь.

В. Пренепорочное Зачатие Пресвятой Богородицы Марии,

О. Будь нам защитой и покровом.

Молитвы к Богородице о воссоединении христиан

Пресвятая Богородица, Матерь всех христиан, укажи нам правильный путь, ведущий нас к воссоединению. Сделай, чтобы мы на этом великом пути намного чаще встречались с нашими братьями-православными (католиками) и вместе получали Божии знаки этого единства, о котором молился сам Христос.

Матерь Утешения, отдаем в твои руки все тревоги и страдания века, молитвы и дела жизни всех Твоих детей. Вверяем Тебе надежды и чаяния наследников Крещеной Руси, которые уверовали, что благодаря твоему заступничеству древний род христианский увидит сияние обновленного мира.

Привлечи к сердцу, Матерь Божия, людей, скорбящих об утраченном, но не переставших верить в вечную жизнь. Помогай верным рабам Твоим, чтобы они вместе со Всеми Святыми и в духовном общении с преемником Святого Апостола Петра радостно воспели пылким сердцем гимн благодарения Богу и Тебе, Пресвятая Матерь Искупителя, Тебе, Богородица. Аминь.

(Иоанн Павел II)

Отче святы́й и милосердный,
который возвестил Благославленной Деве Марии,
что через приход Твоего Сына
могущественные будут унижены,
а покорные возвышены,
просим тебя за униженных,
которые вместе с Ней
взывают к Тебе.

О Христос, который родился
от Девы Марии, послушной Слову Твоему,
Дай и нам духа послушания.
Вместе с Ней, первой из
многочисленных свидетелей,
хотим научиться говорить:
пусть мы станем
согласными Воле Твоей!

Боже! Ты захотел сотворить
из Девы Марии символ Церкви.
Пошли на нас Твоего Духа Святого,
чтобы мы вскоре объединены были
в одно целое,
и чтобы Христос освятил через нас
людей, которые думают,
что не могут верить.
Аминь.

Преблагословенная Дева и Мать Божия Мария.
Призываем Тебя, которая в тайне Христовой как Мать
вечно живёт и содействует: направляй и сохраняй святого
Отца нашего на трудном пути его служения. Будь неотлуч-
на, да сподобится он скале непоколебимой и поведёт своё
стадо и укрепит своих братьев.

Молись об освобождении всей святой Церкви Христо-
вой. Да сохранит она неповреждённым сокровище веры и
сделает его солью земли и светом миру. Вымоли всему на-
роду Божиему благодать верности и послушания замести-
телю Сына Твоего.

Мать Церкви, способствуй приближению дня, когда
все люди, освящённые Истиной, будут собраны в единое
стадо вокруг единого Пастыря. Аминь.

Содержание

Слово к читателям (Еп. Ян П. Ленга)	5
Введение (Р. Пентка)	7
История и легенда	11
Очевидцы	14
Песнь невинности	19
Ангельская прелюдия	23
Кова-да-Ирия	29
Пробуждение	34
Сердце, оркуженное терниями	39
Поле брани	44
Белое облако	48
К вершинам	54
Ад идет в наступление	59
В тюрьме	63
Аромат, оставленный Божией Матерью	72
Веревка, затянутая на поясе	76
Дождь из цветов	80
Виконт из Монтелло	84
Танец солнца	92
Конец и начало	99
Зажженные светильники	102
Огонек на пороге	109
Крестный путь Гиацинты	116
Аромат святости	125
Ты останешься... ..	129
Бессильная ярость	134
Фатима и Святой Отец	141
Как бурный поток	147
Мать Милосердия	149
Странствующая Божия Матерь	152
„Счастливого пути, Фатимская Дева“	153
Сердечные приветствия	156
Поклонение мусульман	158
Великое обращение	160
Второе всемирное странствие	162
Пятидесятая годовщина явлений	164
Фатимская тайна	167

Непорочное Сердце Марии	173
Искушение	175
Посвящение	176
Великое обещание	179
Фатимские документы	184
Оценка записок Луции	187
Воздушный путь над Италией	189
Час Марии	189
Посвящение Италии	190
Намерения епископата	191
Организационный комитет	191
Путь Девы Марии	192
Маршрут Рим – Лиссабон – Фатима – Неаполь	193
Сошла с небес... ..	194
„Живая” Божия Матерь	195
Царица сердец	196
Необычайная радость в городах	197
Единый в своем роде апофеоз	198
„То, что больше, чем миссия!”	199
Вестница мира	200
Окончание	202
Послесловие (<i>В. Лашевски</i>)	205
Иоанн Павел II – тот, кто доверился Марии	206
Покушение	207
Паломничество в Фатиму	209
Приложение. Избранные молитвы (<i>С. Гайек</i>)	215
Фатимские молитвы	217
Акт посвящения мира Пресвятой Деве Марии (Иоанн Павел II, Фатима, 13 мая 1982 г.)	218
Молитва посвящения (словацкая)	221
Молитва Фатимской Божией Матери о России	223
Венчик десяти евангельских добродетелей Пр. Богородицы	226
Молитвы к Богородице о воссоединении христиан..	228

Апостолат

Непорочного Сердца Девы Марии

Во время своего явления в Фатиме Божия Матерь сказала пастушкам:

Бог хочет утвердить на земле почитание Моего Непорочного Сердца. Если вы сделаете то, что Я вам скажу, множество душ будет спасено и обретет покой.

Этимися словами Пресвятая Дева указывает человечеству благородный путь ведущий к Иисусу Христу. Она в своей материнской любви дает нам свое Непорочное Сердце, полностью соединенное с Пресвятым Сердцем Иисуса, учит нас исполнять волю нашего Спасителя и служить Ему.

В ответе на призыв Фатимской Божией Матери организовалась в Португалии ассоциация мирян – „Группа Непорочной Девы Марии“. Она сосредоточила свой апостолат (деятельность) в ширении почитания Непорочного Сердца Пресвятой Девы, посвящения Ей стран, народов, домов и семей.

Выражением этого посвящения являются маленькие памятники со статуей Фатимской Божией Матери, которые днем и ночью призывают всех людей к покаянию, молитве и к верности Богу.

Эти памятники, (маленькие часовни, освещенные ночью) припоминают всем о благодати и милосердии Бога. В Португалии воздвигнуто уже более ста таких-же памятников.

Пресвятая Дева доверила сестре Луции обещание, что Она окажет свою особую помощь и все необходимые для

спасения благодати, в час смерти тем, которые в каждую первую субботу в течении пяти месяцев:

- приступят к таинству покаяния (к святой исповеди),
- примут святое Причастие,
- будут читать Розарий (одну часть)
- будут размышлять в течении 15 минут о тайнах Розария.

Искреннее почитание Непорочного Сердца Божией Матери является истинным источником спасительных Божиих благодати для человечества конца 20-го столетия.

Непорочное Сердце Божией Матери призывает всех:

- Идите в дом Сына Моего и там найдете мир и вечное счастье.

Примечание:

Все, кто заинтересованы приобретением маленькой часовни Фатимской Божией Матери могут обратиться по адресу:

Gruppo da Immaculada
Casa do Sino
Rua do Colegio de Sao Miguel
P - 2495 FÁTIMA
Portugal Португалия

Мариане
Общество Непорочного Зачатия
Пресвятой Девы Марии
(Congregatio Clericorum Marianorum
ab Immaculata Conceptione
Beatissimae Virginis Mariae;
сокр.: M.I.C.)

Общество Марианов Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии (иначе Конгрегация Марианов) – это католическое орденское общество, основанное в 1673 г. отцом Станиславом Папчинским (в Польше), обновленное в 1909 г. литовским священником (позже епископом г. Вильнюса) – Блаженным Геогрием (Юргисом) Матулайтисом, профессором Духовной Академии в Санкт Петербурге, для душпастырско-апостольской работы „Для Христа и Церкви”.

В служении Христу и Католической Церкви (латинского и восточного обрядов) Конгрегация Марианов объединяет священников (иеромонахов) и братьев-лаиков (монахов) из разных народов в душпастырском служении, под Покровительством Пресвятой Богородицы, в монастырях, в приходах, миссионерских станциях, католических школах, через издательскую, научную и экуменическую деятельность.

Кроме Польши и Литвы мариане (или марианцы) работают в США, Бразилии, Аргентине, Руанде, Австралии, Португалии, Великобритании, Италии, Словакии. Долгие годы мариане ведут душпастырскую и евангелизационную работу тоже на Украине, Беларуси, в Латвии, Эстонии, Казахстане.

Все, кто хочет навязать духовную связь с Обществом Марианов, особенно молодые католики, заинтересованные

монашеской жизнью, могут обратиться по одному из следующих адресов:

288735 УКРАІНА, Вінницька обл.,
смт. ЧЕРНІВЦІ
вул. Леніна 200
Преп. О. Ігум. Леонід Ткачук

Ksieża Marianie
Duszpasterz Powołań
ul. Św. Bonifacego 9
02-754 Warszawa-Stegny
Польша

Rev. Padre Generale
Padri Mariani
via Corsica 1
00198 Roma
Италия – Италия